

ЗАВЕЩАНИЕ

ЗИМИН АЛЕКСЕЙ

16+

Алексей Петрович Зимин

Завещание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65384141

SelfPub; 2022

Аннотация

То, чего страшишься сильнее всего, обязательно произойдет! И когда это происходит, ты становишься перед выбором, что для тебя самое важное. Родители? Дети? Любимый человек? А может быть, твоя собственная жизнь или что-то ещё? На что ты готов пойти ради этого? Хороший вопрос!

Но ты когда-нибудь думал, что важно для другого? В поисках ответов осмотрись по сторонам и приглядиись к ближнему своему, возможно, ты ступаешь на зыбкую почву. Правда иногда шокирует, обманутым жить проще. Главное помнить, когда заглянешь в Бездну, то встретишь её взгляд!

Чужая душа – потёмки! Выставляю на обозрение свою. Прочти и подумай, что творится в сознании «Незнакомца».

Алексей Зимин

Завещание

ВВЕДЕНИЕ.

ДЛЯ ТЕБЯ

ОЛЬГА!!! – *второстепенный персонаж произведения «Завещание», имеющий определённую сюжетную нагрузку, но играющая одну из ключевых ролей в мире автора.*

ДЛЯ БРАТА

В феврале 2019 года моё психологическое состояние оставляло желать лучшего. В очередной зимний вечер мы с тобой как обычно созванивались и по несколько часов разговаривали. Не помню, как мы подошли к этой теме, но я тогда сказал:

– Мне всегда хотелось что-то эдакое написать.

На что ты ответил:

– Так вперёд. Сейчас самое время. Ведь, когда тебе по-настоящему плохо и рождается нечто подобное.

Я серьёзно задумался, мы прикинули жанр и после твоей излюбленной фразы «Перо само возьмёт» дело пошло. И вот перо взяло, и книга закончена. На протяжении всего времени ты держал руку на пульсе, принимал самое прямое участие в этом мероприятии. Мы часами по телефону составляли сюжетную канву, придумывали персонажей, обсуждали сцены

и события. А потом по вечерам вместе смеялись и грустили после моего очередного прочтения готового отрывка. Сам процесс написания оказался куда важнее и интереснее, чем конечный результат. Спасибо тебе!

ДЛЯ БАБУШКИ

Есть много людей, которым я бескрайне благодарен. В основном, конечно, это семья и близкие друзья. Но есть один человек, которому я благодарен в особенности. Это моя бабушка. Спасибо тебе за годы заботы, поддержки, бескорыстной любви. И даже в те нелёгкие дни, когда жизнь кидала тебя в пучину отчаянья ты оставалась рядом: как наставник, воспитатель, мама и отличная бабушка. **СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ВСЁ И НИЗКИЙ ПОКЛОН!**

ДЛЯ АВТОРА

ПОМНИ: ты не один, но ты одинок. Если однажды проснёшься и поймёшь, что в первом предложении после запятой что-то изменилось – знай, ты снова счастлив.

ПРОЛОГ. Я ВСЕГДА БОЯЛСЯ ОСТАТЬСЯ ОДИН

Я всегда боялся остаться один. Когда некуда идти, по дороге некому позвонить, а по возвращении назад никто не будет ждать. Знаете, один мой знакомый говорил, то чего страшишься больше всего, то и произойдет. Он как-то признался мне, что боится потерять свою девчонку, подкрепляя это тем, что в её лице обрёл смысл жизни. И правда, со стороны они казались любящей, гармоничной парой, неким этало-

ном, если хотите. Те четыре года, которые мы учились вместе на отделении «Лечебное дело» в медицинском колледже, все в одно горло кричали какой прекрасный дуэт и союз. Но по иронии судьбы с ним произошло то, чего он боялся больше всего, они расстались. Подробности мне не известны я не тот, кто лезет в чужую жизнь.

Подобная участь ждала и меня, страхи воплотились в реальность. Сначала погиб отец, если быть точнее его убили по дороге домой. Помню, как сейчас: только начался четвертый курс моего обучения в медицинском колледже. Мать и я сидели на диване, а по телевизору шло какое-то шоу как раз за полночь. Мы ждали его домой, прислушиваясь к каждому шороху или топоту из подъезда. При других обстоятельствах я бы уже отправился спать, ведь на учёбу вставать нужно рано. Но в тот день даже захоти, глаза бы не сомкнулись. В итоге были обзвонены все друзья, затем больницы и ментовки, и наконец морги. Ответ везде один не видели, не поступал. Так прошёл день, потом второй, за ним третий. Отца нашли мёртвым. От него осталось лишь понимание и неприятие того что произошло. Я после долгое время раз за разом подходил и нюхал его гаражную синюю куртку, висевшую за дверью в моей спальне, чтобы не забыть отцовский запах. Глупо наверно! Мать в итоге сильно подкосило. Только я закончил колледж, как её тоже не стало. Официальная причина смерти – сердечная недостаточность. Ей было сорок семь лет, столько же было отцу, когда он погиб. Они не жили

долго и счастливо и не умерли в глубокой старости в один день, но ушли на одном году жизни, достойно пройдя свой путь вместе, до конца.

Третий и последний близкий мне человек – бабушка по матери. Она жила в другом городе и звали её Александра, но я называл её Шура. К сожалению, покинула нас бабушка задолго до трагедии с родителями. Так, всего за несколько лет я остался один, имея на руках три свидетельства о смерти самых близких мне людей. Кто-то скажет это просто совпадение, рано или поздно это бы случилось. Тогда уж лучше поздно и в совпадения я не верю. Не поймите неправильно оставались и другие, так называемые дальние родственники. Видел я их всего два раза: первый на фотографии, второй на похоронах у отца. Что касается друзей, то лично у меня их никогда не было. Были знакомые или хорошие знакомые, но друзей – нет. За спиной, даже мои одноклассники называли меня нелюдимым. Я и вправду плохо схожусь с людьми в силу своего характера. То чего я так боялся больше всего – произошло, словно злой рок был исполнен.

Ни что больше не держало меня в родном городе, а потому уладив дела с домом родителей, отправился в Балашов, где жила бабушка. Её старая квартира на пятом этаже пустовала. В детстве я все каникулы проводил там, а потому вся лестничная площадка меня уже знала. Там жили одни старики, и моя бабуля была у них на хорошем счету. Умела, как никто налаживать контакты. Плюс на местной станции скорой

помощи удалось получить ставку фельдшера. Это стало ещё одним поводом перебраться на мамину родину. На вырученные деньги за отчий дом, удалось отшаманить бабину двушку, сделать ремонт и обставить всю квартиру заново, ещё и осталось. Так началась моя новая жизнь. Не всё так плохо конечно. Моя новоиспечённая профессия позволила завести знакомства в рабочей сфере, а также привлечь внимание к моей персоне у соседей по подъезду. Ведь по доброте душевной и по долгу службы, я не мог им отказать в профессиональной помощи. Тем более мне не в тягость, да и знали меня все, как Шуриного внука. Ну и как тут откажешь?

К своему удивлению у меня появился друг, вероятно странный, для человека моего возраста, но всё же. То была баба Клава, как её называл я или Клавдия Семёновна, как её называли все в подъезде. Была обычной, если так можно сказать Российской старушкой, но приверженцем советского времени. Ведь больше половины своей сознательной жизни провела именно в ту, как она говорила замечательную и справедливую эпоху. А эту современную жизнь не понимала, да и понимать не хотела. На самом деле мои воспоминания о бабе Клаве отходят ещё к детству. Я и сейчас помню, как родители привозили меня на все каникулы в Балашов, и мы с бабушкой Шурой каждый вечер приходили к Клавдии Семёновне смотреть сериалы по телевизору, а по пятницам ещё и «Поле Чудес». Почему именно к ней? Возможно, потому что они ладили лучше всех, либо она жила через стенку и не

надо было далеко идти. Бывали и дни, когда она сама приходила к нам, просто поболтать. Из таких разговоров я узнал, что работала старушка на обувной фабрике и где-то на дальнем востоке, товароведом по учёту рыбы и двадцать лет дезинфектором в санэпидстанции, прямо до самой пенсии. Там, как она заверяла и оставила своё здоровье. Так же, что детей и внуков у неё нет, муж умер давно, а сестра – её ближайший родственник, живёт далеко. Так и повелось, старушку я знал с детства, а потому после моего переезда, мы быстро нашли общий язык. Начал помогать по быту, иногда ходил в магазин, участвовал в уборке и другие мелочи. Мерил артериальное давление, советовал препараты. В такие моменты она в шутку называла нас коллеги, ведь работая в санэпидстанции, считалась как средний медицинский работник. Баба Клава стала относиться ко мне как к сыну или может внуку, которого никогда не было, и которого приобрела. Я тоже был не против такого родства, старушка хоть и немного, заменила частичку семьи, которую потерял.

ГЛАВА 1. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В то, как мне казалось с первого взгляда обычное утро, я отработал и сдал смену на станции. Плюсом прождал на остановке автобус. Город вроде не большой, но уехать в район, в котором проживал, всегда проблематично. Особенно в воскресенье, когда автобусы почти не ходят – добираться, как хочешь. И того, у двери родного дома стоял около десяти

утра, учитывая, что смена заканчивалась в восемь. Я копошился в кармане куртки и не мог отыскать ключи, которые вперемешку с мелочью полученные от кондуктора автобуса, найти не так просто. Но резко остановился. Как бы странно не звучало, но меня привлекла гробовая тишина, стоявшая на лестничной площадке. Обычно в это время баба Клава смотрела «Вести». У старушки прослеживались проблемы со слухом, восемьдесят лет как ни как, а потому громкость на телевизоре она выкручивала порядочно. А так как стенки у нас тонкие, на площадке всё было слышно, но не сегодня. Именно сейчас слышалось только собственное дыхание, а после звон ключей. Предавать этому значение не имело смысла, мало ли чем человек занят, а потому вставив ключ в железную дверь и крутанув пару раз, зашёл в уютную квартиру.

Переделав кучу бытовых мелочей, уселся в кресло. На пару минут прикрыл глаза, в мыслях прокручивая прошедшую смену. В дверь резко позвонили. Тут пришло осознание того, что я задремал и хотя находился в состоянии полудрёма, этот звонок не перепутаю не с чем: протяжный, в течение пяти секунд, и два коротких звоночка в конце. Это подчерк бабы Клавы, её визитная карточка. Я глянул на часы телефона, время одиннадцать, как всегда, крайне пунктуально. Вот уже две недели подряд в одиннадцать утра и девять вечера мы с бабой Клавой измеряем ей артериальное давление. По наставлению участкового врача, она делает записи результа-

тов в тетрадь. У неё, конечно, есть свой тонометр, автоматический с подсчётом пульса, который в конце громко, голо- сом, выдавал результат измерения. Для старушки с плохим зрением и проблемами со слухом – идеально. Но поймите меня правильно, не доверяю я им. Как показывает практика, их результаты бывают крайне далеки от реальности. Другое дело механические тонометры, если уметь ими пользоваться, достаточно точны – у меня естественно такой. Я вскочил с кресла и направился к двери. Зуб даю, открыв, там будет Клавдия Семёновна. Так и получилось. Распахнув дверь, увидел старушку.

– Привет Семёновна! Нарядно выглядишь, на свидание собралась?

– А как же, какие мои годы?

Мы оба рассмеялись. Но что интересно, баба Клава выглядела сегодня и правда по-другому. Помимо нарядной, если можно так сказать праздничной одежды, казалась посве- жевшей.

– Сегодня я жду много гостей, приедут дальние родствен- ники.

– Серьёзно? – Удивлённое выражение лица, с которым я произнёс эту фразу, было далеко не поддельным. То, что ста- рушка не общается с родственниками и уж, тем более, не со- стоит в дружеских отношениях – не секрет. И речь идёт, не только о встречах хотя бы раз в год, а даже о поздравлениях в дни рождения по телефону, которых никогда не получала.

– Что за повод, если не секрет? – Теперь мне стало до жути интересно.

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни! – Она произнесла эту фразу, как будто заранее готовила текст.

– Ну ты прям интриганка. Так. Окей. Сейчас я только возьму тонометр, и пойдём к тебе, давление мерить.

Я быстро развернулся, забежал в зал, схватил заранее приготовленный аппарат, лежащий на компьютерном столе, и вернулся, но в дверном проёме её уже не было. Наверно зашла к себе. Хотя по правде, быстроходностью она не отличалась, скрипа двери я не слышал, а поход за тонометром занял от силы, секунд пятнадцать.

Баба Клава жила в однокомнатной квартире. На входе маленькая прихожая, для того что бы понимать каких она размеров, туда не вмещался даже шкафчик для одежды, просто висели крючки. Прямо кухонька, слева достаточно просторный зал, а справа спаренный туалет с ванной. Для одного человека не плохо, по крайней мере, она никогда не жаловалась. Я скинул тапочки и зашёл в зал. Тут царил постсоветский интерьер. У стены напротив входа, почти во всю ширину стоял гарнитур, годов восьмидесятых. В нём хранилось всё: сервиз под стеклом, книги, посуда, внизу белье и одежда, а за дверцей под замком, лекарства. Сверху на ней лежала так же всякая всячина: часы, соковыжималка в коробке, плюшевая игрушечная собака и даже небольшой самовар. С другой стороны, складная софа зелёного цвета, такая была

и у моей бабушки, только жёлтая и скрипела даже когда на неё садилась муха. Над софой висел красный с узорами ковёр, и рядом стояло кресло. У окна располагался массивный полированный стол, на подоконнике алоэ и тройка кактусов, а разделяло всё это, белая тюль и шторы. На полу линолеум, который лежит с тех самых пор, как дом начал заселяться. Интерьер здесь не менялся, должно быть, лет тридцать или сорок. Самой новой вещью, оказался телевизор «Рубин». Он достался бабе Клаве за так, от соседки, которой дети купили плазму. Со всем с тем у неё было очень уютно.

Баба Клава сидела за столом и ждала меня.

– Какая ты шустрая, я только отвернулся, а тебя и след простыл. Смотрю ты сегодня бодрячком.

– Так за мной опытный специалист присматривает. Тут не захочешь – побежишь. – Ответила старушка.

– Скажешь тоже, специалист. Самой-то не смешно?

– Ничуть! Сколько раз я тебе говорила Кирюш, не принимай себя, но и нос не задирай, а специалист ты будешь отменный, просто пока опыта недостаёт. Я-то знаю что говорю, всё-таки жизнь прожила, у меня глаз намётан.

– Мне иногда кажется, медицина это не моё. Вроде людям помогаешь, доброе дело делаешь. Да и что я четыре года зря учился, родители тянули, но... – я на секунду задумался, и продолжил. – Но не чувствую себя на своем месте. Как будто, не в своей тарелке.

– Твоё, твоё. Подожди, всё устаканится. Москва тоже не

сразу строилась.

Баба Клава мудрая старушка и сколько её знаю, она мне ничего плохого не советовала. Впрочем, как и сейчас, но я всё равно остался себе на уме.

– Ладно, давай руку.

Она засучила рукав платья и приготовилась. Я расстегнул манжету тонометра и начал надевать, но резко отдёргнулся. Сказать, что это выглядело странно, не сказать ничего. Будто ужаленный. Хотя Клавдию Семёновну это не смутило или она, просто, не подала виду.

– Чего ты? Не будем сегодня? – Сказала она таким тоном, будто минутой ранее, я не шарахнулся от неё, едва не выровнив тонометр.

– Да нет, всё нормально, сейчас продолжим.

Я опять взял манжету, которая уже сползла и начал надевать на плечо. Закрепил, так что бы она располагалась примерно на два сантиметра выше локтевого сгиба. Все как учили – прямо по книжке. Первый раз, надевая аппарат, мне показалось, будто я прикоснулся к покойнику. Кожа старушки была холодной, но теперь всё стало нормально. Всё же стоило поступиться своими правилами и поспать после работы, а то крыша совсем потекла. Приложил мембрану, вставил стетоскоп в уши, закрутил колесико и начал грушей нагнетать манжету. Обычно я накачиваю до двухсот миллиметров ртутного столба, так сделал и в этот раз. Постепенно начал спускать воздух, медленно откручивая колесико и парал-

лельно следя за стрелкой на циферблате. Сегодня явно не мой день, ведь дойдя до отметки сто тридцать, если всё хорошо, обычно начинался первый тон и стрелка дёргалась. Плюс минус десять пунктов. Но в этот раз – ничего. Вообще! Абсолютно! Выпустив воздух до конца, так ничего не услышал и не увидел.

Баба Клава вопросительно посмотрела на меня:

– Ну? Что там? В космос можно лететь?

– Ааам. Сегодня явно не мой день, – ответил я, снимая стетоскоп. – То ли у меня руки кривые, то ли тонометр сломался?

– Что же ты там намерял? – Улыбаясь, спросила старуха.

– В том то и дело – ничего. Ноль. Давление не прослушивается. Наверно что-то сломалось? Подожди, сейчас разберёмся. Давай твоим померяем.

Я уже потянулся к электронному тонометру, который лежал на столе, но баба Клава меня остановила.

– Не надо. Успокойся. Я уверена, что с твоим тонометром всё нормально и с тобой тоже. Не будем ничего перемерять, тем более что чувствую я себя сегодня великолепно.

– Точно?

– Да.

– А как же участковый врач? Придёт проверять будет.

– Мы с тобой две недели меряли и этого хватит.

– Ну смотри, тебе видней, хозяин – барин.

Я отстегнул манжету, снял аппарат с руки и положил на

стол. Пододвинул стул и тоже уселся.

– Устал со смены? Много вызовов было? – Баба Клава посмотрела на меня жалеющим взглядом, зная, как я умаялся.

– Тринадцать, – пробормотал я. – Всего вроде тринадцать вызовов, но на самом деле так много. Кто-то вызывал повторно, кто-то пьяному соседу, так же мотался в Пинеровку к беременной. Ещё просто порожняком гонял, ехал на сердечника, а приехал к бабульке, которая уже в коридоре ждала с сумками, что бы её в терапию отвезли. Ну разве мы такси? Был на констатации смерти и так далее. Не поесть толком не успел, ничего. Как бы сегодня не вызвали карты переписывать.

Баба Клава, внимательно выслушав мои жалобы, привстала.

– Знаешь, что? А давай ка лучше чайку попьём и на время забудем о работе.

Я улыбнулся, потому что от чая бы и правда не отказался. И тоже собрался вставать.

– Сиди, сиди. Я сама всё сделаю, ты и так устал с работы.

Хотелось возразить, но не стал, остался сидеть в зале за полированным столом и слушать, как Клавдия Семеновна копошится на кухне. Через некоторое время она вошла с подносом, на котором парили две кружки с чаем, мёд в пиле, сушки и пряники. Мы принялись чаёвничать и беседовать.

– Ну ты и конспиратор, – начал я. – Я вчера на смену ухо-

дил хоть бы слово проронила, что намечается что-то грандиозное.

– Грандиозное, но это ты преувеличиваешь.

– Ни фиги себе, преувеличиваю. К тебе родня приедет первый раз за много лет.

– Понимаешь мы с сестрой уже не молодки, мне восемьдесят, ей семьдесят восемь. Время в таком возрасте идёт не на дни, а на часы. Какие бы между нами не были разногласия мы всё же родные сёстры. Вероятно, видимся последний раз. – Её слова прозвучали крайне грустно, но на лице у Клавдии Семёновны, это видно не было. Наоборот она сидела спокойная и умиротворённая.

– Она одна приедет?

– Нет. Её привезут дети, если быть точнее: дочь с мужем и внучка Олеся. Она примерно твоего возраста, если не ошибаюсь.

– Извини за бестактность, я обычно не лезу вот так вот с расспросами, но почему вы перестали общаться? – Мне крайне неудобно задавать такие вопросы, но любопытство брало верх.

– Отчего не рассказать, расскажу, тут секрета нет.

Но наш разговор прервал телефонный звонок. Я достал мобильник из кармана, на нём светилось имя Люба. Степень моего разочарования в тот момент не описать словами. Люба, или Любовь Николаевна – старший фельдшер на станции скорой помощи. Как профессионал своего дела, работу

она выполняла качественно. Но как человек. Тут было по настроению, если хорошее, то посмеётся и пошутит. Но если ей сделали нервы с утра по раньше, то на глаза лучше не попадаться. Ко всему этому добавлялось её извечное мнение о молодежи, что мы не такие как она была в нашем возрасте и одного года не продержимся на станции, вылетим, и вообще должны жить на работе и думать только о медицине. А потому как пройдёт разговор зависело напрямую от её душевного состояния в данный момент.

– Да? – Я всегда так начинал телефонный разговор, когда мне звонят.

– Алё Кирилл. Ну, слушай что. Андрей Юрьевич проверял карты вашей смены. Надо прийти переправить, а то ругается, говорит, оштрафует всех. Сегодня сможешь?

– Смогу. Выбора то у меня всё равно нет.

– Конечно нет, – радостно ответила Любовь Николаевна. – Отлично, тогда ждём. Стой, не клади трубку. Чуть не забыла, у тебя номер Насти есть, а то найти не могу?

– Не помню. Посмотрю, если есть, скину смс. – Конечно у меня был номер, но давать его Любе, не спросив сначала Настю, не собирался. Мало ли что человек запланировал, а её будут дёргать на работу в собственный выходной.

– Хорошо, давай. – Ответила Любовь Николаевна и положила трубку.

Разговор вышел как всегда конструктивный, короткий и по делу. Благо, она оказалась в хорошем настроении и не

спустила на меня собак. Идти не хотелось, но тут ничего не попишешь, назвался груздем, полезай в кузов. Теперь придется. Я посмотрел на Клавдию Семеновну и понял, она уже догадалась, кто звонил и по какому поводу. А потому слёту сказала:

– Не расстраивайся, надо значит надо. Такая у тебя работа.

– Да понимаю я, не хочется. Мы так хорошо с тобой чай пили, разговаривали по душам.

– Ну, будет тебе. – Она похлопала меня по плечу.

– Так. К тебе сегодня родственники приедут, надо будет угощать чем ни будь. Давай составим список, я в Кулинарию схожу и всё куплю, а потом на работу пойду.

Кулинария – это местный магазин, в районе котором мы жили. Инфраструктура тут развита плохо, а потому не школы, не садика здесь не было, даже сетевых продуктовых по типу «Магнит» или «Гроздь», да что говорить, банально отсутствовал банкомат. А потому, магазином выбора была Кулинария, ну знаете, как препарат выбора – достаточно эффективный при минимальных побочных действиях. Тут так же, имелось всего по чуть-чуть и минимум просрочки.

– Не забивай себе этим голову, я сама со всем справлюсь. А ты ступай на работу.

– Вот так вот уйти и бросить тебя один на один... – Я не успел договорить, как Баба Клава меня резко перебила.

– Я все уже заранее приготовила. Можешь не волноваться

и ехать на работу со спокойной душой. Я не маленькая девочка и знаю, как встречать гостей.

Что ж, тут ответить нечего. Единственное, что всплывало в голове, это когда она всё успела. Я встал из-за стола, одним глотком допил уже остывший чай.

– Раз у тебя всё под контролем то не буду тратить время, побегу на работу. Пойдём, проводишь меня до двери и закроешься заодно.

Я подал руку Бабе Клаве и помог встать.

– Всё, побежал, удачно тебе встретить гостей, сильно не буянь. Шучу! – И приобнял старушку.

– Вечерком как с работы приедешь, загляни ко мне, хорошо?

– С удовольствием. Не прощаемся.

Я вышел в подъезд и захлопнул дверь. Оставалось только переодеться и в путь. В итоге, из дома стартовал в начале первого. Автобус, на котором добирался до работы отъезжал от остановки в тридцать минут. Но, как и полагается он не приехал. Обычная практика для Нефтяной, либо на обеде, либо сломался. А потому вместо маршрутки номер «одиннадцать» пришлось ждать «одиннадцать А». Сев в автобус, я написал Насте, хорошо она была онлайн, не люблю лишний раз звонить и беспокоить. Найти её в списке друзей в социальной сети не трудно, ведь таковых там не много, да и те коллеги по работе. Положив телефон в карман задремал, периодически открывая глаза, чтобы не пропустить конечную

остановку. На станции я задержался на удивление долго, хотя столько и не планировал. Просмотрел карты, потом оказалось у коллеги юбилей – тридцать пять лет. После пошёл в гипермаркет и только потом поехал домой. Время подошло к половине седьмого вечера и уже порядком потемнело. Ноябрь. Я зашёл в подъезд, на первом и втором этаже свет горел всегда, а вот дальше начинались проблемы, иногда идти приходилось на ощупь. Подойдя к двери, поставил пакеты с продуктами и снова принялся искать ключи. Второй раз за день терять их в кармане это либо сверх невезения, либо я конченный неудачник. Облазив всё, подумал, что потерял, как вдруг нащупал среди мелочи. Самое смешное, минут пять, шарил в этом кармане, а потом столько же в других. Но злоключения на этом не закончились. Теперь не мог попасть в замочную скважину, будто она вообще пропала. Меня это уже начало раздражать. Пришлось достать телефон, который чуть не выронил из рук и включать фонарик. И о чудо, ключ я всё-таки вставил. Мне несказанно повезло, ведь теперь заклинил замок. Да, это был сарказм, я еле сдерживался, чтобы не заорать на весь падик. Пошаманив над замком несколько минут, внутри что-то щёлкнуло и ключ начал поворачиваться. Дверь открылась, но не моя, а Бабы Клавы.

Яркий свет из квартиры ударил в глаза, немного ослепив, но через несколько секунд всё пришло в норму. На пороге стояла молодая девушка, примерно моего возраста, может на пару лет моложе. Как и положено, новых людей встречают по

одежке, и то что я увидел, мне по душе. Девчонка приблизительно одного со мной роста, а это значит где-то сто шестьдесят семь сантиметров. Мягкие черты лица, выразительные карие глаза, подчёркивались ещё больше стрелками, нарисованными макияжным карандашом. Шатенка с длинными волосами, падающими по обе стороны на плечи и прикрывающая лоб, ровная чёлка. Стройная фигура подчёркивала женственность и в тоже время манящую естественность, пока что ещё не знакомой мне особы. Завершал композицию аромат духов. Для меня он был чем-то новым, таким терпким, сладким, но не приторным. Тут я поймал себя на мысли, мы стоим и молча смотрим друг на друга, уже около минуты. В голове каша и бардак. Нужно что-нибудь сказать, но кроме шутки Семёновна как ты помолодела, ничего больше на ум не приходило. Но не ловкое молчание прервала девушка:

– Здравствуй. Ты наверно, Кирилл? – Она протянула руку для приветствия.

– Привет. Да, всё верно, – я в ответ поздоровался. – Но откуда ты... – не успев договорить, резко получил ответ.

– Баба Клава много о тебе рассказывала.

– Тогда понятно.

Тут до меня дошло, передо мной стояла её двоюродная внучка, о которой говорилось утром. Меня сразу кое-что смутило. Как старушка могла обо мне много рассказывать, если они не общались?

– Мы знаем, как ты к ней относился, думаю она хотела,

чтобы ты тоже присутствовал.

– Вообще-то я собирался зайти, только хотел сумки поставить. – Ответил я, проигнорировав тот факт, что она говорила в прошедшем времени.

– Пойдём.

Девчонка взяла меня за руку и начала заводить в коридор. В голове мелькало, во-первых, а как же сумки, оставленные в подъезде, а во-вторых какая у неё нежная и мягкая кожа. Переступив порог, я слёту зарядил:

– Привет Семёновна! – Звук моего голоса приглушился.

Я чтобы не споткнуться, смотря на пол, переступил через порог и сразу начал разуваться, но остановился. Снова мёртвая тишина обступила меня. К ней прибавилось ещё и ощущение, когда не знаешь, не видишь, но ловишь на себе чей-то пристальный взгляд. По спине пробежали мурашки. Я медленно приподнял голову и посмотрел исподлобья в уверенности, что наткнусь на Семёновну. Шесть пар глаз. Шесть въедливых, застывших пар, с гнетущей маской лица, одновременно обращены в мою сторону. Они расположились полукругом в полумраке зала, облаченные во все чёрное, будто в траурный покров, окружая собой что-то стоявшее в центре. Я не мог посмотреть, что именно. Взгляд был прикован к их лицам. Глаза бешено перескакивали то на одного, то на другого. Ужас комком подступал к горлу, будто попал на шабаш ведьм. А потому одно движение с их стороны, и я готов бежать. Поздно! Дверь позади меня хлопнула, и чья-то рука

опустилась на плечо. Я резко дёрнулся.

– Ты как? В порядке? – Произнесла спокойно Олеся.

Девчонка следила за моей реакцией. Очевидно, она заметила, что я трясся как осиновый лист на ветру, скрыть такое невероятно сложно. В голове вертелась куча вопросов по поводу происходящего, из дюжины которых резко всплыл один. Где баба Клава?! Среди стоящих людей, её точно нет. Потихоньку взял себя в руки и выдавил:

– Где Клавдия Семёновна?! – Мой голос звучал жестко в этот момент, я был серьёзен и напуган.

Девушка недоумевающе посмотрела на меня. Потом повернула голову и глазами повела вглубь зала, пока её взгляд не остановился. Я последовал примеру. Толпа людей, не сговариваясь между собой, немного расступилась, открыв то, что стояло за ними. И в этот момент время замерло и всё вокруг остановилось. Мне бы хватило трех шагов, что бы зайти в зал, но тело онемело, налилось свинцом, даже воздух стал тяжёлым. Готов поклясться, ноги сковало путами. Следующие несколько мгновений, я оказался сторонним наблюдателем происходящего. Это не похоже на сон, или как люди описывают кому и клиническую смерть. Нет. Будто заключённый в незнакомца просматривал его воспоминания и не мог ни на что повлиять. Всего лишь зритель в собственном теле. Я видел, как Олеся взяла меня за руку и завела в зал. Но не её мягкой кожи, ни собственных тяжёлых шагов, ничего не ощущал. Осознание увиденного, вернуло меня в чувства.

Всё снова стало более чем реальным. Я обнаружил себя вцепившимся в край гроба и сжимающим кулаки, что есть мочи.

– Как? – Громко чуть ли не прокричав, сказал я.

– Эй, парень? Может, лучше присядешь? – Произнёс мужчина хриплым голосом, стоявший напротив меня.

– Как это произошло? – Я продолжил полностью, проигнорировав его вопрос.

– Инсульт. – Спокойно ответил он.

Немного замешкав, я спросил:

– Можно мне ознакомиться с медицинской документацией?

Мужчина без лишних слов подошёл к подоконнику, открыл коричневую барсетку, достал оттуда две бумаги и протянул их мне. Это были: справка из морга и свидетельство о смерти. В голове возник вопрос: Как так быстро они получили эти справки? Я начал читать и от написанного меня перекоробило, в обоих документах указано вчерашнее число даты смерти! Разные мысли и вопросы, накладываясь друг на друга, стали атаковать мою голову: «Я же, её сегодня видел?!»; «Как, вчера умерла?!»; «Может, мне приснилось?!»; «Что происходит?!».

Вдруг ярко и отчетливо, я вспомнил сегодняшнее утро, и мой взор невольно потянулся в сторону стола. Кружка! Она стояла на том месте, где я её оставил. Я что, схожу с ума? Лютый ужас парализовал меня, сердце хотело вылететь из груди, сознание стало путаться, спорное состояние всё сильнее

одолевало.

– Держи парень.

Услышав это, меня резко выдернуло из состояния сопора и вернуло в сознание. Почуяв запах этанола, увидел перед собой вытянутую руку, держащую рюмку. Я не люблю водку, но на автомате потянулся и залпом опрокинул стопарь, даже не почуяв.

– Кирилл. – Робко вымолвил, вспомнив, что даже не представился.

– Илья Петрович, – незамедлительно отреагировал, всё тот же мужской хриплый голос. – Приятно познакомиться!

Я начал осматривать всех присутствующих, всё-таки их вид был несколько необычен: все мужчины одеты в строгие, дорого выглядящие, чёрные костюмы с чёрными рубашками, а женщины в чёрные платья, отличающиеся только фасонами, с хорошими причёсками и аксессуарами.

– Ты как? – Спросила Олеся.

– Что-то я переволновался.

– Предлагаю почтить минутой молчания новопреставленную Клавдию. – Сказал Илья Петрович.

Все неожиданно замолчали и уставились на покойную, я тоже последовал их примеру. Семёновна лежала в гробу и выглядела, как живая, немного румяная, умиротворённая, будто спала, только слегка заострённый впалый нос, давал понять, что передо мной покойник. Эта минута длилась вечность, а этот вечер словно превратился в лимб – в ситуацию,

из которой невозможно выбраться. Опять история повторилась, опять я один, снова тьма.

Не знаю, сколько это длилось, в итоге все начали потихоньку общаться, передвигаться по комнате, а я как вкопанный стоял у гроба, не обращая ни на кого внимания.

– Видимо она была вам дорога? – Промолвил дрожащий женский голос: – Я Нина Семеновна, сестра Клавдии. Вы, наверно устали Кирилл, ступайте домой. Отдохните.

– Да спасибо, так и поступлю. – Ответив равнодушно, пошёл в прихожую.

– Пока. – Прозвучал нежный девичий голосок Олеси.

– Спасибо, что позвали, если чем-то могу помочь, не стесняйтесь. Могу выделить пару мест для ночёвки.

– Нет, мы останемся этой ночью в гостях у Клавдии, всё-таки последний раз видимся, хотя пожалуй, возьмите Олесю, пускай отдохнёт, а то день выдался не из лёгких. Пойдёшь Олесь?

– Да бабуля. – Внезапно отреагировала Олеся и уверенно направилась ко мне.

– Хорошо, пойдём! – С неким удивлением ответил я.

Мы вышли в тёмный подъезд, я споткнулся о свои забытые вещи, ещё раз проклял нашу, вечно без света, лестничную площадку. На удивление быстро, нашёл ключи и открыл дверь, включил свет в прихожей и предложил девушке войти. Она быстро проскользнула, сняла дорогие чёрные туфли на высоком каблуке и стала пониже, и от этого ещё милее,

и хрупче.

– Чувствуй себя как дома. – Сказал я как-то уверенно, по-хозяйски.

– Спасибо. – Ответила она наоборот, робко и смущённо.

Закрыв дверь, обстановка резко поменялась, наступило какое-то облегчение, нахлынула усталость, и приятное ощущение присутствия женского пола в моей одинокой мужской берлоге. Не понимаю, вроде такой шок, смерть бабы Клавы, а с другой стороны, будто моя душа увидела новый свет, так легко и уютно, даже немного стыдно, что я испытываю такие эмоции.

– Проходи не стесняйся. – Немного восторженно сказал я, и проследовал в спальню, параллельно включая везде свет.

Олеся прошла за мной, наполняя квартиру приятным ароматом, неприсущим этому жилью.

– Чай будешь?

– Было бы неплохо.

Я быстро прошёл на кухню и поставил греться чайник, затем показал Олеся, где что находится. Мы попили чай, немного поговорили о произошедшем, и решили укладываться спать. Поменяв постель на диване, взял другой, чистый комплект белья, из имеющихся трёх, а себе постелил на раскладном кресле. Олеся смущённо, слегка покраснев, спросила у меня футболку, чтобы переодеться, я не менее смущённо вручил свою новую, чистую футболку с принтом «Звездных воин». Везде погасил свет, кроме туалета, что бы

гостья ночью не заблудилась, и мы улеглись спать. Осознание присутствия красивой девушки со мной в одной комнате, ещё полчаса будоражило уставший ум, однако царство морфея настойчиво манило, и я отключился.

– Кирилл ты спишь? – Послышалось сквозь сон. – Кирилл проснись.

– Что, что? – Я, как пьяный пробормотал в полудрёме.

– Кирилл, мне как-то не по себе, – продолжал твердить девичий голос. – Можно к тебе, я не помешаю.

– Ладно.

И тут сон как рукой сняло, я почувствовал, как к моей спине прикоснулась девичья грудь, хоть и в одежде, но всё же, прикосновения её ног к моим, тёплое дыхание на затылке, проникающие электрическим разрядом прямо в мозг. Я боялся шелохнуться, возбуждение нарастало, низменные мысли сводили с ума. Дождавшись, когда Олесено дыхание выровнялось, и она заснула, я перевернулся на другой бок и оказался с ней лицом к лицу. Ошеломляющий аромат её тела и близость губ вывели мои фантазии на новый уровень, животные инстинкты поглощали разум. Аккуратно и кротко под покрывалом положил свою ладонь ей на бедро – это не забываемо! Стал слегка поглаживать, не находя в себе сил, чтобы остановиться. Олеся зашевелилась во сне и перевернулась ко мне спиной, сжавшись слегка калачиком, прикоснувшись собой ко мне. «Боже, что мне делать?»: я так громко подумал, что чуть не сказал это вслух. Я не мог этого вы-

носить, пылал. Не знаю, сколько так ещё промучился, но всё же уснул.

ГЛАВА 2. ДЕНЬ ВТОРОЙ «ДО»

Где проходит грань между сном и бодрствованием, между миром грёз, и явью? Как отследить момент перехода своего «я» по другую сторону собственного разума? Линия стёрта, размыта, неуловима. В какой-то момент ты оказываешься в пучине фантазий, воспоминаний, проваливаешься в кроличью нору. К чему эти размышления сегодня, сейчас в данный момент и секунду? Я не понимал, по какую сторону зеркала нахожусь. По ту, где законы физики не зыблемы или ту где логика лишь помеха восприятия.

Многочисленные, неразборчивые звуки, трудно различимые со всех сторон стали доноситься моему уху. Каждый раз непродолжительным эхом заканчивалась какофония. Начинаясь издалека, чистые, как глоток свежего воздуха, светлые, как луч в непроглядной тьме, незатухающие, как надежда в пасти безумия, не имея преград в виде стен моей квартиры, они продолжали окружать. Мне не было страшно, хотя природа этих звуков не ясна. А что может быть страшней неизвестности, неопределённости? Потихоньку, прислушиваясь, симфония ночи начала приобретать образ, еле заметные черты, словно силуэт одинокого путника, продравшегося сквозь пелену тяжёлого тумана. Это были голоса. Протяжные в тон друг-другу, они не говорили – они пели. Сколько

прошло времени с тех самых пор, как я впервые услышал звуки, сказать трудно. За это время, они не стали сильнее или громче, но определённо стали ближе, до тех самых пор, пока я не стал различать некоторые слова. Это была песня, траурная, больше похожая на заупокойную мессу. Реквием по тому, кого больше не увидят, душе, которая не вернётся в земные чертоги. Чувство утраты, горечь потери наводнили меня, проникли в самую глубину. Передо мной замелькали лица тех, кто любил меня, воспоминания о них, как голос далёкой звезды, уже погибшей, но свет которой, продолжает сиять за тысячи световых лет, оставляя свой бессмертный след на небесной тверди. Воспоминания об отце и матери. Всё хорошее и плохое, смешавшееся в едином ярком порыве, кинолентой длинной в мою небольшую жизнь, представилось перед моим взором. Слезы из уголков глаз, хлынули по щекам. Эти люди были не просто родители, семья, близкие. Они те немногие, кто смог понять мою душу, достучаться до моих небес, полюбить таким, какой я есть. А потому память о них будет жить во мне, пока горит свеча, пока тлеет огарок. Но песня, что взбудоражила ум, незаметно для меня самого, затихла, оставаясь далеко на фоне. Только тогда осознал, что нахожусь в полной темноте ночи. Нет, не так. Я прибывал не в ночи, а во тьме. Мертвенной тьме. Я бывал здесь не единожды. Место, где на расстоянии вытянутой руки не видно ладони. Здесь нет привычного человеку света, не ощущается дуновение ветра. Теперь с уверенностью мож-

но сказать, что я сплю. Этот мир в моём подсознании и снах обычно пребывал в тех же декорациях что и реальный, но только без единого намёка на жизнь. Всё находилось на своих местах, только лишённое человеческого следа, его естественного присутствия. Но в этот раз всё казалось бесформенным, будто выдернут из осязаемого пространства, где на тысячи лиг ничего, пустота царства мёртвых, заключённая в цепкие объятия леди смерти.

Я услышал чей-то голос поблизости. Он что-то говорил, и стремительно приближался. Мне становилось не по себе. Это чувство усилилось, когда я уловил неподалёку присутствие. «Незнакомец» остановился и вздохнул. Его было не видно, зато отчетливо слышно.

– Кирилл, – обратился он ко мне. – Ты знаешь что-нибудь об усталости? Не отвечай, знаю, что знаешь, но ты знаешь об этом гораздо меньше, чем знаю я.

– Кто ты?

– Ты снова меня не помнишь. Не думал, что скажу это, но я тебе завидую.

«Незнакомец» сделал паузу, затем продолжил:

– Ты слышишь эту песню? Она зовёт, манит. Напомни, в который раз мы её с тобой слушаем? Ах, ну да ты же забыл.

«Неизвестный», ведя разговор, ходил вокруг меня.

– Я устал это повторять, но не буду отходить от традиций.

Приближаясь, «Незнакомец» снова заговорил:

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни!

Последняя фраза пробежала в моей голове, я повторил её мысленно. Она точно мне знакома. И сам того нехотя, я вскрикнул. Мой голос прорезался пронзительным воплем, меня дёрнуло и с гулом на огромной скорости потащило вверх. Я начал задыхаться, а звук усиливался, разрывая перепонки. Мои глаза распахнулись, и я с рёвом выпрыгнул с кресла, на котором спал и рухнул на пол. Лёжа на полу и вглядываясь в темноту комнаты, ещё несколько секунд стоял и бормотал. При всём при этом, весь мокрый в холодном поту, будто облитый из ведра водой. Меня остановил испуганный вид Олеси, которая наблюдала эту картину стоя у окна. В трясущихся руках она держала одеяло, должно быть схватив по инерции. Я услышал, как Олеся зашмыгала носом, потом начала всхлипывать и зарыдала. Представляю, как это выглядело со стороны. Мне нужно встать и успокоить её. Но попытавшись это сделать, меня пошатнуло в сторону, а в глазах потемнело. Закрыв их ладонями, я решил немного постоять, пока шальное зрение не пришло в норму.

– Прости что напугал. Мне приснился дурной сон.

Медленно подходя к девушке, я попытался взять её руку, но она резко дёрнулась.

– Эй, эй, успокойся, это был всё лишь кошмар. Обычно со мной такого не бывает. – Я снова попытался взять её руку и на этот раз удалось.

Свет фар от проезжающей по трассе машины блеснул, осветив комнату. Её лицо стало отчётливо видно хоть и на

мгновение. Слёзы по капле стекали по щекам, скатываясь к подбородку, падали вниз. Тушь и нарисованные макияжные стрелки, под воздействием влаги окончательно растеклись, оставляя чёрные разводы у краёв глаз и под нижним веком. Её лицо до этого момента румяное, теперь стало заметно краснее, а губы тряслись наравне с остальным телом. Остекленевший взгляд начал оживать, девушка бросила одеяло и кинулась ко мне, крепко сжимая руками.

– Я так испугалась. – Хлюпая носом, произнесла громко Олеся и ещё сильнее заплакала.

Я не ожидал такой реакции, но странным образом не замешкался, а напротив, интуитивно мои руки сошлись за её спиной, крепко обняв.

– Знаю, знаю, я не хотел.

Это не оправдание, но искреннее сожаление. Она приходилась мне не кем, мы были едва знакомы, но уже сейчас я чувствовал, что не хочу её расстраивать и видеть слёзы, если только это, не слёзы радости. Мы стояли в объятиях друг друга, Олеся никак не могла успокоиться. Я не знал, что ещё сказать, а потому молча вглядывался в декорации ночного города, которые бедно освещались фонарями. Ноябрьский дождь редко забарабанил по стеклу. Ну вот, даже небеса сегодня плачут.

В следующий момент мы уже сидели на диване, и я в подробностях рассказывал свой сон. Он оказался настолько натурален, что хорошо отпечатался в памяти. Все ощущения,

каждая деталь и слова того «Незнакомца».

– И тут он говорит...

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни!

– Откуда ты это знаешь? – Я удивленно смотрел на Олесю.

– Ты во сне говорил. Я проснулась от того что ты сильно ворочаешься. Глянула на часы, время десять минут четвёртого, решила лечь к тебе лицом, потому что спина была вся мокрая. Но тут ты начал бормотать и дёргаться. Потом сказал эту фразу и с криком выпрыгнул с кресла.

– Наделал я шума.

– Мне как-то не по себе после всего этого. Эти слова и время...

Я прервал Олесю:

– А время тут при чём?

– Мне бабушка говорила, что три часа ночи – это время обратное трём часам дня, то есть времени, когда был распят Иисус. Так же, это время считается самым благочестивым. А три часа ночи наоборот, разгулом нечистой силы, попытками дьявола насмеяться над святой Троицей. Поэтому активность демонов в это время самая сильная.

– Олень! – Моё лицо наполнилось скепсисом. – Я не сомневаюсь в мудрости твоей бабушки, но это лишь поверье. До подлинно не известно существовал ли Иисус, вообще. Я, конечно, не буду утверждать обратного, но не удивлюсь, если он является просто персонажем фэнтенези книжки того времени. Все случившееся это просто совпадение, следствие

стресса, полученного в ходе последних событий.

– Но бабушка говорит...

Я снова перебил Олесю:

– Тебе надо перестать забивать голову всякой ерундой. Ты любишь ужастики?

– Да.

– И ужастики поменьше смотреть, а то ты слишком впечатлительная. Вон, я тебя умудрился напугать похлеще всяких демонов, и даже текст какой зачехлил. Такой ещё придумать надо, – я пытался разредить обстановку и видя, что девчонка начала немного улыбаться, продолжил. – А с кресла как сиганул, да мне с таким прыжком, только на олимпиаде выступать.

– Ты главное, руки вперёд вытянул, пролетел по залу и растянулся на полу, только гузно кверху торчало.

– Гузно? Что это за слово такое?

– Ну попа в смысле, у меня бабушка так всегда говорит.

Тут мы притихли, оба расплылись в улыбке и сильно рассмеялись. Обстановка разряжена, вот только кто её разрядил, теперь сказать трудно. Я дал Олесе другую футболку, та насквозь промокла, и мы снова улеглись спать, только теперь на диван и с включённым телевизором. Уложить её одну, после всего случившегося, точно бы не получилось. Да и я, со всем своим скепсисом, как бы не хорохорился, что в то не верю, а это всё чушь, один уснуть вряд ли бы смог. Ведь послевкусие от кошмара, оказалось настолько явным, что в

дальних уголках зала, ещё чудилось еле ощутимое присутствие человека из сна, если конечно, это был человек.

Ночь, наконец закончилась, и хоть за окном ещё темно, утро вступило в свои законные владения. Произошедшее несколько часов назад, всё же оставило свой след, но теперь уже не такой явный. Мне не хотелось об этом думать и акцентировать внимание, а потому ночной инцидент на некоторое время остался там, где ему и положено – в прошлом. Сейчас, когда стрелка часов чуть лишь перевали за шесть, а сон окончательно покинул меня, я стоял на кухне и смотрел в нечёткое отражение в окне. В нём виднелся человек, маленького роста, с ещё более маленьким весом в небольшие сорок семь килограмм. Худощавый, всю сухостойкость которого, хорошо подчёркивали сильно выступающие ребра. Я никогда не был Аполлоном, зато был сыном своего отца, его точная копия в этом возрасте. Сфокусировав зрение за отражение, я поглядел на улицу, где всё ещё шёл дождь. Он не стал идти быстрее, но и не замедлил свой ход, а также монотонно, тихим сапом продолжал накрапывать, задавая настроение всему оставшемуся дню.

Я подлил воды в чайник, снял свисток, чтобы ненароком не разбудить Олесю и поставил греться. И хотя мой организм уже перешёл в фазу бодрствования, кофейку попить всё же стоило. Ведь чувствовал, я себя под стать погоде: уныло, устало и разбито. Усевшись за стол, меня мысленно начало возвращать во вчерашний день, а конкретно, к виновнице

последних событий. Я перестал думать о бабе Клавде в тот самый момент, когда захлопнулась входная дверь, и мы с Олесею остались один на один. Её смерть стала полной неожиданностью, даже с учётом того, что старушке было восемьдесят лет. Складывалось стойкое ощущение, что всё неправильно, всё пошло не по плану, будто она не должна была умирать сейчас. Конечно я понимал, это всего лишь принятие, стадия отрицания, мне не хотелось мириться с происходящим. Но наравне с этим оставались вопросы, требовавшие ответов и получить, которые в данный момент не представлялось возможным. Далее мне вспомнились наши с бабой Клавдой посиделки и чаепития, разговоры не о чём и редкие праздники, которые мы встречали вместе. Её интересные истории из жизни: иногда забавные, иногда поучительные и совсем редко трагические. Я сильно прикипел к ней, она стала мне как родная бабушка, хоть и не по крови. И вот теперь её тоже не стало. Если подумать, я нуждался в ней больше, чем она во мне, и от этого становилось ещё тоскливее.

Из раздумий меня выдернул закипевший чайник, крышка под давлением пара подсакивала и гремела на всю кухню. Я навёл кофе, как всегда с одной ложкой сахара, кинул ломтик лимона, выключил свет и пошёл обратно. В зале, в свете плазменного телевизора, мирно посапывала Олеся. Она полностью закуталась в одеяло, из-под него торчали только часть головы и левая, а может правая, разобрать трудно, нога. Будить её сейчас нет смысла. До семи часов ещё сорок

минут, именно это время я обозначил для подъёма. И пусть это не так много, но утром, знаю по собственному опыту, даже лишние пять минут, становились важнее завтрака. Я сел на пол, взял пульт от ресивера и начал щёлкать каналы. Забавная штука, у меня их более двухсот, но всегда не знал, что посмотреть. Отхлебнув из бокала я почувал, как аромат сменился на какой-то странный запах, а точнее вонь. Принюхавшись, достаточно быстро вычислил источник, перебивающий даже кофе. Это я сам. Мне на ум сразу пришёл недавний случай, когда после смены, не переодевшись и даже не скинув вещи, запёрся к бабе Клаве: удручённый, замученный и злой как сто собак, пожаловаться и заодно померять ей давление. В те сутки, я как лошадь, загнанная в мыле, носился по городу и ставил людям диагнозы, точность которых, варьировалась от восьмидесяти до девяносто пяти процентов. И лишь один диагноз был поставлен со сто процентной уверенностью и точностью и поставлен он был мне, бабой Клавой. Это диагноз: «От тебя воняет как от коня, Кирилл». Она сказала это не для издёвки и насмешки, но таким тоном и с выражением лица, что я смеялся десять минут, особенно когда представил, что добрую половину ночи ходил на станции и вонял. В итоге это подняло мне настроение на весь день. Вернувшись к реальности, я поймал себя на том что, вспомнив этот случай невольно улыбнулся. Нужно привести себя в форму, ведь сегодня я провожаю старушку в её последний путь.

Ополоснувшись и переодевшись, я вернулся в зал. Глянул на часы телефона, время подходящее, пора будить девчонку.

– Олесь, Олесь, – произнёс я шёпотом, тихонько толкая, но не дождавшись отклика продолжил, только теперь сильнее и громче. – Олесь, Олесь, проснись, – абонент временно не доступен, у девушки на удивление глубокий сон. – Олесь, пора вставать. – Я так повысил тон, что уже кричал.

Глаза девчонки едва приоткрылись и через узенькую щёлочку посмотрели на меня.

– Доброе утро. – Произнёс я, насколько, конечно это утро могло быть добрым.

– О боже мой, как же хочется спать. – Промямлила девушка.

– Я понимаю, но пора.

Олеся скинула одеяло на ноги и приподнялась. От подушки, на которой она лежала потянулась тонкая, едва заметная слюна. Она начиналась у нижней губы, а заканчивалась небольшим пятном на наволочке. От виска, спускаясь по щеке и до нижней челюсти отпечаталась хорошо заметная вмятина. А на голове, как и положено, вытекающая из данной ситуации, причёска. Это настоящий взрыв на макаронной фабрике, тихий ужас прохожих с растрёпанными во все стороны волосами и торчащими то тут, то там, так называемыми петухами. Олеся вытерла тыльной стороной ладони слюну.

– Сколько время? – Её голос звучал слегка с хрипотцой.

– Время Нескафе.

– Блин, Кирилл я серьёзно.

– Если серьёзно, то начало восьмого.

– Так рано?

Глаза моей гостьи окончательно разлепились, но она всё равно продолжала клевать носом. Я слегка согнул левую ногу, опустил корпус, вытянул руку, указывая на неё произнёс:

– Прекрасно выглядишь.

Олеся, прищутив глаза и уловив мой сарказм, состряпав лицо для ответной реакции, выдала:

– Ты приколист, прям Петросян в свои лучшие годы.

Я засмеялся.

– Да ладно, шучу. А если честно ты выглядишь очень мило. Так. Поднимайся, раскачивайся, купайся, наводи красоту, в общем, делай всё что нужно. А я пока сварганю какой ни будь завтрак.

Олеся что-то простонав, снова бухнулась на кровать. Я развернулся и начал выходить из зала.

– И чуть не забыл, купаться пойдёшь, твоё полотенце лежит на стиральной машинке, я уже всё приготовил, так что вперёд и с песней.

– Я понялааа. – Громко затянула Олеся, лёжа лицом в подушку.

Только я вышел из зала и направился на кухню как услышал.

– Кирилл?

Я выглянул из-за двери.

– Что?

– Спасибо тебе.

Я широко улыбнулся.

– Не за что. – И снова направился на кухню, как сказал ранее варганить завтрак.

Конечно, изысканных блюд в виде жареных куропаток в собственном соку с ананасами и кофе свежего помола, на завтрак я подать не мог. Тем не менее, старая добрая яичница с сосисками, растворимый кофе с молоком и на десерт йогурт – всегда, пожалуйста. Олеся, с виду хрупкая девушка, словно хрустальный лебедь, изящная, утончённая, того и гляди, прикоснись – рассыпится прямо в руках, на удивление быстро и бойко расправилась с завтраком. Подозреваю даже, отдай я ей свою порцию, она прикончила и её. Аппетит у неё хороший, оно и не удивительно, должно быть, девочка нормально не ела со вчерашнего утра. Я тоже оказался молодцом, нет чтобы покормить гостью с вечера, напоил пустым чаем и уложил спать.

– Кирилл, ты просто кудесник. Спасибо за завтрак, очень вкусно.

Я, заталкивая в рот сосиску махнул рукой.

– Хорош тебе. Как будто много мозгов надо, яичницу пожарить и кофе налить.

– Куда посуду?

– Поставь в раковину, я сейчас доем и помою.

– Ну нет, я сама помою. Должна же я хоть как-то тебя

отблагодарить. Ты меня приютил, накормил, спать уложил. Мне как-то не удобно перед тобой.

Я сразу парировал:

– Во-первых, неудобно трусы через голову надевать. А во-вторых, твоей очаровательной улыбки и простого спасибо, вполне достаточно.

Интересно то, что с Олесей мы знакомы меньше суток, но уже сейчас, мне с ней очень легко и непринуждённо. Учтывая, что это нелюдимый я, человек не имеющий друзей. То ли это чистая магия и волшебство, то ли Олесена харизма и обаяние. Девушка, услышав про трусы через голову, хихикнула и нечаянно хрюкнула, быстро закрыв рот ладонями. Теперь уже не хихикал, а смеялся я, а она, раскрасневшись, как Сеньор Помидор из одноимённого мультика, еле сдерживала смех.

– Ладно, – сказала Олеся. – Тогда сделаем вот так, – она подошла ко мне наклонилась и поцеловала в щеку. – Спасибо!

Ошарашенный таким действием, я сидел, немного приоткрыв рот. Тем временем, девчонка увела у меня из-под носа пустую тарелку.

– Посуду, я всё же помою.

Тут я понял, как меня грамотно обставили.

– Ну ты и хитрюга, значит пока я тут рот раззявил, ты у меня тарелку подрезала и делаешь всё по-своему.

– Ну, сработало же? – Довольно ответила девушка. – А по-

другому, ты бы мне не разрешил, тебе помочь.

– Что ж, отличная многоходовочка. Снимаю шляпу.

– Мерси. – Олеся, стоя спиной и намывая посуду, сделала маленький реверанс.

– Ну раз ты решила, немного похозяйничать, то я разрешаю тебе и кровать с креслом убрать, а сам пойду поищу одежду попримочней.

– Эй, это не честно.

Уже на полпути в спальню и специально сделав вид, что не услышал последнего, выкрикнул:

– Я тебе так признателен, ты такая хозяйственная.

В ответ из кухни донеслось:

– Ну и кто из нас ещё хитрец.

Вымудриться я не стал, да и не из чего. Просто достал чистые джинсы, и тёмно-синюю рубашку. И только успел одеться, как в дверь постучали и тут же позвонили. На пороге стоял Илья Петрович.

– О! Вы уже готовы? – Казалось, его голос ещё сильнее осип, а вот что точно не казалось, это исходивший от него, сильный запах сигарет. – А я будить вас пришёл, а вы уже одеты. Молодцы.

Я протянул ему руку.

– Здравствуйте.

Илья Петрович, ответил крепким рукопожатием.

– Здорова Кирилл.

– Заходите, что в подъезде стоять.

Он переступил через порог и зашёл в коридор.

– Ну? Как вы тут? Как Леська?

– Да только позавтракали, кровать убирает.

– Правильно. Ты её напрягай не стесняйся.

– Да ну что ж я буду её гонять, она всё-таки гость в моём доме.

Из зала послышался голос Олеси:

– Крёстный не слушай его, он врёт. Он меня ещё и посуду заставил мыть.

– И правильно сделал. – Девушке прилетел ответ.

Илья Петрович кинул оценивающий взгляд, который я сразу уловил.

– Да вы проходите, хоть посмотрите, как я живу и где крестница ночь провела.

Справа у входа в квартиру, стояла тумба с обувью, а за ней шкафчики с верхней одеждой. Слева, двойные коричневые межкомнатные двери в зал, со стеклянными узорчатыми вставками. Далее, коридор от входной двери вёл если налево, то к кухне с выходом на застекленную лоджию, что особенно приятно зимой, а направо в спальню. По прямой располагались туалет с бойлером, что особенно приятно летом, когда отключают горячую воду, и рядом ванная. Мужчина из коридора наклонился и заглянул в зал. Где по правую сторону у стены находился угловой диван, его то и заправляла Олеся. Далее складное кресло. У другой стены, во всю длину гарнитур. И в самом дальнем углу, маленький компьютерный

стол, со всеми принадлежностями, вытекающими из названия. Наверху, глянцевый натяжной потолок в котором хорошо отражался весь зал.

– Не дурно. Наверно не плохо получаешь?

– Пф. Да куда там. Пятнашку я получаю. Всё это сделано не на мою нищенскую зарплату. Дом родительский продал, вот и обставил хату и ремонт забабахал.

– Ясно, – вздохнул Илья Петрович. – Что у нас по времени?

Он глянул на часы. Я приятно удивился, ведь это был не ширпотреб с радиорынка. Это были часы Casio, и явно не самая дешёвая их разновидность, они хорошо дополняли его строгий дорогой вид.

– Может, нужно чем-то помочь? – Спросил я.

– Да вообще-то нет. Сейчас только восемь, читалки придут к десяти. К этому времени подойдёте с Леськой. Всё как положено, отпоём, а к одиннадцати, выносить будем к подъезду. Соседям уже сказали.

– На каком кладбище хоронить будете?

– К себе повезём, на родину. Там все наши лежат. Там и похороним.

– Далековато будет, не находите?

– Да хватит тебе, всего сорок километров. Час езды на автобусе.

Этого ответа я никак не ожидал услышать, ведь по заверениям самой Клавдии Семёновны, её семья жила далеко-да-

леко за высокой горой, чуть ли не в Небыляндии. И снова, ощущение неправильности происходящего, накатило на меня. Как будто, кто-то врал и делал это целенаправленно. Выбор не велик: либо Клавдия Семёновна, либо её семейка.

– Вы то, как ночь провели?

У моего собеседника наблюдался вид не первой свежести, об этом говорили, слегка помятая одежда и отеки под глазами. Он явно, не спал всю ночь.

– В целом, не так плохо, но бывало и лучше.

Илья Петрович развернулся и вышел в подъезд.

– Из головы совсем вылетело, – мужчина зашёл обратно. – Лесь, мама просила подойти, она о чем-то поговорить хочет, а заодно и штукатурку свою возьмёшь.

– Это называется косметика! – Буркнула девчонка. – Ладно, скажи ей сейчас подойду.

Дверь за моим гостем захлопнулась, и вроде ничего не произошло, но после разговора у меня остался неприятный осадок, в виде сомнений.

Теперь я сидел на диване, уставившись в пол. Олеся находилась прямо за мной. Она, положив подушку, расположившись позади меня, искала музыкальные каналы и что-то комментировала. Но даже её мягкий, девичий голосок, так приятный моему слуху, сейчас оставался где-то вдалеке. Я же, погружившись, в тёмные воды последних событий, пытался разобраться в происходящем, разглядеть хоть какое-то подобие правды в мутной воде. А для этого, нужно нырнуть

по глубже. И первое – это справка из морга и свидетельство о смерти, теперь уже датированные позавчерашним числом. В их подлинности, я бы не сомневался, если не одно Но! Вчера утром, старушка пребывала в добром здравии. Если бы мне кто-то сказал, другое дело, но я видел её собственными глазами, прикасался своими руками, говорил, не чужими словами. Всё как на духу. Списать на правдоподобный сон. Нет. Я не сошёл с ума, это доказывает недавний медицинский осмотр и к тому же я привык доверять увиденному. Слишком много совпадений, для одного маленького утра. Кружка с чаем, слова бабы Клавы о приезде родственников и даже, если подумать одежда, в которой она встречала меня утром, та же в которой её хоронят. Откуда я мог знать имя внучки, ведь до вчерашнего утра, даже не подозревал о её существовании. От туда, что она сама назвала его. И почему баба Клава уверяла меня в том, что не общается со своей семьёй и что живут они, невесть где, чуть ли не за большой лужей. Олеся, ведь сама сказала, что знает меня из рассказов Клавдии Семёновны. За этим всем, определённо, тянулся шлейф вранья. Оставалось понять, кто хозяин лживого кордебалета, а кто лишь невольный зритель, запутанного водевиля. Клавдия Семёновна? Её семейка? А может все? Всё покрывалось толстой коркой обмана, отколупывать которую нужно аккуратно. Послезавтра, как раз моя смена, значит, кто ни будь из моих коллег, обязательно должен знать об этом случае.

Тут я почувствовал, кто-то дёргает меня за руку и переби-

вает столь важные думы. Это, конечно же, оказалась Олеся.

– Кирилл, Кирилл. Ты чего?

Я посмотрел на девчонку.

– Что? Ты что-то говорила?

– Ну вообще-то я с тобой разговаривала несколько минут, пока не поняла, что ты меня не слушаешь. А потом наклонилась посмотреть, чем ты так занят.

– Извини, я просто немного задумался о грядущей смене. – Улыбнувшись, ответил я.

Олеся поглядела на меня и продолжила:

– Я что говорила. У тебя так много каналов музыкальных. Я насчитала больше двадцати.

– Я их, всё равно, не включаю.

– Почему?

– Музыка мне не подходит. Попсу я не люблю, а там только её и крутят.

– А мне главное, чтобы песня была хорошая. А попса это, рок или рэп, без разницы.

– Ты не забыла, тебя мама просила подойти? – Перевёл я тему.

– Точно. Спасибо что напомнил.

Олеся вскочила, отдала мне пульт и быстрым шагом направилась к двери.

– Не закрывайся, я сейчас вернусь.

И на этих словах она вышла из квартиры. Я остался сидеть на том же месте, не шелохнувшись. Теперь упорядочив в го-

лове полученную информацию за последние дни, искренне надеялся, что Олеся не причастна к паутине лжи, сотканной вокруг меня.

Как донести то, чего не можешь выразить? Эмоциями, словами, а может жестами? А если, всего этого недостаточно? Остаётся только молчать, заперев внутри себя, нарастающую бурю. Я так и поступил, начиная с того момента как мы зашли в квартиру бабы Клавы. Обстановка здесь изменилась. Не смотря на то, что за сутки квартиру посетило, больше народу, чем за последние сорок лет, это место стало безлюдным. Приветливый, одушевлённый антураж, поменялся на леденящий покой, облицованный в серые тона на осиротевших стенах, и напоминало выцветшую от времени фотографию. Несколько маленьких ковров перекочевав с пола, свёрнутые привалились друг к другу у стены. Зеркало в коридоре и добрая половина советского гарнитура, были завешаны белыми простынями. Такой же процедуре подвергся и старенький телевизор. На столе, в дальнем конце зала коптила зажжённая свеча, воткнутая в граненный стакан, наполненный пшеном. Рядом, втиснутая явно не по размеру рамку, стояла чёрно-белая фотография. На ней, обворожительная, наполненная энергией, присущей только молодости, с очаровательной и слегка загадочной, но точно искренней улыбкой, изображена девушка с заплетёнными на верхушке головы, косичками. Она смотрела немного вверх, куда-то далеко за кадр, ещё полная надежд, уверенная в исполнение всех сво-

их желаний, со стойкой верой в то, что жизнь не может разочаровать. И лишь немногие черты лица, которые с каждым годом, начнут заостряться выдавали в юной особе, Клавдию Семёновну. Этого фото я раньше не видел и, если быть честным, никаких других фотографий тоже. Старушка их не показывала, а если со всем на чистоту, то я и не спрашивал. Всё же не понятно, зачем выставлять фото, на котором Семёновне, от сил лет двадцать, может двадцать два, примерно, как Олеся. Никогда не поверю, что не нашлось другого, где она хоть не в преклонном, но хотя бы запечатлена в зрелом возрасте. Олеся так же смотревшая на рамку, повернулась ко мне. Без слов я понял, что подумала она о том же, это хорошо читалось на её лице, но озвучить свою мысль не успела.

К нам подошёл один из незнакомых мне родственников и молча вручил зажжённые свечи, обмотанные на конце салфетками, наверно для того что бы капающий воск, не обжигал руки. Я молча кивнул и взял свечи, одну передал Олеся, а другую оставил себе. И только тогда обратил внимание, никто не разговаривает и не перешёптывается. Гробовое молчание. Однако каждый знал, что делать, куда встать, где взять и прочее. Но даже не это поражало. Не было суматохи, сумбура, беспорядочного хождения из стороны в сторону, всхлипываний и истошных завываний. Ничей нервный смех не переходил в нарастающий рёв с причитаниями «На кого ты нас оставила», никто не закуривал сигарету, судорожно потирая ладони, не отводил взгляда и не вытирал слё-

зы у краёв глаз. И уж тем более, никому не нужно вызывать скорую, а до её приезда, отпаивать корвалолом. Нет. Ничего такого. Это больше походило на пьесу, на очередную постановку, хорошо выверенную и грамотно отрепетированную с картонными декорациями, а гроб с хозяйкой квартиры, лишь мастерски выполненная бутафория, в натуральную величину. А именно сейчас, шла подготовка перед последним актом, эдакая кульминация, да вот только актёры отрывали из рук вон плохо. Гнетущая маска лица, такая же, как и вчера и не эмоции больше. Наверно вместо еженедельного воскресного ужина, эта семья много лет собиралась на очередные похороны какого ни будь родственника. И это настолько приелось, что стало частью досуга выходного дня, словно Ирония Судьбы или Кавказская Пленница, которые из года в год повторялись на новогодние праздники.

Подготовка закончилась, все встали на свои места. Лишь Нина, сестра покойной, сидела на табуретке, почти у изголовья. Из последнего разговора с Семёновной, если такой вообще имел место быть, я узнал, что её сестре семьдесят восемь лет. Она на два года младше, но на деле выглядела на десять лет старше. Нет не старше, а скорей старее. Худая, с впалыми глазами, щеками и ртом. Руки хворостинки со свисающим, чрезмерным количеством лишней кожи. Должно быть, последние годы, может месяцы она сильно сдала, выглядела как человек вылезший из центрифуги или выжатый лимон. Рядом с ней стояла дочь и по совместительству мама Олеси.

И тут контраст сильно менялся. Высокая, стройная женщина, не выглядела не старо, не молодо, но зрело. Не худая и не толстая, но зрелая. Женщина в самом соку – созревшая. Как сказал бы сейчас водитель с моей работы «Глянь какая рыжая чертовка Кириух, явно все при ней». Обычно, я не обращаю внимание на такие заявления, потому что он комментирует каждую вторую юбку, а я на автомате поддакиваю или киваю. Но на это раз попал бы в точку, в яблочко, оказался бы чертовски прав. Всё при ней. Начиная с пышных, волнистых, рыжих волос и заканчивая длинными ногами и округлыми в нужных местах формами. А всё вместе создавало золотое сочетание, ничего лишнего, очень эффектная женщина.

Рядом с нами, стоял отец Олеси и вот он, не создавал эффектного впечатления. Низковатый, круглолицый, одутловатый, пухловатый с проступающей залысиной, слегка отекающий. Брюхо в виде пивного живота или мамона на кривоватых коротеньких ножках. Обрубки, всплыло в голове. Я даже знаю, что сказал бы, всё тот же водитель со скорой «Ха, Глянь Кириух на мужика. Прямо Форт-Боярд» и снова оказался бы прав. И как ему удалось заарканить такую женщину? Везение, удача или фартануло, так фартануло, а может любовь, и сердцу не прикажешь. Не мне, в общем то судить о таких вещах. И всё же вместе, где-то на людях, в магазине или на отдыхе, смотреться они будут, нелепо.

Напротив нас, стоял Илья Петрович, человек как мне ка-

жется, всех дел рук мастер. Именно он, я уверен и хлопотал по всем вопросам и на его плечах достаток всей семьи, выраженный конкретно сейчас в дорогой одежде. А вот последние два персонажа мне не знакомы, они выбивались из общей картины. Не знаю почему и как объяснить. Держались особняком, особенно отрешённо, отсутствовала даже пресловутая гнетущая маска лица. Может они-то и есть дальние родственники и прибыли откуда-то издалека. Хотя больше походило на то, что их взяли с собой для количества, что-то вроде массовки или обслуживающего персонала.

– Можно. – Раздался голос Ильи Петровича.

Я не сразу понял, кому адресована команда, пока не услышал голос читалок. Они стояли около того же стола со свечой и фотографией молодой Семёновны. В роли читалок выступили две бабульки и обеих, я уже видел в нашем дворе. В основном вечером, у первого подъезда в окружении других таких же старушек. Они представляли негласный соседский дозор, потому что знали всё и даже больше и постоянно это самое всё, обсуждали. Кто въезжает или уезжает, за сколько продал недвижимость, кому и за какую сумму. У кого новая жена или невеста, почему теперь он ходит один, ведь они были такая хорошая пара и вместе смотрелись. Какого цвета положил плитку в ванной сосед и с каким заболеванием, неделей позже, его направили в Саратов. Они так же прекрасно осведомлены, где я работаю и какую зарплату получаю. Откуда? Мир тесен. Но ещё теснее Балашов. И тако-

го рода информация, просачивалась через четвёртых общих знакомых или родственников. Насколько она точна, верна и проверена, неважно, это не главное. Главное, что это давало лишний повод собраться вместе и посудачить вечерком у подъезда. Несмотря на это, свою работу читалки выполняли, делали качественно и добросовестно. Громко, звонко, каждое слово не превращалось в кашу из шипения и слюней, а четко отдавалось по залу, хорошо различимо и понятно. Читали они с толщенных книг, с заранее приготовленными повсюду закладками.

Я посмотрел на Илью Петровича. Он мне что-то маяковал глазами, указывая рядом со мной. В послании говорилось: «Глянь на Олесю» и я глянул. Её личико, в реальном времени с телесного цвета менялось на белое, становясь всё бледней и бледней. Глаза как битое стекло, упулились в одну точку, не имея чёткого фокуса, теряя контакт с реальностью. Олеся сжала мне пальцы, и я почувствовал, что сейчас она рухнет, в лучшем случае назад, а в худшем полетит вперед. Но нет. Девчонка удержалась. Илья Петрович снова маякнул, только теперь движение его глаз говорило: «Отведи её на кухню. Скорей». Что я и сделал. Схватив девушку под руку, мы медленно ретировались из зала на кухню. Выходя, я увидел, как мама Олеси подалась за нами, но Илья Петрович остановил её движением как бы говоря: «Всё под контролем, ничего серьёзного, они сейчас вернуться» и та осталась на месте.

Усадив Олесю, я перевёл окно из положения закрыто, в положение форточки. У старушки, хоть и не большая пенсия, но на пластиковые окна деньги выкроила. На стареньком холодильнике «Саратов» всегда лежал пакет с лекарствами, бинтами, пластырями, шприцами, перчатками, там были и капельные системы, и катетеры для внутривенной катетеризации. Кое-что она купила сама, но подавляющее большинство, припер я. Не стоит уточнять откуда и так понятно. Но всё это разнообразие мне сейчас не требовалось, только нашатырь, который точно был, знаю, сам приносил. Это становилось похоже на поиск иголки в стоге сена, долбаный утраченный ковчег найти легче. Почему я паниковал? Работая на скорой, привык держать темп, особенно в условиях экстремальных ситуаций. Если проводить черту между случаями на работе и этим, то эта лёгкая прогулка под морским бризом. Но я паниковал, как практикант, студентик или стажёр. Откуда-то взялась неуёмная, внутренняя дрожь, проходящая по всему организму, отдававшаяся пульсацией в висок.

– Кирилл, мне уже лучше, – шёпотом отозвалась Олеся. – Не надо нечего, не ищи.

Я оставил пакет в покое и присел на корточки рядом с девушкой. Лицо ещё бледное, но взгляд ожил. Повернул запястье руки, проверил пульс. Он тарабанил, как отбойный молоток.

– Всё нормально, пойдем обратно. – Девчонка начала при-

подниматься, но я лёгким нажатием руки, усадил её обратно.

– Сядь. Обратно она собралась! – Строгача выдал я. – Хочешь воткнулся там?

– Нет.

– Я тоже думаю, нет. Рассказывай, что случилось?

И начал шариться в верхних шкафчиках над раковиной, в поисках корвалола. Дрожь, что интересно схлынула, так же легко, как и накатила.

– Что ты делаешь?

– Корвалол ищу.

– Не надо, пойдем обратно, со мной правда всё нормально. – Произнесла Олеся, как бы уговаривая.

– Нормально говоришь? А ты сама в это веришь? – Закралось молчание. – То то же. Рассказывай!

– Когда мы вошли, было всё в порядке. А потом стало душно. Ну душно и душно, подумаешь. Комната не большая, народу много. К тому моменту как ты дал мне свечу, стало уже не душно, а жарко, но при этом руки казались ледяными, а ноги, будто по щиколотку в воде. Потом не большая комната стала казаться крошечной, воздуха становилось меньше. Ещё эта вонь от свечей и тогда меня начало мутить. Сердце стало отбивать ритм в груди, а затем в ушах. Тут дурнота, вперемешку с возникшем страхом, настолько подкатила, что в глазах потемнело, а я начала проваливаться и схватила тебя за пальцы.

– Понятно, – ответил я, с уже подготовленным стаканом

воды и накапанным в столовую ложку корвалолом. – На-ка хлобыстни. Нервишки у тебя шалят.

– Это серьезно?

– Не забивай голову, пей давай. – И протянул ей ложку. Олеся залпом опрокинула корвалол, подержала во рту. – Глотай. – Поморщилась, но проглотила, выхватив у меня стакан с водой, жадно осушив до конца.

– Может не пойдём в зал? – Теперь Олеся не рвалась обратно. – Тут посидим. А то я ...

– Можешь не продолжать. Я думаю ничего страшного, если мы тут подождём.

– Просто я... я всего один раз присутствовала на похоронах, когда умер дедушка. Мне тогда было восемь лет и многих подробностей я не вспомню, но только не в тот вечер. Помню, как мы ужинали все вместе, шёл летний июльский день. Родители пришли с работы, крёстный тогда ещё женатый, со своей половинкой, только вернулись с Югов. Они каждый год ездили на море и конечно привозили мне, что ни будь в подарок. И этот раз был не исключением. Крёстный привёз мне коричневого игрушечного медвежонка, с повязанным на шее шарфом. Он казался мне настолько забавным, что я придумала ему не менее забавное имя – Бублик. А бабушка, как всегда наготовила на целую капеллу разных вкусовностей. Все ели, смеялись, рассказывали анекдоты, истории, травили байки. Один из великолепных вечеров в кругу семьи. Тут дед говорит крёстному: «Пойдём поку-

рим». «Пап, только что курили» отвечает тот. Дед поднимается со стула и направляется на балкончик, мы ужинали тогда на втором этаже. Там было просторно и почему-то всегда прохладно. У нас в Романовке двухэтажный дом с большим участком. Бабушка в вдогонку деду говорит: «Петь хватит пыхтеть, пять минут назад курили». Но дедушка, никак не отреагировав на это, зашёл на балкон. Подкурил сигарету и в ту же секунду завалился назад. Он упал с высоты собственного роста, прямо на порожек между комнатой, где мы ели и балкончиком. Все замерли в немом молчании, ошарашенные происходящим. «Пап ты чего?» произнёс крёстный и все бросились к нему. Бабушка закричала на всю комнату: «Петька». А дед лежал, наполовину ввалившись в зал с откинутой вверх головой. Тогда мне казалось, его взгляд направлен в мою сторону. Теперь конечно я в этом не уверена. Его жизнь, навсегда потухла, как та сигарета, которую он так и не докурил в тот судьбоносный день. Но его умирающие глаза, пронзающие должно быть всю жизнь, с момента рождения и до самой собственной смерти, я запомню навсегда. Потом похороны, на которых было, так много народу и люди всё пребывали и пребывали. С тех самых пор, началась чертовщина. Как-то раз, мы играли с подружками у нас во дворе, хотя обычно делали это в доме, но после смерти деда, заходить туда лишний раз не хотелось, не мне, не подружкам. Но что-то нас дёрнуло пойти, то ли пить кто захотел, то ли в туалет, не знаю, да и не важно. Мы втроем зашли в дом.

И одна из подружек говорит, Юлька, точно Юлька: «Чуете, палёным пахнет?». Мы все переглянулись и стали принимать. И точно, пахло палёным, будто жги свечи. Мы углублялись внутрь дома, следуя за запахом, пока он не привёл нас к комнате, где спали бабушка с дедом. И нет бы сразу уйти, но мы остались. В этот момент, дверь перед нами распахнулась и резко закрылась. И снова сильный запах палёного. Естественно мы дали дёру, а рассказывать о случившемся, так никому и не решились. Я не очень переношу такие события, после всего этого, – Олеся на мгновение задумалась и вскоре продолжила. – Уверена, всё снова начнётся.

– Что начнётся? – Спросил я, но Олеся продолжила, игнорируя мой вопрос.

– Иногда, они возвращаются.

– Кто возвращается? – Я смотрел на девушку, и было похоже – она вспомнила что-то ещё, о чём когда-то смогла забыть.

– Кошмары, – тихо прошептала Олеся. – Кошмары.

К концу нашего диалога, Олесино личико приняло телесный цвет, с розоватыми щёчками. Глазам вернулся блеск и чёткий фокус. Лишь маленькие капельки слёз, придавали им немного красноты. Я забрал у Олеси ложку и стакан, которые она держала на протяжении всего рассказа и поставил в пустую раковину.

– Долго там ещё читалки отпевать будут, как думаешь? – Спросила девчонка.

Я хотел открыть рот, как в зале заголосили.

– Раз запели, скоро будут выносить.

– Откуда ты знаешь?

– Когда отца хоронили, мать тоже приглашала читалок. Я помню перед самым выносом гроба, они начали петь.

В коридоре хлопнула дверь, и Олеся дёрнулась. Я выглянул из кухни, это пришли работники похоронки. Они толклись в прихожей и ждали, когда закончат читалки. Молодые ребятки, возрастом где-то от двадцати пяти лет, зарабатывали тем что роют, носят, а потом закапывают покойников по всему городу и прилегающему району. В общем, проводят время на свежем воздухе и заводят множество интересных знакомств. Чёрный юмор. Но ребята оказались ушлые, по крайней мере, один пострел везде поспел. Тот, что выше и плотнее всех, с кабаньей мордой, коротко стриженный, почти лысенький, таких называют – коренастый. Стоял с самодовольной ухмылочкой, и подмигивал Олеся. Потом жестами пытался показать, насколько я понял, что бы та дала ему номерок, а он в свою очередь, вечером ей наберёт. Он перекидывал взгляд, то на меня, то на Олеся, потом опять на меня и продолжал ухмыляться. Типа плейбой или альфа самец, аля Ланселот – рыцарь круглого стола. И раз он стрельнул глазами, то скоро Олеся, сражённая его мужским началом, прыгнет к нему в койку и конечно раздвинет ноги. Но всё пошло не по сценарию. Олеся, посмотрев на этот спектакль, демонстративно отвернулась ко мне. На этом моменте, даже

сам не знаю почему, зубоскалить начал я, конечно же, в его адрес. Улыбку сдуло, но спеси не сбило. Знаю таких товарищей, его воля, да подходящий момент, расквасил бы мне всю морду. Но увы. Не время, не место для этого не благоволило.

– Кретин. – Прошипела Олеся сквозь зубы.

– Не обращай внимания.

Её переполняла злоба и отвращение вызванная могильщиком.

– Ты слышишь?

– Что?

– Читалки закончили петь.

– Мужики заходите. Можно выносить, – донёсся из зала голос Ильи Петровича. – У подъезда есть кто?

– Стоит уже народ. – Ответил один из работников похоронки.

– Значит вынесем к подъезду, соседи попрошаются и двинемся.

И они двинулись, а я стоял и провожал автобус до последнего, пока тот выезжая с улицы, окончательно не скрылся за поворотом. Соседи разбрелись по домам, растащив ногами выпавшие из гроба гвоздики, по улице. Ноябрьский дождь закончился, последняя капля поставила жирную точку в этой маленькой истории. Но где кончалась одна, началась другая, совершенно новая.

– Пойдём Кирилл?

– Да, – глухо ответил я. – Замёрзла?

– Есть немного.

– Пиво пьешь? Или скажем вино? – Резко спросил я.

– И то, и то пью. – Не мешкая ответила девушка.

– Славно. Значит возьмём и то, и то. Мне жутко хочется накатить, с самого утра поднывает. Пойдем, здесь магазинчик недалеко, буквально за углом.

– Пойдём. Тоже не откажусь выпить. – Одобрив идею Олесья, и мы вместе отправились в Бристоль.

Олесю не взяли провожать старушку в последний путь на кладбище. Вместо этого, оставили в Балашове с якобы важным поручением. Пройтись завтра по инстанциям и оплатить все долги по квартире Семёновны. И так как Олесья, несомненно не духом, где производить данные платёжные операции, то формально это поручили мне, собственно, как и при просмотре одним, а лучше двумя глазами за девушкой. Так и сказали. «А Кирилл если что присмотрит за тобой одним глазком, а если сможет двумя». Эти слова были адресованы Олесе, мамой, которая подошла к нам, когда выносили гроб с хозяйкой квартиры. Она вошла на кухню посмотрела на дочь, но спросила меня:

– Кирилл, что с Олесей?

Я пояснил, как потом выяснилось Анастасии Петровне, что с её дочкой всё хорошо, просто перенервничала, такое бывает и корвалол ликвидировал последствия расстройства.

– Спасибо тебе. Я не успела представиться. Анастасия Петровна, мама Олеси.

– Очень приятно, думаю мне нет нужды представляться, вы и так знаете кто я. – И ведь знала, все как один, поголовно знали, кто я такой. Зато я, о них не знал ничего.

– Олесь, – обратилась она к дочке. – У меня к тебе поручение.

– Какое поручение? – Удивилась Олеся и её глаза, явно увеличились.

– Тебе нужно остаться в Балашове...

– Зачем мне оставаться в Балашове? – Не дав договорить матери, сразу возникла девчонка.

– Во-первых дослушай. Тебе нужно остаться на некоторое время присмотреть за...

– Нет, мам я здесь не останусь, тем более одна. – Начала пылить Олеся.

– Может, дашь мне договорить?

Конечно, это был риторический вопрос, на самом деле он означал «Сейчас я говорю, а ты молчишь».

– Ты останешься в Балашове и присмотришь за домом. Всего пару дней, не больше. Потом мы с отцом приедем и начнём улаживать дела с недвижимостью. За это время, тебе нужно сходить и оплатить все долги по квартире, квитанции лежат на стенке, деньги я оставила там же.

– Но я не знаю куда идти. – Олесино лицо источало лютое недовольство, вперемишку с нарастающим страхом.

– Кирилл тебе подскажет. Поможешь Кирилл?

– Да не вопрос. – На самом деле, мне правда нетрудно,

тем более что последний год за квартиру платить ходил я. Оплачивал себе, а за одно и бабе Клаве.

– Ну вот, тем более не заблудишься, Кирилл поможет. Ну и в квартире уберёшься. Снимешь шторы, полы помоешь с окнами, половики расстелишь, пропылесосишь, марафет наведёшь.

– Мам нет. Я не хочу оставаться здесь одна. Да ещё и в чужом городе.

– Ничего с тобой здесь не случится. А Кирилл если что, присмотрит за тобой одним глазком, а если сможет – двумя. На него можно положиться.

Анастасия Петровна подмигнула. От этого мне даже стало как-то не ловко.

– Может лучше потом вместе приедем и ... – Олеся посмотрела на мать и поняла, заканчивать фразу бесполезно.

– Я могу на тебя рассчитывать?

Девчонка развела руками, ничего не ответив.

– Спасибо доча, нам сейчас очень нужна твоя помощь. Я на тебя рассчитываю. – Мама наклонилась и поцеловала дочку в макушку.

ГЛАВА 3. ДЕНЬ ВТОРОЙ «ПОСЛЕ»

Олесю явно мамино поручение не привело в восторг. Оно и понятно, остаться одной в чужом городе, на несколько дней в квартире, только что умершей бабушки, не самое великолепное занятие и времяпрепровождение. А ведь на самом

деле, так ли оно надо? К чему такая срочность? Квитанции можно оплатить через пару дней, никуда они не денутся. Навести порядок тоже, тем более, вместе куда быстрее. Как по мне, так это лишь мнимая причина оставить девчонку в Балашове. Зачем? Непонятно. Но спорить без толку, и Олеся это знала, а потому её оставили, хоть это и не сказано в открытую, на моё попечение. И первое что мы сделали под моим чутким попечительством, когда автобус скрылся за поворотом, пошли за горячительными напитками.

– Слушай и всё-таки мне кажется, мы взяли слишком много. – Доставая вино и пиво, прокомментировала Олеся.

– Во-первых тебе кажется, а во-вторых не помню, что бы в магазине ты была против.

– А в-третьих?

– Что в-третьих? – Переспросил я.

– Ты сказал, во-первых, во-вторых, а что в-третьих не сказал. Я заметила, многие говоря, во-первых, и во-вторых, никогда не доходят до третьего аргумента.

– А в-третьих не обязательно пить всё именно сегодня.

– А если я хочу всё и сегодня?

– А если ты хочешь всё и сегодня, то готовься пускать слюни на подушку. Хотя тебе и алкоголь не нужен что бы пускать слюни. – Договорив я улыбнулся.

– Ты теперь мне до конца жизни припоминать будешь?

– А ты рассчитываешь провести со мной всю жизнь? –

Ответил я вопросом на вопрос.

Мы купили две полторашки пива «Жигулёвское», взяли полторашку «Жатецкого гуся» на пробу, а вишенкой на торте оказалось тёмное бархатное. Естественно всё на разлив. Вином заведовала Олеся, так как я в нём толком не понимал, то и не полез. Закуской же послужили: чипсы, фисташки, девчонка особенно их любит, и желтый полосатик. Теперь всё это добро стояло на столе и смотрело на нас.

– Предлагаю сначала шлифануться, скажем по стаканчику, а потом и обед готовить. А во время подготовки шлифануться ещё.

– Отличный план, но, – Олеся захотела что-то добавить, но замялась. – Сходишь со мной вещи забрать?

– Какие вещи?

– Сумка и квитанции с деньгами.

– Конечно, пойдём. Нужно было сразу забрать.

– Слушай Кирилл, ты не против если я у тебя останусь?

– Олеся, о чём речь вообще. Могла бы это и не озвучивать.

Я бы тебя сам одну не оставил.

После этих слов у Олеси по всей видимости упал камень с души, что выразилось в явном облегчении.

– Накинь вон те тапочки, – я указал на обувь. – А я кроссовки обую.

Зайдя в квартиру, трудно было поверить, что несколько часов назад здесь отпевали Семёновну, а несколько дней назад, она ещё была жива. Теперь всё иначе и разделилось на «До» и «После», впрочем, уже не впервой. «До» – это ко-

гда разделяешь с кем-то годы, затем часы, потом секунды. В итоге настаёт «После». И время того, с кем ты разделял «До», останавливается, а твоё продолжает идти дальше, до того момента пока ты не начинаешь задаваться вопросом. А было ли это самое «До», вообще?

Забрав вещи и заперев квартиру, мы вернулись обратно.

– Олесь, ты квитанции с деньгами сразу в сумку положи, что бы завтра не искать.

– Уже, – Олеся скинула тапочки и повернулась. – Спасибо те...

– Притормози. Я не очень восприимчив к благодарности. Раз на то пошло, то не за что. Давай лучше вот над чем подумаем. Во что тебя переодеть? Не будешь же ты два дня в платье рассекать. Мало ли испортишь, заляпаешь чем или со стаканом пива уснёшь и прольёшь, – Олеся слегка улыбнулась и зыркнула на меня прищурив глаза. – Что? Я как-то купил новый комплект постельного белья, расстелил и в тот же вечер уснул с бокалом бархатного и разлил естественно. Стирал потом руками в тазике.

Это была сушая глупость, но мы стояли в коридоре и закатывались.

– Ладно, ладно, – пытался я успокоиться, но дальше продолжал смеяться. – Так, о чём я говорил. – И снова смех перебил меня.

Олеся укатывалась, пока не произнесла:

– Фуух. Не могу. – И вытерла слезинки от смеха.

– Так, о чём мы. А! Переодеть тебя надо, в платье не удобно, пойдём, – махнул я рукой и направился в спальню. – Думаю, спортивные штаны и футболочка, сойдут.

Это были спортивные штаны из разряда подходящие всем, на кого не одень, будь то женщина или мужчина. И чёрная футболка, только теперь не с принтом звёздных войн, а с тёмным рыцарем или по-другому Бэтменом. Затаривал я их по относительно дешёвой цене, всего четы сотки за штуку, в магазине «Твоё».

– Ты переодевайся, а я пойду вино и пиво в холодильник заброшу и курицу заодно достану.

– Что ты хочешь с курицей делать?

– В рукаве запечь, с картошечкой.

– Курицу на меня оставь, а ты лучше пивка налей и картошку почисть, – скомандовала Олеся. – Сейчас быстренько переоденусь, тушь смою и приду.

– Хорошо, так даже лучше.

Мне почему-то стало очень приятно от этих слов. И всё-таки она хорошая девчонка. Чем я больше общался и проводил с ней времени, тем сильнее чувствовал, она не имеет отношения к кутерьме вокруг смерти бабы Клавы. И не просто чувствовал, а как говорят – нутром.

Стаканы лязгнули друг о друга, и рты наполнились пивом. Об этом с особым восторгом, оповестили вкусовые рецепторы. Когда долго не пьёшь пиво, а потом всё-таки добираться до него, оно кажется, особенно вкусным и приносит

максимум удовольствия. И так по всей видимости не у меня одного. Олеся, сделав пару больших глотков, поставила наполовину опустошённый стакан на стол.

– Давно я не пила пиво.

– Что так? – Отпив спросил я.

– Не хотелось как-то, да и не с кем особо.

– Подружки как же, про которых ты рассказывала, когда дверь в спальню сама открылась.

– Я с ними давно уже не общаюсь. Одна уехала в Москву, а другая тут в Балашове училась, так тут и осталась, насколько мне известно. Теперь наверно уже работает. Правда, мы ещё до того, как им разъехаться, перестали дружить.

– Ясно.

– Ну а ты?

– Что я?

– У тебя много друзей?

– До переезда сюда, у меня вообще не было друзей, не в школе, не в меде. Наверно потому что я приходил и всё время молчал, перекидывался пара-тройкой слов с кем-нибудь, и то если сами подойдут. В меде правда было пару знакомых, но не более. На шашлыки или на попойки никогда не ходил, хотя ребята частенько собирались, даже звали. Но всегда отказывался. Не знаю почему. Правильно меня потом нелюдимым называли, за спиной.

– Ты, нелюдимый? – С неким скепсисом отнеслась к последней фразе Олеся. – Мне так не показалось. Хотя я обща-

лась с зажатými и стеснительными людьми у нас тоже были такие в классе. Ладно это тогда. А сейчас?

– А сейчас у меня один друг. – И тут я замолчал.

Олеся стояла и ждала продолжения, пока не поняла, что я закончил свой короткий рассказ.

– И! – Допивая пиво, воскликнула девушка.

– Что и? – Включив дурачка, смотрел я на свою гостью.

– Я думала после фразы, цитирую: «А сейчас у меня один друг», ты расскажешь об этом друге.

– Разве и так не понятно?

– Нет.

– Ты!

Теперь я выключил дурачка и пристально смотрел за реакцией Олеси. Она явно не предвидела такого расклада, взяла мой стакан с пивом, глотнула и поставила обратно.

– Прекрасный выбор, одобряю. – С её губ срывался смех, но подавить она его смогла, только до стадии широченной улыбки.

– Полностью с тобой солидарен. – Дальше подыграл я.

– Тебе не кажется, что для друзей, мы слишком мало знаем друг о друге. – Лихо подметила девушка.

– Согласен. Давай исправим эту вопиющую несправедливость, – я встал со стула, протянул Олесе руку и сказал. – Телегин Кирилл Алексеевич, нелюдимый фельдшер, по совместительству твой собутыльник и новый друг.

Олеся не растерялась:

– Морозова Олеся Юрьевна, повар-технолог, незнакомка и . . . , – девчонка слегка задумалась, придумывая, что ещё сказать и выдала. – Твой Ангел хранитель и новый друг.

Иным, диалог и вся ситуация в целом покажется странной, но не для нас. Мы стояли скреплённые рукопожатием, давя лыбу на все тридцать два зуба, закрепляя другу за другом, совершенно новый статус. Выйдя за рамки очаровательной незнакомки и Кирилла – соседа бабы Клавы, о котором кто-то, что-то, много рассказывал. Теперь это начало чего-то нового, чего-то, что не нужно писать на бумаге и заверять нотариально. Чего-то, что не нужно подтверждать печатью и подписью. Чего-то, что рождается только в таком вот странном диалоге и рукопожатии. Это – дружба. И хоть сегодня день траура по моей, пусть и не родной, но всё же бабушке, меня переполняли смешанные чувства, от грусти и печали до стыдливой радости. Если есть жизнь на том свете, в любом своём виде, описанном в литературе, то я уверен, что баба Клава на меня не в обиде за чувства, переполняющие сердце. А наоборот, безмерно рада, что я нашел то, что каждый должен найти хоть раз. Почувствовал то, что каждый должен почувствовать хоть раз, прежде чем придёт к своему логическому концу.

– Так, давай разберёмся, – сев на место начал я. – Повар-технолог понятно, твоя профессия, с незнакомкой тоже всё ясно. А вот крыльев у тебя за спиной, я не наблюдаю.

– Ты сегодня ночью, после того как гузном кверху поле-

жал, крепко спал?

– Крепко, но мало.

– Вот! – подняла палец вверх Олеся. – Это потому что, я охраняла твой чуткий сон. Твой Ангел хранитель. Поэтому и не выспалась. – Деловито подчеркнула девушка.

Я посидел немного подумав, почесал подбородок.

– Вот теперь вижу крылья, сразу не заметил. Буду теперь тебя Ангелом называть.

– Так меня ещё никто не называл, – подметила Олеся проговорив в пустой стакан и обнаружив что содержимого нет поставила обратно на стол. – Кирилл, долго ты ещё цедить будешь, а я в пустой стакан говорить?

– Пардон. – Я открыл морозилку, достал пенного и наполнил стаканы до краёв.

Шлифовка закончилась, самое время приступить ко второй фазе, а именно готовить обед, чем мы и занялись.

Кухня наполнилась превосходным ароматом. Уже не терпелось отведать сочную куриную ножку, или белого мяса с грудки, или нежное крылышко в специях. Положить на тарелку картошечки, немного селёдки пусть и из банки, немного овощного салата из огурцов и помидоров, купленных в местном ларечке и отведать всего этого великолепия. Но пока курица не готова, оставалось только ждать и допивать пиво. Нет, конечно мы выпили не всё, а только добивали первую бутылку. То ли с недосыпа, то ли от того что голодный, а может потому что давно не выпивал, мне звонко дало

по шарам. Конечно же не по тем шарам, по другим, которые в голове и отвечают за опьянение. И тут два выхода: дождаться курицы и поесть, тогда эффект опьянения будет меньше, я в этом на сто процентов уверен, либо накатить ещё и благополучно войти в золотую середину. Золотой серединой, я называл состояние, когда тебя максимально расслабило, но ты ещё не пьяный. При этом сохраняется ясность мысли и ума. Отдаётся контроль всем своим действиям, координация ещё не нарушена, а ты весь такой весёлый, активный и даже не прочь поговорить на более тонкие темы, при этом зная, что не взболтнёшь лишнего. И это состояние, когда пьёшь пиво, мне нравилось больше всего, а потому старался, как можно дольше в нём оставаться, а не ударятся в крайности. Правда не всегда получалось. Ещё я заметил, не знаю как у других, а у меня точно. Когда пьёшь не разливное, а обычное пиво, в стекле например, никакой золотой середины нет. Ты просто пьёшь и в какой-то момент, обнаруживаешь себя набуханным. Резко, вероломно, не каких тебе плавных переходов, как от разливного пива.

– Похоже готово. – Открыв духовку, вынесла вердикт Олеся.

– О, наконец то, а то я уже слюнями изашёлся.

Трапеза началась, и всё что стояло на столе, пошло в ход. Крылышко, ножка, грудка, картошечка вперемешку с овощами и селёдка. Заедалось всё это чёрным хлебом, а запивалось тёмным бархатным. Обед оказался вкусным, а главное

сытным. И снова, Олеся показала великолепные результаты в поедание пищи. Она доказала, что не из того разряда дамочек, которые за столом долго и томно чвякают и глотают еду, только после того, как распробуют её всем небом. На что уж я быстро ем, как мне казалось, но Олеся превзошла меня на этом гастрономическом поприще, как по времени, так и по количеству.

– Спасибо Кирилл.

– Не за что, сама трудилась.

– Продукты твои.

– Твои, мои, какая разница? Ты хоть наелась?

– Я так наелась, что на курицу теперь смотреть не могу.

– Славно. – Улыбнулся я, довольный таким ответом.

Олеся встала из-за стола.

– Сейчас приду, подожди, – на этих словах девчонка нырнула в коридор. – Мамка что-то не звонит.

– Сама позвони.

Олеся вернулась на кухню с телефоном в руках. И это был не мой китайский смартфон за семь тысяч, с постоянно пропадающей куда-то памятью. Это самый настоящий убийца флагманской линейки последней модели, в красной расцветке. У него не то что память не пропадает, мне кажется если он сам пропадёт, допустим украдут или потеряется на улице, то своим ходом, благополучно вернётся к своему владельцу.

Олеся, заметив мой интерес к девайсу, молча протянула смартфон.

– Можно? – Всё-таки в качестве вежливости спросил.

– Конечно.

Несмотря на свой размер, телефон удобно лежал в руке и оказался на удивление лёгким. Я провел по безрамочному экрану. Блокировка отсутствовала.

– Мне нечего скрывать. – Работая на опережение, прокомментировала Олеся.

– А если кто в твои соц. сети зайдёт?

– Пусть заходят, я же говорю, мне нечего скрывать.

Пошарив по настройкам и вкладкам, посмотрев камеру, потыкав в монитор, проверяя на сколько он отзывчив, я зашёл в фотографии. И тут их полно, тьма тьмушая. На природе, на речке, во дворе, Олеся не соврала и впрямь большой участок, даже на фото видно. С бабушкой в доме, с крёстным, с мамой и папой. Дальше просто цветы и пейзажи и пушистый кот персикового цвета.

– Это твой котик?

Олеся наклонилась ко мне:

– Нет, это соседский. Заходит иногда покушать. Пух зовут.

– Пушок значит.

– Не Пушок, а Пух.

Я не стал акцентировать внимание на том, почему не Пушок, а Пух и продолжил дальше листать фотографии. Селфи на кровати, у зеркала, на балконе, под цветущей вишней. С каким-то парнем, опять с ним, и на другом тоже, а вот в об-

нимку, а тут они крупным планом и Олеся целует его в щёку. «Что за парень?» Мысленно я задал себе вопрос. Олеся, видя на каком фото я остановился сказала:

– Это мой бывший парень, Артём, встречались немного после одиннадцатого класса. А это фото сделано на второй день после выпускного. Мы тогда с классом в лесу отмечали.

Я ничего не ответил, а только закрыл вкладки и отдал телефон. Хорошо она сама рассказа, сам бы я спрашивать о таком не решился. Не с руки мне совать нос в чужой вопрос. Даже если хочется.

– Мамке то позвони, а то я прихватизировал у тебя телефон.

– Ну тебе же интересно было. Любопытство не порок, – Выдала девушка и в этот момент выглядела немного серьёзно, но открытая как книга. Бери, Кирилл, читай. – А вдруг они ещё заняты, а я буду названивать?

– Если заняты, потом сами перезвонят.

Олеся ждала, когда мама возьмёт трубку, но этого не произошло. После продолжительных гудков, вызов сбросился.

– Ничего страшного, как увидит пропущенный, перезвонит, наверное поминают.

После этих слов наступила маленькая и неловкая тишина, а когда наши взгляды пересеклись, неловкость стала уже не прикрытой.

– Есть ещё будем? – Кому-то из нас следовало разорвать порочный круг молчания, пусть это буду я.

– Нет.

– Тогда, надо убрать со стола.

Мы одновременно зашевелились, загремели посудой, вилками, ножами. Зажурчала вода в раковине, захлопала дверца холодильника, куда и отправились остатки еды.

– Ну, а пиво ещё будем? – Спросил я, и кстати, как и говорил, после еды эффект опьянения сошёл почти на нет.

– Может винца?

– Можно и винца. Только пить будем из других стаканов. У меня в зале в стенке, полощёнее стоят для таких напитков.

– Ой, Кирилл Алексеевич, умеете вы навести лоска.

– Не буду скрывать, я умею придать шарма, даже такому занятию, как распитие вина перед телевизором.

На этих словах, захватив с собой бутылку вина и упаковку фисташек, мы перебазировались в зал: пить вино, смотреть телевизор, общаться и делать это с лоском.

Не успели мы присесть на диван, как у Олеси зазвонил телефон. В рингтоне звучали слова «Твои глаза, такие чистые как небо. Назад нельзя...» На этом моменте, он благополучно оборвался, потому что девушка взяла трубку. Представления о прекрасном, по крайней мере в плане музыки, у нас отличались. Я не любил данный жанр и такие песни. Мне больше подходил старый добрый ДДТ или Ария, но только, чтобы в исполнении маэстро Кипелова, а если из иностранного, то это Битлы или ACDC. Но о вкусах не спорят и каждый слушает то, что ему ближе. Кому-то нравится, что бы

качало, кому-то, что бы побольше драйва, Иным потрешо-вей, для других вообще нет разницы, главное, чтобы песня находилась в топах всех чартов, а для какого-то, важен ду-ховный посыл. Выбирай что нравится.

Олеся ходила по залу и говорила по телефону, начало раз-говора я пропустил.

– Да нормально. Поела уже. С Кириллом курицу запека-ли. Да у него. Мам я у Кирилла с ночёвкой останусь. Нет мам, не докучаю. Он сам сказал, что не против. Ага. Сейчас будем телек смотреть и вино пить. Я помню, сделаю. Угу. Давай, позвони перед сном. Пока, пока, – Олеся положила трубку, глянула на меня, подошла и бухнулась на диван. – Нормально добрались, без происшествий. Ты был прав, по-минают сидят.

Я лишь кивал на всё сказанное.

– Тебе от мамки спасибо. Ещё она сказала, что ты насто-ящий джентльмен.

– Оу! – Произнёс я немного растерянно. – Ладно.

– Что смотреть будем? – Быстро, с темы на тему, переключилась девушка.

– Ты у нас ди-джей по каналам, тебе и выбирать.

– Что бы ты сел смотреть, без меня?

– Ничего. Без тебя я сел бы играть в комп.

– Ты компьютерные игры любишь?

– Что не заметно? – Указал я в сторону телевизора.

Под ним стояли игровые консоли, разных поколений, от

PlayStation до Xbox.

– Кирилл, да ты задрот. – Поставила диагноз Олеся, хотя медиком здесь был я.

– Это второй мой скелет в шкафу, помимо нелюдимости. Олеся внимательно осмотрела мою коллекцию.

– У тебя и диски есть?

– Конечно.

– А это что? – Показала девчонка на длинную камеру, прикреплённую по верх телевизора.

– Это сенсор для Xbox, считывает движения и выводит на монитор. С его помощью можно играть в подвижные игры, например в танцы.

– Ты танцуешь? – Произнесла Олеся с неподдельным интересом и восторгом, – Покажешь потом?

– Покажу, но не сегодня.

Моя гостья одобрительно кивнула и вернулась на диван. Мы наполнили стаканы вином и занялись тем, чем и собирались. По каналу шла мелодрама из разряда киномыло, или мыльная опера. Из тех что легко предсказуемы, а актёрская игра оставляет желать лучшего. Ну да ладно, что захотелось моей гостье, то и выбрала. На экране мелькали девушка с парнем, судя по сюжету, они были молодой парой, две половинки и когда-то в начале фильма, собирались пожениться. Теперь она вела себя холодно, пассивно, отрешённо, а за личиной вечной усталости и головной болью, скрывалась тайна. Но это не их общая тайна, как бывало раньше. Теперь эта

тайна предназначалась другому.

– Она его не любит. – После долгой паузы сказал я.

– С чего ты взял, мы же не сначала смотрим?

– Вот увидишь, она от него уйдёт.

– Куда?

– Не куда, а к кому?

– К кому?

– К кому-то из их ближайшего окружения.

– Да откуда ты это знаешь?

– Чуйка. – Лаконично ответил я.

– Ты, наверное, этот фильм уже смотрел.

– Нет. Первый раз вижу. Вот увидишь, она уйдёт. А потом он узнает, что у неё другой.

– Ты смотрию эксперт в любовных делах. Богатый опыт? –

Олеся с кино переключилась на мою персону.

– Нет. У меня и девушки то никогда не было.

– Вообще никогда?

– Ну в том плане, чтобы влюбился, познакомился, ухаживал, встречался и прочая мишура – нет.

– В каком плане, тогда была? – И тут же сообразив в каком плане была, Олеся продолжила. – А, понятно, можешь не расшифровывать.

– Да не в каком плане не было.

Олеся, услышав, что у меня в таком возрасте, ещё не было девушки, ничего не сказала, не начала зубоскалить и смеяться.

– Тебе никто никогда не нравился?

– Почему не нравился, нравился. Но те, кто мне нравились, а таких не много, у них у всех были, как сейчас модно говорить, парни. А я не из тех людей, что «Мужа мы уроем ты уйдёшь с героем» или у тебя есть парень, хрен с ним, подвинется. Не могу я так. Или даже вот, допустим, ну не знаю, ты мне нравишься, но это же не повод сразу к тебе клинья подбивать, как тот из похоронки. А знакомиться с девушками, что бы в постель затащить. Я такой цели никогда не преследовал. Наверно со мной что не так. Хотя нет, всё со мной так.

Я закончил свой длинный монолог, посмотрел на девушку, и она покраснелась не хуже красной крышки своего смартфона. Из всего моего рассказа, она похоже только уловила слова «Допустим» «Ты» и «Мне нравишься». Именно это обуславливало бегающие глаза и цвет лица. С её губ начали срываться слова, но она быстро закрыла рот руками и сделала вид, что слегка кашлянула, как будто поперхнулась. Я услышал первые слова или мне показалось что услышал «А я правда...» и логичным завершением фразы стало бы «тебе нравлюсь». А полностью «А я правда тебе нравлюсь?». Но так как фраза не закончена и произнесена тихо, теперь я не уверен, что услышал то что услышал. Ведь это могла быть и моя бурная фантазия, но этого хватило для того что бы лицо начало гореть.

– Извини что спросила. – Опустив взгляд сказала Олеся.

– Ну тебе же интересно, любопытство не порок. – Парировал я той же фразой, что ранее и Олеся.

Произнеся последнее, я осознал, мы оба вошли в золотую середину, отсюда и начались более тонкие разговоры. И раз масть пошла, то теперь нас не остановить.

– Ты со своим долго встречалась?

– С Артёмом? – Уточнила девушка.

– Были и другие?

– Нет. Не было.

Олеся вздохнула и начала:

– Влюбилась я в него ещё в первом классе. Такая детская любовь, но уже любовь. Он казался забавным, немного странным. Ничего не изменилось и к одиннадцатому классу. Только тайные записочки, дёрганье за волосы, беготня по школе друг за другом, неподписанные валентинки, сменились на переглядки, неловкие разговоры, провожание до дома под разными предлогами. Иной раз мы сидели вместе и даже было такое, что он дрался за меня если видел в человеке соперника. Но в открытую мы не объяснялись. Хотя симпатия была взаимной. И это стало уже не детской, а подростковой любовью, но всё же любовью. На выпускном, мы загадывали желания, зажигали фонарики и отпускали в небо. Тогда я загадала, что бы мы всегда были вместе. И вот он признался мне в любви. И это стало уже взрослой любовью. Мы даже хотели поступить учиться в одно и то же место. Второй день выпускного отмечали тоже вместе, тогда же и

сделаны фотографии, которые ты смотрел. Я была счастлива, но это длилось не долго. После выпускного мы наслаждались обществом друг друга, гуляли, бывало даже до рассвета, правда мне потом влетало по-крупному, но когда любишь – это всего лишь мелочи. Могли сутками сидеть на телефоне, а по ночам переписываться в чате. Но постепенно звонки стали короче, лента сообщений меньше, а встречи реже и так пока совсем не прекратились. Огонь в его глазах сменился на безразличие, он стал меня избегать и игнорировать. Неужели так трудно было сказать всё на чистоту. Олесь, ты мне надоела или Олесь давай расстанемся или хоть что-то. Конечно слабое утешение, но по крайней мере честное. Вместо этого я сидела и гадала, что сделала не так и чем обидела. В итоге пришла к решению – бегать за кем-то и навязываться, слишком не позволительная роскошь, тем более если человек сам не изъявляет желание нормально объясниться. То лето закончилось тем, что я поступила на повара-технолога, а остаток времени провалялась на кровати.

– Ну а вы с ним пересекалась после этого?

– Конечно. Мы же живем в одном селе. Поначалу было больно, не приятно. Бывало даже намеренно стороной обходила, а потом стало наплевать.

– Ясно. Слушай Олесь, раз такие откровенные разговоры пошли, можно спросить?

– Спрашивай.

– Ты вчера в подъезде сказала, что баба Клава обо мне

много рассказывала, ты лично с ней говорила?

– Нет, лично я с ней ни разу не говорила, даже телефону. Она с бабушкой и крёстным общалась, вот через них я про тебя и узнала.

– И часто они общались?

– Не знаю. А в чем дело?

– Клавдия Семёновна уверяла, что вы живёте далеко и совсем не общаетесь. Как думаешь, зачем она мне соврала?

Девушка знала ответ, по ней видно. С момента, как я начал задавать вопрос, а потом закончил, Олесено лицо менялось. С возбужденного и взбудораженного, до откровенно спокойного. В нём не было и тени обмана, ехидства или злобы. Оно до сих пор оставалось открытым, только теперь в нём читалось: «Кирилл, я люблю свою семью, но пока не спрашивай меня о ней». И я не стал. У меня в запасе оставался ещё один вопрос, касался он двух не известных родственников, которые раздавали свечи перед отпеванием. Но я уверен, если задать вопрос про них, в ответ получу тоже выражение лица. А это значит, два совершенно разных вопроса имели под собой один и тот же знаменатель и одинаковый корень. И решив всего лишь одно уравнение, я получу ответы на оба.

– Кирилл я ...

– Не продолжай. Я понял. Как придёт время, расскажешь.

– Я правда тебе расскажу, но не сейчас.

И я ей верю. А потому просто перевёл разговор:

– Завтра сходим заплатим, потом уберёмся у бабы Клавы в квартире, а вечером мне нужно к смене готовиться.

– Я забыла, ты же после завтра работаешь.

– Придётся тебе одной побыть.

– Ты вечером вернёшься?

– Нет. Я же на сутки ухожу.

– На сутки? Капец!

И пока Олеся не погрузилась в полное отчаяние, я решил её немного успокоить.

– Ничего страшного, посидишь тут одна денёк. Продукты мы подкупим, электроникой пользоваться умеешь, всё будет в твоём полном распоряжении. На всякий случай, запасные ключи оставляю. Ну а попозже покажу, что где лежит.

Я знаю, о чём подумала девушка. Она подумала, раз ухожу, то выставлю её за дверь, запру квартиру и уйду на работу. А ей придется коротать время в стенах покойной бабушки и трястись от каждого шороха. Естественно я так не поступлю, тем более после того рассказа. Волнения беспочвенны, квартиру она не разнесёт, не обчистит, зачем ей моё барахло, да и не из таких она людей. А потому, могу со спокойной душой оставлять её дома одну и идти на работу.

– И номер мне свой оставь.

– И номер оставляю и в соц. сетях добавлюсь, так что на связи буду. Немного успокоилась?

– Если честно, да.

– А ты думала, я на работу уйду, а тебя за дверь выставлю?

Олеся быстро закивала головой при этом улыбаясь. Это выглядело так смешно и забавно, что сначала засмеялся я, а потом и сама девушка.

– Всё будет ровно, послезавтра последнюю смену отрабатываю, а потом у меня отпуск начинается, и я буду в полном твоём распоряжении.

Сказанное, явно тронуло Олесю, как и весь поступок в целом.

– Даже не знаю, что сказать. – Заговорила девчонка.

– Если не знаешь, что сказать, скажи, что думаешь.

– Если честно, сейчас я думаю о том, что у меня в стакане пусто.

Я снова засмеялся, поднял бутылку с пола, откупорил и налил вино.

– А если серьёзно, ты такой необыкновенный. Вот правда, необычный, необыкновенный, я таких ещё не встречала.

– Я тоже в своей жизни не встречал Ангелов. Ты первая.

Этот диалог породил молчание. Не неловкое как на кухне, обычное. Взгляды не сходили с дистанции, они пересекались, сталкиваясь друг с другом. Сейчас смущение, кокетство и робость не к чему. Они остались на заднем плане, для других людей. А для себя мы оставили неприкрытое откровение, выраженное в двух предложениях. Никаких лишних слов, только то что каждый видел перед собой.

К слову о фильме, который мы смотрели с Олесей. Главная героиня на словах «Чувства уже не те, я хочу побыть од-

на», ушла. И ушла она не для того чтобы побыть одна, а как выяснилось в следующем кадре к другому. Главный герой в скорости об этом узнал, ведь сюжет фильма разворачивался не в огромном мегаполисе, а в провинциальной глубинке, где все всё знают. Её сюжетная арка заканчивается на том, что создаётся новая ячейка общества, узаконенная перед лицом государства, она счастлива и всё её окружение тоже. Прекрасный конец. А его, на том как процеживая боль сквозь зубы, он пишет об этом книгу. Шутка. Всё закончилось куда прозаичнее, это же мелодрама. Так и не смирившись, он открыл для себя бездну одиночества, главная ошибка в том, что парень в неё заглянул. Последние кадры фильма показывают: у окна, спиной к камере, стоит главный герой, по бокам нарастает тьма. Картинка медленно приближается и можно заметить, по комнате разложены вещи его невесты, которые она не забрала, а он так и не смог выбросить. Далее ракурс перемещается, приближается ещё ближе, заходит за спину персонажу и выглядывает из-за плеча. Парень смотрит в окно сквозь дождь и нам показывают воспоминания, связанные с его последней любовью. После, главный герой дышит на стекло, оно запотевает, и он пальцем пишет фразу: *«Завтра всё закончится»*. Экран темнеет, звук выстрела, титры.

Так себе кинчик получился, на разок, пересматривать точно не буду. И всё же я оказался прав, она от него ушла к другому. Жалко Олеся об этом не узнает, вот уже добрые двадцать минут девушка дремала, прильнув своей щекой к

моему плечу, а рассказывать сам не буду. Я попытался при-
встать и уложить девчонку поудобнее. Но вместо этого, её
голова сползла на мои колени. Олеся подняла ноги на диван,
подогнула под живот и калачиком устроилась, мирно поса-
пывая. Я снова предпринял попытку встать, но Олеся сжала
мою ногу и промурлыкала.

– Не уходи.

– Куда я от тебя уйду. – Сорвалось с моих губ.

Девчонка ещё сильнее сжала мою ногу, и я остался сидеть
на том же месте. Смотрел телевизор и изредка, когда Ангел
что-то бормотала во сне, поглаживал по голове и тихо шеп-
тал: «Спи, спи».

Остаток вечера, после того как Олеся проснулась, мы про-
вели за исследованием дома. Она открывала шкафчики, тум-
бочки, заглядывала за дверцы и видела всякое. Постельное
бельё и одежду. Оставленные бабушкой собрания книг Пуш-
кина и Лермонтова, Дюма и Анжелика, Унесенные ветром,
и многое другое. Отцовский Стивен Кинг, мамкин Николас
Спаркс и Приключения кота Боба. В стеллажах стояли ко-
миксы и манга. Далее под зоркий глаз Олеси попали тетрад-
ки и канцелярия, диски с играми, фильмами и аниме, ин-
струменты, банки, склянки, тубики и флаконы. Залезла в
нишу с обувью, в шкаф с макаронами и крупами, заглянула
на лоджию. Кому-то придётся не по вкусу такое поведение и
обзовётся бесцеремонным. Но я разрешил и сам был иници-
атором данной экскурсии. Как ранее говорила Олеся: «Мне

скрывать нечего». Девушке понравилось это маленькое приключение по квартире. Обстановка не знакомая, вещей много, всё в новинку, а потому интересно. Далее мы ужинали и спорили что лучше: Властелин Колец или Гарри Поттер. Естественно я топил за первое и естественно каждый остался при своём. Потом позвонила мама, пожелав заранее спокойной ночи. Время шло ко сну, на часах накапало одиннадцать, а значит пора на боковую.

Я раскладывал кресло, когда за спиной услышал:

– Ты хочешь на кресле лечь?

Это Олеся, разваренная, распаренная, только что из ванны, стояла в дверном проёме.

– Ну да, как вчера. – Продолжил я разбирать кресло.

– Может вместе ляжем? А то я боюсь одна спать.

– Ты не будешь одна. Я буду рядом, на кресле, да и телевизор оставим включенным.

Девушка пристально смотрела на меня переваривая ответ, но страх брал своё.

– Пожалуйста.

Я остановился, провел рукой по волосам и вспомнил человека из сна. Из всего того что он говорил, по большей части это была какая-то околесица, мне хорошо запомнилась только концовка.

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни. – Прошептал я вслух и посмотрел на девушку.

Она продолжала стоять в дверях, на пересечении зала,

освещённого светом люстры и коридора, окутанного ночной темнотой. И на секунду мне представилось, как что-то или кто-то появляется за спиной у Олеси, материализуется прямо из тьмы, в которой скрывается. И тогда я увижу, что этот кто-то, утаскивает девушку в мертвенную тьму. По руке пробежали мурашки вздыбливая волосы.

– Хорошо. Сейчас только плед себе из спальни принесу. А ты пока прыгай на борт. – Указал я на диван.

Вернувшись из спальни с пледом в руках, девчонка уже устроилась под одеялом у стеночки и ждала меня. Щёлкнув выключатель и скинув майку на стул, я тоже лёг.

– Тебе часто снятся кошмары? – Спросила вдруг Олеся.

– Нет, особенно такие как вчера. Обычно если снятся, то они связаны с призраками, от которых я пытаюсь убежать.

– Меня в детстве часто посещали кошмары. Чаще всего, тёмная фигура, смотрящая из угла комнаты, но после смерти деда появилось ещё кое-что. Однажды мне приснилась старушка. Она стояла в зеркале, вместо моего отражения. Я видела, как шевелятся её губы.

– Может она пыталась что-то сказать?

– Нет. Точно нет. Никаких звуков она не издавала. И мне тогда во сне, пришла аналогия с рыбой, выброшенной на берег, беспорядочно дёргающей ртом в попытках захватить воздух. А потом старуха протянула руку. Сначала я подумала, она на что-то указывает, а потому оглянулась, но там ничего не было. А когда посмотрела снова в зеркало, поняла,

она не указывала, а протягивала свою руку для приветствия. Самое характерное, я хорошо разглядела предметы её одежды, саму руку и даже волосы, отлитые блестящей сталью. Но лица практически не было видно. С этого момента, сны о неизвестной старушке участились, и в каждом из них она всё больше выходила из зеркала, а её лицо обретало черты. И вот как-то раз...

Олеся посмотрела на меня, затем отвела глаза. Её взгляд охладел и остановился на глянцевом отражении самой себя в натяжном потолке.

– Как-то раз я проснулась ночью, – в полголоса зашептала девушка. – Дрожа от холода и необъяснимой тревоги. В темноте, единственным источником света оказался не мой ночник, а фонарный столб отрисовывающий сквозь шторы карикатуры и фигуры на стене. Я протянула руку и щёлкнула выключатель, свет не загорелся. Свесила обе ноги с кровати и ступила на ледяной пол. Мёрзлый, холодный коврик напоминал жухлую траву, покрытую инеем. «Я точно нахожусь дома?», подумала я тогда про себя. Обстановка вокруг говорила «Да», но ощущение, само нутро, ширящееся тревога трубила обратное. Я приоткрыла дверь и выглянула из комнаты. Свет отсутствовал везде, но только там намного темнее, ведь ко мне свет проникал с улицы, а в коридор нет. Половицы на лестнице закрипели, кто-то медленно поднимался. Меня вдруг посетила совсем навязчивая мысль «Наверно это бабушка Клава». «Внученька моя, это я», раздалось

с лестницы и размеренный шаг ускорился, превратившись в бег. Меня прострелило молнией с головы до пят, и я только успела засунуть голову обратно и хлопнуть дверью, когда старуха уже добежала и давила на ручку, пытаясь попасть в комнату. Я обеими руками тянула ручку вверх, параллельно пытаясь поставить дверь на блокировку. В итоге у меня получилось заблокировать замок, споткнувшись я упала на пол, и не отворачиваясь отползла к стене. Ручка трепыхалась ещё некоторое время, затем всё стихло. Я не могла кричать, двигаться, такое чувство, что от страха забыла даже как дышать, особенно в тот момент, когда блокировка снялась, ручка наклонилась, и дверь скрипя приоткрылась. Я закрыла лицо руками. Кто-то прошёл в комнату, затем остановился, в упор смотря на меня. Непонятно почему, но я почувствовала призрачное присутствие человека из угла комнаты и начала повторять про себя «если открою глаза, то умру, если открою глаза, то умру», и что есть мочи зажмурилась. От прикосновения к моей руке я завизжала и всё-таки открыла глаза. Тёплый, летний солнечный свет попадал мне на кожу. Наступило утро. Это был сон, ночной кошмар. Один из тех после которого ты обнаруживаешь себя кричащей на весь дом в слезах, в той же самой позе, на том же самом месте, что и как тебе казалось секунды назад, хотя на деле прошла целая ночь. Тогда же я и осознала, сначала на уровне чувства, потом инстинкта и затем на уровне абсолютного знания, старушка из зеркала и та что пыталась вломиться в мою

комнату, имеет одно и то же лицо. В тот же день я рассказала бабушке про свой сон, она ничего не ответила, а только спросила: «Давно она тебе снится?». Затем я пыталась отыскать фотографии с бабушкой Клавой, но ничего не нашла, кроме нескольких чёрно-белых фото, где она совсем молодая, – Олеся вздохнула. – Странно, но после этого Бабушка Клава стала сниться всё меньше и меньше, а на её место снова встала тёмная фигура из угла комнаты, правда в какой-то момент, и она перестала являться в мои сны.

Я слушал не отрываясь, не подавая вида, что мне страшно до онемения конечностей.

– И вот на днях мама мне сообщает, мы едем в Балашов, потому что бабушка Клава умерла, – немного иронично произнесла Олеся. – Естественно, меня снова начал сковывать страх. Я бы не смогла вынести в её квартире ночь. Но тут появляешься ты и предлагаешь переночевать. Я... Я понимаю это прозвучит эгоистично, но ты оказался моим спасательным кругом, за который я крепко уцепилась.

После этого разговора, мы ещё немного побеседовали на отвлечённые темы. Я дождался пока Олеся уснёт, продлил на телевизоре таймер сна и под мелькающие картинки с экрана, отправился на встречу новому дню.

ГЛАВА 4. ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Ночь прошла гладко. Настолько гладко, что я не запомнил ни одного сна. Никаких шорохов, бормотаний, посторонних

звуков и прыжков из постели. Никто из нас не только не проснулся до самого утра, а даже не ворочался. Ночь прошла чудесно и об этом свидетельствовал бодрый, отдохнувший вид и слегка воодушевлённый настрой, от того что тёмное время суток миновало нас без происшествий. А потому, когда глубокая осень встретила мрачными небесами пепельного цвета, сквозным ветром, вонзающим невидимые клыки через одежду, и топями грязи, никто не огорчился. Олеся не ругалась по поводу перемазанной обуви, а я не плевался, что в свой выходной перед работой, мне пришлось утром куда-то идти и что-то делать. Настроение было, не отличное, далеко от отличного, но на том уровне что выше перечисленные аспекты не вызывали раздражения. И даже вновь обострившийся на полпути, как язва у хроника, ноябрьский дождь, не изменил отношения к новому дню.

Наш путь на почту, а именно там первая остановка, пролегал через пару дворов и несколько пятиэтажек. Олеся, в промежутке между лавированием от лужи к луже, успевала крутить головой и осматривать Нефтянские кулуары. Нечего омерзительно или наоборот восхитительного в них не было. Обычные, скучные, среднестатистические Российские дворы, коих на просторах нашей необъятной родины, бесчисленное количество. Окружение так же составляли местные обыватели. Два старика на лавочке под деревом, обсуждающие последние новости. Мамочка с сыном на руках, торопящаяся скрыться от нарастающего дождя. Одинокая бабуш-

ка, кормящая у магазина брошенных кошечек и стая собак, кочующая от подъезда к подъезду в поисках съестного.

Мы добрались до почты и единственное что могло пойти не так, это невероятного размера очередь. Иногда бывало, что такой же поход как сегодня, заканчивался двадцатью или тридцатью минутами ожидания. Но в этот раз всё прошло как по маслу. Очередь составлял один человек, забирающий посылку. Отстояв пять минут на почте, мы перешли через дорогу в оплатной. Расплатившись по счетам и пройдя последнюю инстанцию, вернулись назад, зашли по пути в «Кулинарию» и затарились продуктами.

Первая задача выполнена и отрапортовав по телефону Анастасии Петровне о проделанной работе, решили не затягивать со второй. Она состояла в приведении в подобающий вид, квартиры бабы Клавды после похорон. И в ней было грязно, натоптано, размазано, раскидано и разбросано где попало.

– Может телевизор включим, пусть фоном бубнит? – Предложила Олеся и добавила. – Далеко от меня не отходи.

Предложение одобрено, а просьба учтена. И на этой ноте, работа закипела. Мы сняли отовсюду простыни, закрывающие зеркала, покрывала с кресла и софы, а также постельное бельё. Закинули их в стиральную машину и сразу завели, пока убираться будем, как раз простирается. Открыли окна, проветрили. Далее помыли рамы, подоконники, багетки, плинтуса и полы, протёрли столы и стенку. Отчислили до

блеска ванну и туалет, отдраили плитку. Выбросили окурки и прочие ненужные мелочи. Перетряхнули всю софу, подушки, одеяла. Пропылесосили ковёр и паласы, постелили назад. Промыли заново всю посуду и даже немного шлифовали холодильник. После, вытащили постиранные простыни и развесели на лоджии. К переезду Олесеных родителей, как раз высохнут. Я бы сказал, что квартира заиграла по-новому, но нет, она заиграла по-старому, не хватало только штор. Как при живой Семёновне, ей вернулся вид, буквально трёхдневной давности. Даже ощущалось лёгкое присутствие хозяйки. Казалось, сейчас она войдёт в зал с подносом чая. И Клавдия Семёновна будет даваться диву, как лихо мы с Олесей убрались в квартире, ведь глазами бы, она сделала всё, но из-за проблем со здоровьем не могла. А потом втроём сядем пить чай, и он покажется настолько вкусным, что захочется ещё. Но она больше не войдет в зал, теперь это место, музей бабы Клавды, всё как при её жизни.

Вернувшись назад, Олеся решила убраться и у меня. На предложение бросить это гиблое дело или позволить помочь, получил твёрдый отказ. Комедия да и только, получил отказ на уборку в собственном доме. Ну да ладно. Олеся заверила меня, что находится ещё в рабочем режиме и это лишь маленький жест благодарности за мою помощь. Вчерашняя экскурсия не прошла даром, девушка знала где взять инвентарь и куда потом вернуть. На кухню готовить обед меня тоже не пустили. На вопрос какая разница кто приготовит. Олеся от-

ветила, что любит стирать и потому делает всё сама. Это частично объясняло тот факт, почему с её возможностями она пошла не в институт, а на повара-технолога. Любовь к ремеслу, как говорится – призвание. Похвально. Мне Олеся уготовила другую роль, она состояла в том, чтобы путаться у неё под ногами и чем-нибудь развлекать. Под чем-нибудь, имелись в виду разговоры. В бытовой суматохе и прошёл почти весь день.

Вечером я сидел на диване с бокальчиком кофе и думал о завтрашней смене. Не о том, как буду работать, какие вызовы обслуживать и к чему готовиться. А о том, как спрошу коллег про смерть старушки с Нефтяной и о том, как после этого быстренько отстреляюсь и уйду в отпуск. Жалко только, что Олеся скоро уедет. Ровно на имени Олеся, раздался крик. Я подскочил как ошпаренный и рванул в коридор. Ручка ванной комнаты, судорожно дёргалась. Что же могло случиться? К счастью дверь разблокировалась с обеих сторон. И сняв блокировку она быстро открылась, словно под напором сильного ветра. Оттуда из темноты на меня выскочила Олеся, замотанная в два полотенца, одно на голове, а другое прикрывало наготу. Я поймал девчонку и нас по инерции отбросило к стене. Её руки на моём торсе, мои, сцеплены за спиной плотно прижимают Олесю к себе. Близость пересекла границу личного пространства, вторгаясь на территорию друг друга. Глаза к глазам, губы к губам, едва не соприкасаются в миллиметрах от поцелуя. Её дыхание спешно усили-

вается, когда ладонь со спины медленно, натужно пересекает рельеф её тела, останавливаясь у бедра. Рывок, я прижал плотнее. Отрицательной реакции со стороны Олеси нет. Жар тела чувствуется сквозь одежду и полотенце. Сердца бьются в унисон. Я чувствую, как пальцы прикасаются к моей щеке, а другие спускаются по животу. Ещё немного, и я сгорю в ней. Остаётся только разжать правую руку, полотенце упадёт и... Чёрт, дьявол, будь я трижды проклят за свою правильность.

– Полотенце сейчас упадёт. – Произнёс я шёпотом, убирая руку с бедра и фиксируя полотенце.

– Д-да, – Олеся перехватила его у себя за спиной и отошла от меня. – Я это, а свет потух, ногой ударилась, а потом дверь, и ты... В общем извини. – Путаясь говорила девушка, потупив взгляд в пол.

– Это ты меня извини за, а в общем не важно, – махнул я рукой. – Свет говоришь потух. Лампочка наверно перегорела, ничего, у меня запасная есть.

В итоге лампочку ввернули, Олеся докупалась, нога цела, даже гематомы не осталось на месте ушиба, а я улёгся пораньше. Девчонке спать не хотелось. Я и не настаивал, пусть смотрит кино, мне она не мешает. Единственное что оставалось, это пожелание на ночь:

– Спокойной ночи, – и через пару секунд добавил. – Ангел.

– Сладких снов, – произнесла Олеся и добавила. – Всё-

таки ты необыкновенный.

ГЛАВА 5. ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я Собрал необходимое для смены. На столе оставил записку с моим номером телефона, данными по социальной сети и покинул квартиру. Идти жутко не хотелось, но это последний рывок перед отпуском, и он самый затяжной. В темноте раннего утра уже кипела жизнь. Часто проезжающие машины, отблесками фар освещали дорогу и пешеходов, торопящихся на работу. У остановки тормознул автобус, залетев одним колесом в лужу и обрызгав лающего пса. Этот мохнатый друг, был завсегдаем остановки и стабильно по утрам гавкал на общественный транспорт. Я не знаю какая на самом деле была у пёсика кличка, но все в шутку называли его «Кондуктор». Не успел я занять посадочное место, как завибрировал телефон. «Олеся Морозова хочет добавить вас в друзья», гласило уведомление из приложения «Вконтакте» и следом сообщение:

Олеся – «Чего не разбудил?»

Кирилл – «Ты так спала крепко не хотел тревожить. Чего так рано проснулась?»

Олеся – «Выспалась. Кофе уже грею.»

Кирилл – «Во сколько ты спать пошла?»

Олеся – «В четыре где-то»

На этом моменте, виртуальное общение прекратилось, интернет перестал работать. Хорошего понемножку. Остав-

шуюся часть пути, прислонившись к стеклу, я то дремал, то глядел в окно, то поглядывал на часы. Соскочив на конечной, оставалось добраться до станции через красоты военного городка или того, что от него осталось. На въезде сломанный контрольно-пропускной пункт или по-простецки КПП. Справа встречала заброшка, по тротуару непролазная грязь. На въездной дороге разбитый асфальт, прикрытый лужами. Далее точка сбыта в виде ларька, одно время там торговали сладостями, а сейчас надпись гласила «Аренда» и ниже номер мобильного. Вот только если позвонить, трубку никто не возьмёт. После стояло здание, на первом этаже которого, всех расталкивая, гнезвился магазин «Гроздь». Мне как раз за него. И тут финишная прямая, пролегающая через территорию бывшего ШМАСа. Забытые учебные центры, оставленный штаб воинской части, опустевшая столовая, покосившиеся казармы. Немногое из того что осталось, говорило о днях боевой службы в Школе младших авиационных специалистов. Но цель достигнута. Станция скорой медицинской помощи стояла передо мной. Здесь я получаю свой хлеб в обмен на труд, загубленные нервы и щепоточку душевного равновесия.

– Всем привет, – заглянув в диспетчерскую, произнёс я. – А чего ты одна, где остальные?

Обычно, по мимо самого диспетчера, в диспетчерской зависали фельдшера, ждали своей очереди, рассказывали о прошедших вызовах или сплетничали. О чём? Обо всём что

видели.

– Доброе Кирилл. – ответила Ирина Васильевна, коротко стриженная блондинка, женщина, лет пятидесяти.

Для человека, оттоптавшего по земле полвека, выглядела она молодо, лет на сорок, опрятно и приятно.

– В рейсе почти все, сегодня аврал. Народ болеет, как с цепи сорвались. Так что готовься, вызовов много.

Печально такое слышать, присесть сегодня не удастся. И ладно, я сюда пришёл не штаны просиживать, а работать. Тем более в заботах, сутки пролетят быстрее.

– Как оно? – Это стандартный, обобщающий вопрос, означающий как дела или как жизнь, или как здоровье, что нового, включающий всё и сразу.

– Ну как? Дом, дети, муж, работа и в обратном порядке. Ну ты понял.

– Не плохо. – Кивнул я головой.

– Не жалуясь, – подвела итог Ирина Васильевна. – Мне тебя сейчас поздравить или в конце смены?

– С чем поздравить? – Не въехав, решил уточнить.

– Счастливым человек, забывший о своём счастье, – указала на меня диспетчер. – Разве не у тебя отпуск начинается?

– Точно, – радостно усмехнулся я. – А я сначала не понял, о чём речь.

– Поздравляю тебя с выходом в отпуск, ты его заслужил.

– Спасибо. Ладно, побегу я переодеваться.

– Хорошей смены Кирилл. – Добавила диспетчер.

Хорошая она женщина, не раз помогала, особенно когда только устроился. Всегда позитивная, сдержанная и с высоким самообладанием, коим здесь блистали лишь некоторые.

Следующая остановка на моём пути «Каптёрка» так мы с мужиками называли корпус, где отдыхали фельдшера мужчины. Почему так? «А чёрт его знает» ответил мне однажды Иваныч, когда я спросил его, хотя он проработал на скорой дольше всех. И раз он не знает, значит никто теперь не узнает. А потому все приняли это как должное и называли помещение каптёркой. Женщины спали комнатой дальше и никак не называли свою усыпальню.

Я открыл дверь, тут как всегда на полную работал старенький Тошиба: рябел, шипел, чихал, но работал. Транслировал бессменный НТВ и всю мишуру присущую каналу. «Опера», «Оперативный отдел», «Операция опер», «Опер в опере» как бы двусмысленно это не звучало и так далее. Стандартный набор сериалов, со всем вытекающим из названия. Что характерно, приковывали они внимание знатно, стоило лишь мельком посмотреть. Я прошёл в помещение к своей койке и не удивился, что никто из сидящих людей, а именно Иваныч, Серёга (вместе устраивались, хороший парень) и Якшин -водитель, не обратили на меня внимание. Ведь в это время на экране, начальник убойного отдела выбивал, не побоюсь этого слова, дерьмо из очередного ханыги.

– Алексеич, здороваться не учили? – Произнёс Иваныч.

Крутой специалист, без преувеличения, с закрытыми гла-

зами поставит внутривенный катетер при спадающихся венах. Рискнёт последним, но вернёт человека с того света.

– Вы так увлечённо смотрите, чего идиллию прерывать. А то потом, меня как того алкана из телека, укатаете за то, что посмотреть не дал.

– Верно сказал. Не даром у меня стажировку проходил. Всему научился – Всё так же, не отрываясь от экрана, подметил шуткой Иваныч.

– Мужики, тише. Дайте досмотреть чуть-чуть осталось. – Просипев, перебил нас Якшин, видимо приболел.

– Ладно потом потрепемся. – Замолчал Иваныч и тоже принялся досматривать серию.

Я жестом показал, что закрыл рот на замок, а ключ выкинул. И начал переодеваться. Потрепаться нам в итоге не довелось. Жаль, но не страшно. Во всяком случае не критично, впереди ещё целая смена и я найду подходящий момент.

Сутки начались, работа закипела и на станцию скорой помощи, один за другим быстрее скорости света, посыпались вызовы от больных и страждущих. Они шли в количестве превышающие письма от фанатов сверхпопулярной музыкальной группы. То есть очень много. Калибр при этом удивлял разнообразием. От мелкого: высокая температура, повышенное артериальное давление, перелом руки, несуществующее заболевание, потому что кому-то одиноко и не с кем поговорить, сыпь аллергического характера. И десятый вызов товарищу, который за неделю неоднократно перебарщи-

вал алкогольными напитками в разных точках города и лежал то под деревом, то на тротуаре, на лавочке и под лавочкой, рядом с церковью на Советской, на парковке для инвалидов у «Ашана» и даже в подъезде по улице Нефтяная 42. И другие вызовы калибром побольше: инфаркт миокарда, геморрагический инсульт, ДТП с летальным исходом на выезде из города, отравление седативными, удушение через повешение (вот это особенно странно, если учитывать, что повесился церковнослужитель), термический ожог кипящей жидкостью и многое другое. И так как опыта у меня ещё мало, а выслуга лет и того меньше, мне достались вызовы калибром поменьше, а остальные легли на плечи более опытных профессионалов.

Стартовав в начале девятого, прибыл я на станцию только ближе к часу дня. Самое время пообедать, позвонить Олеся и спросить ребят про прошлую смену. Зайдя в «Обедню», очередное странное название помещения на станции, девчата грели обед в микроволновке и наводили кофеёк три в одном. Параллельно обсуждая ДТП, произошедшее тремя часами ранее, на трассе Балашов – Саратов. Грузённая фура снесла на полном ходу Ниву, вылетевшую на встречную с грузовиком полосу. Водитель фуры остался жив, отделавшись испугом и парой сломанных рёбер, чего нельзя сказать о пассажирах внедорожника. Машину сплющило похуже испытаний на краш-тест. Понять, где останки водителя, а где рядом сидевшего, среди исковерканного железного хлама, по приезду,

выяснить было невозможно. Смерть оказалась мгновенной и внезапной, но не для всех пассажиров Нивы. Десятилетний мальчик, прежде чем его мучения окончились, прожил ещё пятнадцать минут. Его конечности зажало обломками автомобиля. После изъятия изувеченного тела из транспорта, можно было наблюдать последствия. Пальцы левой руки вывернуты в разные стороны, мотались на сухожилиях или отсутствовали вовсе. Плечевая и лучевая кости сломаны и раздроблены, проступали из-под мышц и кожи. Правая нога осталась практически целой её сдавило меньше. Из коленного сустава левой, торчала надломленная кость, а ниже кусок железа, практически отсекал стопу, наполняя струйкой крови, детский ботиночек. Единственное, что успели медики, увидеть, как мальчик выbleвал на жёлтый вязаный свитерок, содержимое желудка и две симметрично вытекающие слезы, бегущие из остывающих глаз. После чего сделав вдох, скончался. Одним поворотом руля не стало целой семьи: отца, матери и десятилетнего ребёнка.

– Жуть. – Произнёс я, когда они переключились на другую тему и теперь обсуждали ноябрьский каталог Эйвон.

– Что? – Подняв на меня глаза, с вилок в руках, спросила Олеся.

Тоже Олеся, только не Морозова, а Минаева, и замужем за другим здешним сотрудником, Лёхой Минаевым. Олеся – теперь мне нравилось это имя. Оно стало для меня чем-то большим, олицетворением прекрасного, воплощением Ан-

гела на грешной земле.

– Что? – Снова переспросила Олеся, глядя на меня.

– Жуть говорю, с этой аварией.

– И не говори. Каково теперь родственникам. Не дай бог, такое кому-нибудь пережить.

В разговор включилась Марина. Они с Олесей были подруги не разлей вода. Учились вместе, работают вместе, при том, в одну смену и похоже на пенсию уйдут тоже не порознь, если конечно в последующие годы их обоюдной дружбы, между ними не встанет камень преткновения.

– Всю семью одним разом. Страшно конечно. Мальчишку особенно жалко, тем более, когда у самой такой растёт. С другой стороны, если бы ребёнок живой остался, в лучшем случае калека на всю жизнь, в худшем овощ. Кому бы он такой нужен был? Родственникам? Сомневаюсь. Мучение, а не жизнь. – Рассуждала Марина.

– Марин, ну ты так рассуждаешь интересно. Вот со мной такое произойди, мы с Лешкой в аварию попали, а Данька живой остался... – Не успев изложить суть мысли, Марина прервала Олеся.

– Сплюнь. Тфу, тфу, тфу. Что ты такое говоришь?

– Я гипотетически, – настояла Олеся. – Разве ты бы не взяла моего ребёнка, овощем или калекой?

– Типун тебе на язык.

– Нет, подожди, ты ответь, – напирала Олеся на подругу. – Взяла бы?

Марина смотрела на подругу, типа ты и так знаешь ответ, зачем спрашивать.

– Ну конечно взяла. Олесь, но я это я, а ты мне как сестра. Но это частный случай. Мы с тобой такие. В большинстве, ребёнок стал бы никому не нужной обузой. Да и что бы за жизнь его ждала. – Разгорячилась Марина.

– А я бы всё равно хотела, чтобы мой ребёнок остался жив. – Высказалась Минаева.

– Всё, закрыли тему, – начала есть Маринка, ставя точку в этом разговоре. – И что бы я от тебя больше не слышала, таких гипотетически.

Девушки принялись за обед. И только я подумал, что обо мне забыли, как к моей персоне снова вернулся интерес.

– Кирилл, а ты чего в дверях стоишь, как не родной? Есть будешь? – Поинтересовалась Минаева. – У нас тут макароны с мясом в подливке и рис с котлетами. Маринка вон разносолы домашние припёрла, сама крутила.

– Иди садись, – повернувшись сказала Марина и отодвинула свободный стул. – А то каждый день худеть собираемся, а вместо этого жрём как кобылы. Поможешь нам в наших начинаниях. Олеська ещё ничего, а я...

– Да в каком месте я ничего. – Перебила Минаева.

На самом деле, если субъективно или объективно, они обе ничего. Стройные дамы, не полные не худые, обычные. Но пунктик о полноте стоял у многих женщин по умолчанию и если он стоял, то уже не убирался. Говори не говори, обсуж-

дай не обсуждай, делай комплименты, подчёркивай стройность фигуры, а пунктик всё равно останется.

– Спасибо большое за предложение, но не сейчас. Что-то не хочется.

– Потом не будет. – Улыбнулась Ковалёва, и я заметил на переднем зубе небольшой скол.

К слову Ковалёва – это была девичья фамилия Марины. С мужем она не жила и растила ребёнка одна.

– Не страшно, я пока кофейком обойдусь. – И направился к электрическому чайнику.

– Глянь там вода осталась? – С набитым ртом проямлила Олеся.

Я открыл крышку заглянул и закрыл.

– Мне хватит.

– Чудно, – прожевав макароны, произнесла фельдшер Минаева. – А может, всё же поешь?

– Да не, не хочу. – И махнул рукой.

Я вскрыл пакетик «три в одном» и сыпанул в кружку. Залил водой и в момент, сухой порошок превратился в напиток. Сразу вспомнились слова:

«Кофе растворимый привезли на базу

Привезли на базу – растворился сразу».

В точку, знали люди что поют.

– Слушайте девчонки, в прошлую смену никто из вас не брал вызов на Нефтяную?

Девушки призадумались и отнеслись к вопросу со всей

ответственностью, даже побросали вилки. Впрочем Марина быстро взяла свою в руки и отрицательно покачала головой.

– Нет. Я точно нет, даже не была в тех краях. Меня в прошлую смену по сёлам мотало. – И продолжила обедать.

А вот Олеся задумалась, вспоминая прошедшие рабочие сутки.

– А тебе зачем? Случаем не Люба интересовалась? – С опаской отреагировала фельдшер.

– Начальство здесь не причём, – сразу снизил я, уровень угрозы. – Мне нужно кое-какой вопрос прозондировать.

– Я была на Нефтяной. – Одобрила Олеся.

Вот так, так. Удача, с первого раза в цель. Теперь главное, вторым выстрелом не промахнуться.

– Хорошо помнишь вызов? – Я задал наводящий вопрос.

– В целом. – Минаева отодвинула контейнер и придвинула стакан с кофе.

– Расскажешь?

– Расскажу, – сделала глоток и начала. – Время было ночью, я как раз в диспетчерской с Иринкой сидела, очередь свою ждала. Поступил вызов от женщины, по голосу слышно старческий, пенсионерка. Ну Иринка стандартно «Скорая помощь, слушаю вас». В трубку «Девочки пришлите бригаду, мне плохо». Мы переглянулись и дальше, Иринка не успела ничего спросить. Бабулька спокойно, в одном темпе заиклила фразу. «Сильно голова болит, голова болит, голова болит, голова болит». Иринка её пытается расспрашивать,

а женщина дальше себе продолжает. Иринка не растерялась и поняла, что дальше ничего не добьётся, а вызов уже поступил, надо обрабатывать по ходу дела разберёмся. Она говорит: «Адрес свой назовите?», и тишина. «Женщина адрес назовите?». В ответ Нефтяная, что-то там, последний подъезд, квартира такая то, не помню сейчас точно. И дальше попёрла: «Голова болит, голова болит». Наверно раза четыре ещё сказала эту фразу и повесила трубку. Домчались мы быстро минут десять, максимум пятнадцать. Я подошла к домофону он пропиликал, но дверь никто не открыл. Я давай в соседнюю квартиру названивать, такая же песня.

– Я на работе был. – Прибавив заметно в серьёзности, вставил я фразу.

– Ты это к чему? – Не поняла Олеся.

– В общем, ты ездила на вызов к моей соседке и когда второй раз позвонила в домофон, попала в мою квартиру. А я как раз на смене был. Потому я и спросил вас, никто не ездил в прошлую смену на Нефтяную. Мне просто знать нужно, что там произошло.

– Понятно. А чего сразу не сказал, что это твоя соседка?

Я пожал плечами.

– Ну ладно сути это не меняет, – продолжила Минаева ворошить прошлое. – Благо, мужичек какой-то вышел из подъезда и дверь мне заодно открыл. Я поднялась на этаж, постучала, у вас там темнотища такая в подъезде, звонок так и не нашла. Я ещё раз постучала, сильнее. Ну думаю, что

делать, попробую ручку дёрнуть, мало ли дверь открыта. У нас так многие старики делают, особенно одинокие, скорую вызовут, дверь откроют и ложатся ждут или как одна мадам с Рабочего, вообще дверь не запирает. Дёрнула ручку дверь оказалась не заперта. Я с порога «Скорую вызывали?», ну обозначила что вошла. А в квартире, как и в подъезде, темнота, хоть глаз коли. Только в зале тусклый свет горел. Я прошла в комнату, – на этом моменте Олеся закрыла глаза, подробней начиная вспоминать происходящее. – Старушка сидела на кресле, слегка завалившись в одну сторону, одна рука вдоль туловища, другая свисала. На краю стола стоял телефон, трубка лежала на полу, издавая едва слышный гудок. Она наверно пыталась повторно позвонить, но уже не смогла. Стало плохо, выронила трубку и завалилась на кресло, – и далее фельдшер начала перечислять точечные факты. – Голова запрокинута, глаза открыта, зрачки расширены, без реакции на свет. Рот полуоткрыт. Сознание и дыхание отсутствовало, пульс на магистральных артериях не прощупывался.

Олеся открыла глаза.

– Старушка умерла до нашего приезда, не дождавшись.

– Что было потом?

– Потом полиция, позвали соседей, всё зафиксировали, пообщались. И в общем то всё. Похоронку мы не ждали, рванули на станцию.

– Ничего не обычного не было, может странного?

– Странного? – Задумавшись, повторила Минаева. – Был странный эпизод, но я бы его списала скорее на мои личные ощущения. Но думаю тебе это не интересно.

– Расскажешь? – Снова попросил я.

Олеся кинула на меня взгляд, но спрашивать не стала, чем обосновано такое любопытство.

– Ещё с того момента как я попала в квартиру, возникло чувство дискомфорта. Что-то между тревогой и лёгким страхом. Что бы ты понимал, я всегда крайне спокойно к такому отношусь. Работа есть работа. А тут...

На протяжении того, как девушка пересказывала свои эмоции, я внимательно вслушивался и кивал. Только Марине этот трёп представлялся не интересным. Она, дожевав остатки риса, пила кофе с конфетами и даже не слушала. А её подруга продолжала:

– Короче, подхожу я к телу, пульс прощупать и тут резко такой вот звук, как что-то грохнулось на стол. – И в этот момент Олеся бьёт рукой по столу, что бы картинка выглядела наглядней, так, что подпрыгнули стаканы.

– О господи, Олесь, – подала голос Маринка. – У меня сердце в пятки ушло.

– Вот и у меня ушло. Я аж вскрикнула, и смотрю на стол. Тишина, трубка на полу гудит, приглушенный свет. Поворачиваюсь к покойной, а у неё голова наклонена вниз. И понимаешь, я то обычно стрессоустойчива, но тут здорово перетрусилась. Вот, впрочем, и всё. Знаешь теперь, когда переска-

зала тебе эту историю, пришла к выводу, что помню её не в целом, а достаточно хорошо.

– И правда, ты очень подробно пересказала, – подтвердил я. – Спасибо Олесь. Мне это очень важно.

– Да ладно, не за что. Мелочи какие.

Я встал из-за стола, взял стакан.

– Оставь стакан, всё равно сейчас посуду мыть пойдём и твою за одно помоем.

– Спасибо Марин. – Поблагодарил я коллегу и направился к выходу.

Я настолько проникся рассказом Олеси, будто сам побывал на вызове и видел происходящее её глазами, чувствовал тот же страх и тревогу. И всё же она умерла седьмого ноября. Тогда кто ко мне приходил на следующий день? Чей визит я принял? Кому открыл дверь? Это не плод моего воображения, не иллюзия, не галлюцинация, посылаемая моим воспалённым сознанием. Вещий сон – такое явление само по себе кошмар. Но то что стояло за этим, выходило за рамки просто кошмара, смертной тревоги, необъяснимой мистики, потусторонней силы, а воплощало в себе первородный страх, изначальную тьму. Эти мысли всплыли в моей голове внезапно, как аксиома, некий догмат, как раннее говорила Олесь, на уровне абсолютного знания, со сто процентной уверенностью, дарованной свыше, и вложенные готовым текстом внутрь меня. «Скоро наступит самый важный день в моей жизни». Эта фраза снова содрогнула мои воспоминания, вы-

летела на передний план и весела в голове как огромный баннер. Да. Так он сказал перед дверью, так он сказал во сне. Чаепитие с призраком, с нечто, с Ним.

– Чаепитие с призраком. – Выдал я шёпотом, прислонившись к стене и начал улыбаться.

От таких размышлений мне стало весело. Не просто весело, как от хорошей шутки, анекдота. Не истерически весело, как от нарастающей эйфории, а патологически весело, что бы это не значило. Я во всё горло разразился раскатами смеха, как гром майской порой, эхом оповестив на всю станцию о наплыве безудержного веселья. Меня слышали все, от заката до рассвета, от раскалённого ядра до жгучих небес.

– Чего угораешь? – Остановился подле меня Серёга. Он только что приехал с вызова.

Уже сидя на корточках и продолжая смеяться, я протянул ему руку. Серёга помог встать, до сих пор в недоумении от чего меня так раздрает.

– Чаепитие с призраком. – Произнёс я снова смеясь и удалился за медицинской укладкой.

Вновь наступила моя очередь ехать на вызов, а это значит ноги в руки, ЭКГ на плечо и вперед куда бы не завела кривая.

Безудержное веселье схлынуло и настроение сменило одежду сначала на привычную, а потом ударило в крайность из серости, задумчивости, копошения в самом себе, молчаливости и минимума эмоций. Обслужив вызов в одном из посёлков Балашовского района, мы двинули обратно.

Под «мы» я подразумеваю себя и водителя. Автомобиль кружило, баранка лётала из стороны в сторону, и нас швыряло по салону буханки. Там куда мы забрели по долгу службы, отсутствовала проезжая часть, а то что называлось дорогой представляло из себя укатанный за много лет, чернозём. И как итог, не представляло из себя ничего, в сезоны сильных дождей. Вот где надо тестировать полноприводные кроссоверы, а не на великолепно уложенном асфальте, как привыкли в рекламах.

За окном быстро смеркалось и это добавляло очередную монетку в копилку нервозности моего товарища. Фары автомобиля любезно освещали подобие дороги и хоть как-то пытались сгладить острые углы, но получалось не очень, и водитель всё больше и больше бухтел и причитал. Свет последних событий, так ярко отблёскивал, что тень от этих самых событий простёрла свою руку и нас с Олесей, хотя, судя по рассказам Ангела, она варилась в этом котле не первый день. Чёрт! Подумав об этом я понял, что напрочь забыл об Олеся. А ведь сам божился, буду постоянно на связи: на телефоне или Вконтакте. Результат – сделал всё в точности, да наоборот. Девчонка должно быть оборвав всю трубку, прошла все стадии горя, от шока до принятия. И восемь пропущенных, были тому прямое подтверждение. Звонивший номер отображался цифрами и оканчивался на двенадцать пятьдесят два. Кроме Олеси, с интервалом в тридцать минут и в таком количестве звонить больше не кому. Я добавил номер в

телефонную книжку и записал контакт словом – Ангел. После чего позвонил. Гудки пошли и в отличии от меня Олеся не заставила себя долго ждать.

– Кирилл, я тебе наверно раз двадцать звонила. У тебя всё в порядке? – Донеслось из динамика. В голосе слышалась взволнованность, обеспокоенность и радость.

И какой же у неё приятный голос.

– Ну скажем так не двадцать, а ... – Блин она же волновалась, что я несую. – Прости, тут кутерьма сегодня такая, вызовов полно, одно на другое, а ещё... – А ещё я не стал дальше продолжать.

В эфире повисло молчание, созданное тем что я не продолжил, а Олеся напротив, ждала продолжение.

– Я так понимаю, договаривать ты не собираешься, – снова заговорила девушка. – Кирилл что случилось?

– Ничего не случилось. – Шёл я на попятную.

– Ты врешь, – поймала меня Олеся. – Я по голосу слышу. Выкладывай, кто там на тебя серьёзности навел?

– Да никто на меня серьёзности не навел. Просто задолбался. Хочу в отпуск, домой. Врубить какую-нибудь хрень по ящику, набухаться и лечь к тебе под бочок спать.

Очередная пауза и из трубки раздался смех.

– Губа не дура, гляди что, под бочок он захотел, работай давай. Кто людей спасать будет? Под бочком завтра лежишь. – Подшучивала Олеся.

Как известно, в каждой шутке есть доля правды. Я это

знал, и Олеся это знала.

– Я учту. В хату утром запрусь и специально залягу к тебе под одеяло.

– Как заманчиво и интригующе. Буду с нетерпением ждать, – ластилась Олеся и продолжила. – Серьёзность тебе не к лицу Кирилл. Я надеюсь ты хоть немного улыбнулся во время нашего разговора?

Всю дорогу пока мы говорили, я смотрел не на улицу, а на своё отражение в стекле и черт возьми да, улыбнулся.

– Если честно, то да.

– Таким ты мне больше нравишься, – подвела черту девушка. – Завтра домой придёшь, расскажешь кто тебе кровь попортил?

– Расскажу, – и положительно кивнул. – Обязательно расскажу.

«Извините связь прервалась».

Зашибись. На экране телефона высветился значок, обозначающий отсутствие сети. Вот тебе и информационный век технологий, шаг влево шаг вправо, и цивилизация закончилась. Водила продолжил выписывать пируэты на буханке, не обращал на меня внимание. Он был человек, который не лез с расспросами, расскажешь сам – хорошо, не расскажешь и не надо, значит не его дело. Мужик сконцентрировался на дороге и каково было его удивление, когда машину дёрнуло, и мы остановились.

– Заглохла. – Подметил я неуместно.

– Ну ёшь твою клёш, – вместо машины завёлся водитель. –
Вовремя ты глухонула мать. – И слегка ударил ладонями по рулю.

Он попытался реанимировать автомобиль, но буханка не подала даже мнимую надежду на воскрешение. Вывод: терминальное состояние, стадия – клиническая смерть.

– Давай родная. Ну же. Ты же у меня умничка, никогда не подводила. – Опустив голову на руль, продолжал водила.

Со стороны это может показаться странно, глупо, нелепо, но. Всегда есть «Но». Но такие вот водительские уговоры, порой срабатывают удивительным образом. Ещё в спектр подобных торгов с автомобилем, входит поглаживание по рулю или по передней панели. И пока мой напарник пытался реанимировать пациента и сотворить водительское чудо, я тоже решил попытать удачу и повторно набрал Олесе. Но не УАЗ-452, не мобильная связь, работать не хотели. А это значит, казино выиграло ставку, а моя удача равна выпадению двойного зера на рулетке, поделённое на двое. Оставалось только вздохнуть, приложится головой к боковому стеклу и пялиться в лобовуху.

По обеим сторонам от дороги селились, а теперь расшатывались на ветру задубевшие берёзы. Ветер рвал и метал, и обязательно сорвал весь лиственный покров, если бы такой ещё имелся. Справа, сквозь живую ограду из обнажённых деревьев, проступало поле, и все опавшие листья стелились на нём. За ним пару отключенных, недеятвующих,

покосившихся столбов линии электро-передач. Ноябрьская панорама явно не удалась, она не навивала мысли о высоком, стихи об одухотворённом, песни о прекрасном. Не обличала в сердце тоску, которая дрожащей рукой на бумаге выливалась в прозу. Ничего такого. Обычная, естественная, натуральная как сама матушка природа, без примеси лишних красок, без добавления палитры тонов – типичная осень.

Я снова уставился в своё отражение и смотрел до тех пор, пока периферийным зрением что-то не уловил. Стоило продолжить самолюбование, но глаза рефлекторно повело в сторону.

– Что за дьявольщина? – Сорвалось с губ.

В поле, ровно посередине, среди вороха жухлой листвы, где потоки воздуха образуют стылый ветер, стояло нечто и являло собой жуткую загадку и что-то мне подсказывало, разгадку на которую лучше не знать. Через размазанные пятна грязи на лобовом стекле, я увидел дверь. И вполне возможно в любой другой день, в местечке под названием магазин «Мир дверей», увидь я такой же экспонат как сейчас, скорее всего хладнокровно прошёл бы мимо. Но здесь под открытым небом, в чистом поле, стояла дверь. Я потёр глаза руками, посчитав это явление игрой воображения. Но нет – дверь не пропала. Её неправильный вид и облицовка ввергали в шок, и наводили на вопросы: либо это чья-то неудачная шутка, либо мистика, либо я тронулся умом. Я схватил воздух ртом и задержал дыхание, когда ручка поверну-

лась и дверь начала открываться. Она не торопясь распахнулась, сгребая за собой листья и оставляя борозду на земле. По ту сторону находилось совсем другое пространство. Придвинувшись вплотную к стеклу и сконцентрировав зрение на максимум, мне удалось разглядеть край стены и шкафа, но я быстро отпрянул назад, когда в проёме появился силуэт, будто живая тень, расплывающаяся в воздухе. Тёмная фигура ступила на чернозём оглядываясь по сторонам, а затем обратила своё внимание на нас. «Не может быть», отчеканилось в голове. Со сто процентной уверенностью, я мог диагностировать факт. Фигура смотрела не на нас, она смотрела на меня. Силуэт вскинул руку и начал махать.

– Саныч глянь! – Обратился я к водителю, смотря на человека в поле. – Саныч! – Но обернувшись, в салоне никого не было. – Какого?

Не успел я закончить фразу, как свет в салоне буханки стал моргать, пока не отключился совсем. За ним мигнули фары и тоже потухли, отрезая меня окончательно от мира, вне машины. Дело в том, что вечерний сумрак сгустился, обволакивая автомобиль, и маленькими струйками проникал через отверстия узика, лёгким дымком наступающего тёмного моря. Салон заполнялся чёрным туманом, постепенно сужая спектр видимости и достиг апогея, когда я перестал видеть собственные ноги.

– Нет смысла уповать на бога, в которого ты веришь. – Раздался голос из задней части машины, где находилось обо-

рудование и места для пациентов.

Я сразу отреагировал и прильнул к заднему окошку. Это было чудо, ведь среди каскада сошедшего мрака, начал появляться тусклый свет, и с набирающей мощью, всё сильнее расплзался по сторонам. Раздался хлопок, сопровождаясь отчётливым звуком электрического тока, а если точнее, электрического поля, как внутри трансформаторной будки. Мне было уже не важно, что и как, ведь свет являл собой глоток свежего воздуха, спасением посланным свыше. Кто-то наверху, наверное, любит меня и мысленные молитвы, посланные в этот момент, достигли адресата. Не захочешь, поверишь. Свет становился всё ярче и характерный сопутствующий звук тоже усиливался, давя на уши, проникая глубоко, наводя шорох во внутреннем ухе. Отворачиваться нельзя. И я терпел до того момента, пока резкая вспышка, не отбросила меня от стекла, заставляя закрыться руками. Всё прекратилось, мёртвый туман исчез, свет из задней части узика больше не выжигал сетчатку и лишь небольшой звук электрического поля ещё оставался.

Я проморгался, потёр глаза тыльной стороной ладони и замер, даже не убрав руки от лица. На месте каталки стоял гроб, внутри которого находилось тело, головой направленное на задние двери авто, а ногами ко мне. Тело внутри вздрогнуло, затем дёрнулось ещё раз и как кукла манекен приподнялось. Голова словно на шарнирах, от инерции заболталась из стороны в сторону, но потом зафиксировалась

в одном положении. Внутри гроба лежала, нет, не баба Клава что было бы логично в быту последних событий, а даже трудно такое вообразить – Олесья. Нижняя челюсть девушки задвигалась, издавая мычащий звук. Она пыталась открыть зашитый рот. Лицо начало воротить не естественным образом, челюсть щёлкнула и искривилась в левую сторону приоткрыв уголок рта. На левое плечо Олеси опустились пальцы, затем на правое. Из-за спины показался человек. Он приобнял девушку и тут же обратился ко мне:

– Как мило, Ангел хочет что-то сказать, – в голосе хорошо прослеживались нотки восторженной радости. – Дадим же ей такую возможность.

«Неизвестный» просунул три пальца в рот девчонки и дернул вниз. Челюсть поддалась не сразу, но вторым рывком с хрустом открылась и оттуда посыпался ворох влажной земли. Она беззвучно мотала головой, оголяя рот с зубами и пыталась выдавить из себя хоть что-то помимо стога. Застраившая в глотке земля, затрудняла процесс. Хлопнув пару раз ртом, она всё же закричала во весь гогос, растягивая слово.

– Пооооооогииитееее!

– Оооууу. – С досадой на лице, отреагировал сидящий с ней человек и зацыкал.

Мужчина приподнялся, обнял голову девушки и поцеловал в макушку. Сальные, измазанные в грязи волосы, начали ошмётками падать на пол машины, часть осталась между его пальцами, а один клок прилип к губам. Он за мгновение пе-

реместился к стеклу, не отрывая от меня взгляда. Медленно его улыбка сошла на нет, и мужчина обрёл серьёзный, угрожающий вид.

– Ты же не хочешь заставлять её страдать Кирилл?

ГЛАВА 6. ОЛЬГА

Никогда ещё август не был таким дождливым. На протяжении месяца, с интервалом через день, тучи сгущали летние краски и выплёскивали содержимое на жителей городка. Всем порой хочется выговориться, выплакаться и природа выбрала свой способ, обильно поливая стеной дождя всю округу. Правда это не мешало августовскому солнцу на следующий день всё подчищать, а семьям с детьми, влюблённым парам, буйной молодежи и старикам, гулять на улице. И заболоченное тучами небо, сквозь густоту которого пробивались золотистые лучи светила, отблёскивающие в капельках дождя, смотрелись вечером особенно органично. Так и сподвигало двинутся в путь. Но только не бегущего, запыхавшегося паренька, скачущего через лужи и торопящегося домой. Он уляпал спортивки и старенькие кроссовки, стрелой проносился, оставляя квартал за кварталом позади, пока из-за маленьких домов, не появился край пятиэтажки, где он жил. В худых руках прижав к самой груди он нёс завёрнутый в пёструю обёртку подарок. Сегодня праздник его любимого человека, стоит поторопиться.

В замочной скважине щёлкнуло, он дома. Здесь всегда ца-

рила чистота и порядок, всё прибрано, на своих местах, не успевала осаживаться даже пыль. Полный дзен и Фэн-шуй, как говорят люди, когда всё в порядке. Но последние одиннадцать месяцев, картина написанная некогда светлыми, яркими красками, сменила палитру, холст истрепался, контуры стёрлись – безразличие стало заглавным названием художественного произведения. В коридоре в два ряда стояли помидоры, огурцы, компоты и разносолы, закрученные под крышку на зиму. Всюду разбросанные вещи: на креслах, диванах, висели на стульях, даже те что постираны и поглажены стопкой лежали на гладильной доске. На кухне в раковине, всё чаще оставалась кладёзь грязной посуды с тарелками, кастрюлями и сковородками. И ещё куча мелочей в таком ключе, собирающихся в огромный ком. До крайностей редко доходило и в конце концов всё прибиралось, но ненадолго.

Всем порядком в доме заправляла мать семейства, и она поддерживала чистоту на высоком уровне до недавнего времени. Никто не требовал и не принуждал её это делать, она сама любила стараться для дорогих ей людей. Так было заведено, и никто в семье, не муж не сын не лез на эту территорию. Но одиннадцать месяцев назад, глава семьи погиб. Сын остался без отца, а жена... А жена потеряла частичку себя. Так бывает, когда с восемнадцати лет любишь одного человека. И даже в моменты трудностей и глубокого кризиса в отношениях, он остаётся для тебя центром мира, а ты для него. Единственным выбором до конца дней, о котором ни

секунды совместной жизни не жалеешь. А как же сын в таком случае? Он всегда занимал отдельное место, самое лучшее в сердцах родителей, но... Но горе и тяжесть воспоминаний оказались крепче вина, которым женщина, последние полгода глушила свою память и всё чаще оказывалась на дне опустошённой бутылки. Вдова запустила не только квартиру, с не большим беспорядком можно прожить, но и себя. Перестала краситься, укладывать причёску, у женщины великолепный каре чёрного цвета, забыла о парикмахерской, бывало ходила в мятой одежде, а взгляд потускнел и даже в те редкие моменты когда улыбалась, оставался таковым. Кирилл видел это, знал, понимал, как мать тоскует. Он не раз слышал, как она плачет по ночам думая, что сын уже спит. А потому взял уход за домом на себя.

Кирилл прошёл по длинному коридору. «Она снова занавесила все шторы», подумал парень «Так душно». Дверь в зал закрыта, а значит она точно там, знал наверняка, однако остановился что бы прислушаться. Тишина.

– Мам, ты там?

Последовало шуршанье.

– Мам, я вхожу.

Парень дёрнул ручку и заглянул в зал.

– Заходи Кирилл, – спешно вытирая глаза, отозвалась женщина. – Я тут смотрела наши семейные фотографии и...

– Мам! – Прервал Кирилл. – Ты помнишь какой сегодня день?

Женщина немного задумалась, сгребая фотографии, раскиданные по всему столу в одну стопку.

– Сегодня вторник. – Наконец выдала она и отпила из бокала с вином.

– Верно, сегодня вторник, но не просто вторник, а вторник двадцать третье августа две тысячи шестнадцатого.

На лицо женщины резко вылезла досада и стыд за то, что она напрочь забыла какое сегодня число.

– Я совсем забыла.

– Вот это как раз не страшно, главное я не забыл. Мам с днём рождения.

Кирилл протянул обёрнутый в праздничную бумагу, подарок. Женщина встала, обняла сына и поцеловала в щеку.

– Спасибо чижик мой родной. Не нужно было заморачиваться из-за меня.

– Нужно, открывай.

Женщина аккуратно вскрыла упаковку. Там под плёнкой оказалась книга из той самой любимой серии романов за авторством Спаркса. Надпись на обложке, прямо над старичками сидящими у воды в обнимку на деревянной пристани, гласила: «История любви, о которой каждый мечтает! Николас Спаркс. Дневник памяти». Глаза матери засверкали от капелек слёз при виде чудесного подарка, он попал в самую сердцевину.

– Спасибо радость моя. – Ещё раз обняв сына тихо произнесла мама.

– Это ещё не всё.

– Не всё? – Удивилась женщина.

– Нет не всё. И раз ты не задала мне никаких больше вопросов, я полагаю в холодильник ты не заглядывала, а значит снова ничего не ела. Я предвидел такой поворот событий и днем сходил в магнит, купил салатов, торт и шампанское. Осталось только сделать пюрешку или просто картошки нажарить на сковороде.

Женщина немного повеселела, улыбнулась, но глаза до сих пор оставались на мокром месте. Она ладонью провела сына по щеке, а во второй руке прижав к самому сердцу держала книгу.

– Ты стал у меня таким взрослым. Прости меня, за ...

– Мам. Ну хватит тебе.

– И то верно. Пойдём готовить.

В контексте маленькой радости и непринуждённого общения мамы и сына проходил вечер. Они вместе варили картошку, убежавшую на плиту, сервировали стол на двоих, откупоривали шампанское, пробка вылетела и едва не разбила плафон люстры, ели и разговаривали. А затем снова вернулись в зал, кушать торт. На разложенном столе, лежали альбомы и фотографии, памятные маячки ушедшего времени.

– Смотри Кирилл.

Женщина взяла первую попавшуюся под руку фотографию. Она сделана ровно год назад в её предыдущий день рождения. Как странно, что именно это фото попало сей-

час, проводя черту, возводя невидимую стену между прошлым и настоящим. На нём стояли Кирилл, Ольга и их, как они его называли папа и единственный муж, втроём отмечали праздник в пиццерии.

– Это же фото с твоего прошлого дня рождения, – сказал Кирилл и перевернул фотографию, где карандашом Ольга написала «*Моя семья. Мне 46*». – Ты хорошо помнишь тот день?

Конечно она хорошо его помнила. Тот день начался с поздравлений в постель. Затем они классно посидели в пиццерии, наевшись блюдами местной готовки до отвала на десятилетие вперёд. Ходили вечером гулять в парк. А ночью, когда Кирилл пошёл в свою комнату, муж настежь раздвинул шторы, подал руку Ольге и закружил её в медленном танце, тихо напевая песню группы ДДТ – «Адам и Ева». Они блистали в свете луны, под взглядом россыпи звёзд, никаких софитов, никаких посторонних глаз, ладонь в ладони, щека к щеке, ощущая дыхание друг друга. А в конце, муж закончил куплетом песни Джо Кокера.

«Ты так прекрасна для меня,

Ты так прекрасна для меня,

Неужели не видишь?

Ты всё, на что я надеялся,

Ты всё, что мне нужно.

Разве ты не видишь, ты так прекрасна для меня».

Это были минуты, секунды, мгновения маленького сча-

стью одной единственной женщины. Ей не нужен целый мир, всё чем она дорожила, находилось под этой крышей. Так должно продолжаться ещё десятилетия думала она. Но всё что нам кажется истинным, непоколебимым, имеет под собой зыбкую почву.

– Да. Я хорошо помню тот день.

С губ сорвались разбавленные болью слова, а ком в горле под натиском воспоминаний давно перешёл в слёзы, идущие по щекам. Они стекали в торт делая десерт не таким сладким, больше похожим на жизнь.

– Он не был идеален, – резко начала Ольга, стараясь сдерживать эмоции. – Как и вся наша жизнь. Мы переживали взлёты и падения, ссорились и мирились, иногда сильно и по таким мелочам. В наши отношения вторгались и встречались, между нами образовывались, казалось непреодолимые пропасти, что однажды едва не совершила самую большую ошибку в своей жизни, я чуть не бросила любимого человека. Но жизнь, где есть только «он» или есть только «я», где нет «нас», единого целого, гораздо невыносимее, чем всё что вставало на нашем пути. Он постоянно твердил мне: «Оль, мы одна команда – ты и я». А когда родился ты, говорил: «Оль, мы одна команда – Кирилл, ты и я». Он всегда ставил нас на первое место, – женщина достала фотографию мужа из стопки, взглядываясь в неё, она продолжила. – Он не был идеален, наверно потому что никто не идеален, и это неважно. Важно то что однажды, он поклялся любить меня такой

какая я есть, до конца своих дней. И даже после того как наши объятия разбились, где-то там он все ещё любит меня, как и прежде. Я знаю, я чувствую это.

Кирилл слушал исповедь, внимательно внимая каждому слову мамы, она изливала душу, выплёскивала отчаяние, впервые за долгое время. Его глаза покраснели, щепали от накопившейся влаги, но парень сдерживал напор рвущихся наружу переживаний. Ольга зажмурилась, стиснув зубы произнесла:

– Я не помню его голос.

Руки задрожали, затряслись в истерическом мандраже. Женщина уронила фотографию под стол, закрыв лицо ладонями, взвыла на всю квартиру.

– Я не помню его голос! – Всхлипы резко сменились на тяжелый стон, обильные слёзы перемешивались с надрывистым кашлем.

Это был не крик, не стенанье по ушедшему. Её душа медленно умирала, истончалась, превращалась в тлен. Кирилл смотрел широко раскрытыми глазами, боясь вымолвить слово. Он не знал, что сделать, как помочь, но если честно, не мог помочь, было слишком поздно. В коридоре раздался дверной звонок, спустя несколько секунд гроыхнуло и в зал залетела крышка, в сопровождение едкого запаха помидоров. Взорвалась банка. Второго звонка не последовало, хотя Кирилл ждал, вместо этого он поймал себя на том что наступило затишье.

– Мам? Ты чего?

Женщина уставилась в дверной проём, резко сменив истерику на полное молчанье и небольшое изумление. Тишину разрывало только её тяжёлое дыхание.

– Мам, тебе плохо?

Ольга продолжала смотреть в пустоту дверного проёма, туда, где никого не было, туда, где никого не могло быть, туда, где она кого-то увидела. Кирилл старался не отрывать взгляда от матери, быстро, мельком глянул туда же. Сомнений нет, там пусто.

– Мам, ты меня пугаешь.

Теперь уверенный что ей плохо, он готов ловить мать, с секунды на секунду она рухнет на пол. В ушах забило, сердце вибрировало по телу. Паника не лучший союзник в таких делах. Ольга накренилась вперед, Кирилл дёрнулся, но женщина встала, уверенно, легко даже не думая падать. Повернула голову, посмотрела на сына, затем снова в дверной проём и опять на Кирилла. Несколько раз легонько кивнула и направилась из зала в коридор.

– Кирилл будь другом, убери фотографии со стола, я пойду прилягу, мне нужно поспать.

За окном заморосило уже который раз за август. Кирилл так и не лёг спать в тот день. Он сидел в зале, занимался тем что вставлял фотографии обратно в альбомы и распределил все, кроме той что залетела под стол. Её он так и не нашел.

Спустя пять дней, 28 августа, Ольги не стало, а через пару

месяцев пакуя чемоданы, Кирилл найдёт потерянную фотографию, всё там же под столом. На ней отец, сидя на кухне держит старенькую двенадцати струнную гитару, а на обороте надпись, сделанная маминой рукой. *«Мой Лёша. Если мне суждено ослепнуть я всегда буду помнить твой голос»*. И только после всего этого, по истечению нескольких лет Кирилл подумает. Ей было сорок семь лет, столько же было отцу, когда он погиб. Они не жили долго и счастливо и не умерли в глубокой старости в один день. Но ушли на одном году жизни, достойно пройдя свой путь в месте до конца.

ГЛАВА 7. ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Боль пульсировала вместе со стружкой горячей крови, стекающей вниз по холодной руке. Над головой виднелся не салон автомобиля, а темнеющий ноябрьский пейзаж в обряде предстоящей ночи. Мне не хотелось шевелиться, несмотря на дискомфорт в руке, лежать под открытым небом, чарующе приятно. Это странно, ведь я не помню, как сюда попал, почему оказался лежащим на сырой земле, под шквалом холодного ветра. И возможно этим всё и закончилось если бы не голос со стороны.

– Кирюх ты живой?

Голос басил и дрожал, и принадлежал Санычу.

– Кирюх. Кирюх?

Сомнений быть не может, точно Санычу. Он видимо стоял поодаль от меня и находился в тридцати секундах от того, на

сколько я могу судить по вибрации слов, чтобы удариться в панику. Становилось всё любопытней, что произошло. Пора откликнуться.

– Саныч помоги встать. – Пробормотал я и это получилось тише, чем пытался.

– Живой, слава богу, живой. – Засеменил водитель.

У Саныча, узнав, что я жив, сошла гора с плеч. За то на меня, при попытке встать, она явно опустилась. Тело стало неестественно тяжёлым и громоздким, не поворотливым и грузным, как мешок картошки. Я приподнялся, облокотился на левый локоть и боль резко впилась во всю руку. От этого меня начало заваливать назад, но Саныч подоспел вовремя, не дав мне снова оказаться на земле.

– Держу, давай аккуратно.

– Спасибо Саныч. – Прошептал я и снова получилось как-то тише, чем хотел.

– Я подумал ты уже всё.

– Что всё?

– Ну. Того. Убился. – Взволнованно говорил напарник с большими паузами между словами.

– Что произошло, я не помню, как тут оказался? – Задал я вполне закономерный вопрос.

И в ответ получил вполне закономерный вопрос на вопрос:

– Ты совсем ничего не помнишь?

Я покачал отрицательно головой и обнаружил, болит не

только левая рука, но и щека с той же стороны, жжёт и щиплет.

– Помню, как мы отъехали от дома пациента, потом я позвонил по телефону девчонке, и машина заглохла. Ты ещё возражать стал и сказал что-то типа: вовремя ты заглохла мать или глохонула, ну как-то так.

Что последовало далее, я тоже помнил, яркий свет, гроб, «Незнакомец», но рассказывать об этом водителю не стал из-за неуверенности происходящего, а потому сделал вид, что запомнил только до момента, как мы остановились.

– А дальше пробел. Ничего. Вот помню, как заглохли и следом всё. Тут.

Саньч смотрел на меня с таким видом будто знал, что я вру.

– Ладно, давай я помогу тебе подняться, нужно ехать, пусть ребята на станции тебя осмотрят.

Поднявшись, в левую ногу прострелило. Теперь заныла и она. Все конечности шевелились, а значит не сломаны, но как итог. Штаны порваны, левый рукав спецовки в лоскуты, тряпкой мотался на руке. От кисти, тонкий, проходящий по всему локтю порез. На левой щеке ссадина содрана до крови. И это не говоря о том, что весь с головы до пят перемазан в грязи. Я посмотрел вперёд, машина скорой стояла на дороге в нескольких метрах дальше от нас.

– Саньч подожди. Ты так и не сказал, что произошло после того как мы заглохли.

Водитель снова посмотрел на меня, но теперь более обеспокоенно.

– Кирилл, мы не глохли.

– В смысле? – Легонько ухмыльнулся я и скривился от боли.

– Мы не глохли, – повторил водила. – Ты вырубился сразу, как только мы отъехали от дома больного.

– Да не, не может быть, – продолжил я отрицать. – Я же помню, как Олесе звонил.

Напарник не отрывал от меня взгляд и становилось ясно, он не врал. Ему просто это не зачем, тем более Саныч не из того типа людей отпускающих шутейки не в то время не в том месте. А сейчас как раз было оно.

– Кирилл, ты на полном ходу выпал из машины, благо скорость была маленькая. Я подумал ты убился.

Не слабое заявление хочу заметить, оно не то что не укладывалось в голове, а попросту в неё не помещалось. Как и не влазила мысль о том, что я мог быть сейчас мёртв. Стоять на той стороне реки Стикс или быть принятым в Вальгаллу, за хоть и не героическую, но всё же эффектную кончину. А потом в маленькой сноске Балашовской газеты, снизу на последней странице, получить свою трехстрочную славу среди пяти других некрологов за скоропостижную гибель фельдшера станции скорой помощи. И только после этого, окончательно кануть в Лету.

– Нам нужно ехать. – Сказал Саныч, и взяв меня под руку,

помог доковылять до машины.

Всю оставшуюся дорогу до станции мы молчали. Я не хотел вдаваться в подробности того, как выпал из машины. Думаю водителю этот разговор тоже не представлялся приятным. Меня больше заботило другое. Я совершенно не помню, как уснул, и дело даже не в том, как уснул это никогда не запоминается, а как готовился ко сну. Мысли о том, что нужно прикрыть глаза или пока едем подремать, а если в домашних условиях, так это целая процедура подготовки. И ладно бы если я пришёл сегодня на работу не спавшим, абсолютно уставший, тогда всё более-менее ясно. Но нет. Ничего подобного. Но самое ужасное во всём этом, натуральность происходящего. Ведь даже после пробуждения от яркого правдоподобного сна, на яву всё равно четко прослеживается граница. Можно с легкостью отличить реальность и ощущения от ночного вымысла. Здесь же, в данном случае всё идентично. И теперь под рёв мотора, мелькая мимо домов в глубине поздней осени, где гарантия того что я выбрался из-под завесы грёз, где подтверждение того, что в этом мире я всё же проснулся.

Несмотря на сомнения, боль оказалась очень уж натуральной, когда товарищи и коллеги сначала послушав красочный рассказ Саныча о моих злоключениях, принялись приводить меня в надлежащий вид. Серьёзные повреждения отсутствовали, а те что имелись в основном косметические, обрабатывали со всем профессионализмом, присущим людям данной

специализации. На сегодня, а также на ближайший месяц меня отпустили домой. И ребята провожали мою персону со станции с пожеланиями: хорошо отдохнуть и никогда на неё не возвращаться, а отправиться на поиски лучшей жизни. Юмористы блин! И всё это к лучшему. Ведь теперь, со всей этой заварушкой с машиной, я попаду в негласный реестр захватывающих историй станции СМП. И рассказывать данное происшествие будут всем и каждому в любой удобный момент и подходящий случай, при этом оборачивая во всё более и более невероятные факты.

Домой я отправился на такси. Так настояли коллеги и вызвали машину тоже они. Я бы не смог даже если захотел, как оказалось в отличии от меня, мой мобильник приказал долго жить, превратившись из смартфона в смартхлам. Для Олеси моё неожиданное прибытие, надеюсь будет сюрпризом. На связь с ней я так и не вышел за весь день. Компенсирую это приездом. Такси долетело шустро, водитель выискался настоящий Михаэль Шумахер и Айртон Сенна в одном лице, только по Балашовским меркам и на двенашке, вместо болида. Я расплатился, любезно пожелав удачи и вылез из машины. Таксист дал круг по двору, развернулся и удалился с улицы.

Ночь мягко легла на городские улочки, и сгустившийся сумрак перетёк в темень. Я стоял и смотрел на единственный источник света в нашем захудалом дворе, исходивший от одиноко расположившегося край дороги фонарного стол-

ба. Он преодолевая собственные силы, бился в попытках пересилить ночной покров. И сколько я себя помню, ему это неплохо удавалось. Фонарь довершив мою мысль и превратив ситуацию в иронию, потух. И это не показалось мне забавным. Напротив, я подошёл к столбу, остановился всматриваясь в окна зала моей квартиры на пятом этаже. Что-то не так. Эти слова крепко засели в моей голове. В окне показался тёмный силуэт, точно не принадлежавший Олесе. После пары секунд бездействия он ударил обеими руками в стекло. Фонарь на до мной моргнул, я перевёл кроткий взгляд на лампу, всего мгновение, но этого хватило, что бы на том месте, где располагалась чёрная фигура, теперь стояла пустота. Нужно бежать.

Мозг не успевал перерабатывать информацию, ноги несли меня на автомате через лестничные пролёты. Я перескакивал сразу через три ступеньки на поворотах влетая в стены подъезда. Адреналин подкатил сметая страх, сомнения и боль от полученных ранее травм, оставляли лишь щепотку дрожи и мурашки на коже. Врезавшись в дверь квартиры я понадеялся, что каким-то чудом она открыта. Зря. Попытки навалитса на ручку со всей дури увенчались ожидаемым провалом. Ключи вовремя попались мне под руку, среди бумажек и мелочи в кармане. Сквозь бешенный, пульсирующий темп, перебирая связку в поисках подходящего, я услышал в квартире бабы Клавы приближающийся топот. С той стороны что-то грохнуло по входной двери. Я отскочил

к перилам, ключи лязгнули в темноте об пол. А дверь с ещё большей силой задрожала под напором новых ударов и гулких стуков. Будто кто-то четко пытался выбраться за пределы мёртвой квартиры. Канонада стихла и в туже секунду возобновилась со стороны теперь уже моей квартиры. Неизвестный объект стремительно приближался к коридору. Стальная дверь со свистом отварилась размашистым ударом приложившись к перилам. На встречу, объятая светом, выскочила Олеся. Она смотрела назад, но врезавшись в меня повернула голову. Из её глаз, в разные стороны разлетелись капли слез, зрачки расширились, наполняясь новым ужасом увиденного. В немом безмолвии, губы девушки беззвучно сложились в слово «Нет». Она дала обратную, отстраняясь назад в дом. Оступившись через порог, теряя равновесии Олеся упала на пол, не отводя от меня взора зверя, загнанного в угол, стала пятиться назад. Её ноги заплетались и скользили по линолеуму. Голос прорезал истерическое «Нет». Понимая, что бежать некуда она закрыла лицо руками и оставаясь на полу продолжила верещать. Я забежал в коридор, но приблизившись, Олеся начала брыкаться отталкивая меня ногами и руками. Зарядив мне сначала ладонью в челюсть, она ногтями полосонула по тому месту на щеке, где находилась ссадина. Кровь новым потоком хлынула из раны. Тогда я пробиваясь сквозь шквал тумачков двумя руками схватил её за голову и приблизил к своей выводя глаза на контакт. И что было сил, со всей мощи своей луженой глотки, рявкнул

Олеси в лицо:

– Очнись, это я!!!

Эхо раскатом прокатилось уходя к первому этажу. Результат превзошёл ожидания. Наступила тишина, в воздухе витало напряжение. Олеся смотрела на меня в упор, начиная по тихонько узнавать. Агония отступила.

– Кирилл, – последовала пауза – Это ты? – Взахлёб произнесла девчонка. – Это правда ты?

Обхватив крепко и уткнувшись в мою шею, она с новой силой разревелась, даже не пытаясь сдерживаться. Вот только теперь, Олеся плакала не от неминуемой безысходности, а от наступившего спасения.

ГЛАВА 8. ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Одиннадцатое ноября для Олеси началось с внезапного пробуждения от хлопка двери и звука быстро удаляющихся вниз по подъезду шагов. Девушка сразу смекнула который час, вскочила, скинула оббившееся вокруг ноги одеяло и на носочках подошла к окошку. Через пару секунд заголосил домофон внизу и на дороге показался Кирилл. Он в ритме вальса пересёк единственный во дворе освещённый участок под фонарём и быстро удалился в сторону остановки. Олеся надеялась, проходя, Кирилл посмотрит вверх в окна своей квартиры и тогда, она помашет ему рукой, а он в ответ сделает тоже самое, но этого не случилось.

– Вот я и одна. – В полтона проговорила девушка вглубь

пустого зала.

И хотя легла она ближе к четырём утра и поспала только около трёх часов, ложиться назад уже не собиралась. Без Кирилла спастись совсем не хотелось. А раз так, значит время бодрствовать и начинать это делать лучше с кружечки кофе. Олеся собрала диван, сложила простынь, оставила одну подушку и одеяло. Ну так на всякий случай, если захочется после ванной поваляться. А ей захочется. Всё правильно, расписание уже составлено. Кухня и кофе, ванная с отмоканием и далее продолжительное валяние, не дрём, не сон, а именно валяние, часть сегодняшней развлекательной программы. Можно ещё попытаться поиграть в приставки, такой ход мысли тоже присутствовал, но она не умеет ими пользоваться и даже включать и ещё чего доброго сломает. И как результат получит по шее от Кирилла.

– Нет, не вариант. – Смотря на аппаратуру, подытожила девушка и двинулась к первой фазе своего плана.

На кухонном столе лежал листок, на котором Кирилл любезно оставил свои контакты. И подчерк у парня, мягко говоря специфический. Написано всё более-менее внятно, но буквы и цифры не имели четкий наклон в какую-либо сторону, а плясали по бумаге в разные. Олеся улыбнулась, записала данные в телефон и тут же найдя парня в социальной сети «Вконтакте», кинула заявку в друзья и написала. Кирилл не заставил себя долго ждать, шустро ответил, но разговор вышел короткий. Пользователь на той стороне монитора, вы-

шел из сети.

Чайник нагрет, кофе налит и почему бы тогда не совместить приятное с полезным и распить напиток в ванной. Шиковать так на полную. Олеся зашла в ванную комнату и заблокировала по привычке дверь. Бокал поставила на стиральную машинку и скинула майку, оставшись в чёрном, кружевном нижнем белье. Не известно каким местом, но ещё в Романовке девушка почувствовала, в Балашове она задержится больше, чем на один день и взяла с собой сменку, чтобы переодеться. Сейчас она на ней. То бельё в котором она приехала, похожий комплект только синий, висел на батарее и сушился.

Как интересно, она в чужом городе, далеко от дома, где её оставили строгие мама с папой, с человеком..., с человеком.... Эти думы Олеся завершит тремя или четырьмя минутами позже, а пока... Ведь если подумать, когда она встречалась с Артёмом не где-то там за сорок километров от родных краёв, а у себя в Романовке, в месте, где каждый знает другу друга. Ей постоянно прилетало от родителей, они выдавали нравоучения и жёсткого строгача. А теперь оставили свою единственную дочь с человеком.... Олеся смотрела в своё полуобнажённое отражение в зеркале, когда её захлестнуло наваждение. Чувство, бродящее в ней как вино уже несколько дней, в надежде что бутылку вот-вот откупорят. Ощущение, словно забытое слово, что вертится на языке в ожидании, когда его вспомнят. Девушку пронзило откры-

вание, внезапно вылетевшее из бющейся груди. Они оставили свою родную дочь с человеком, с которым она провела несколько дней, но знает всю жизнь. С человеком, чьё присутствие её не стесняет, а напротив делает собой. С человеком, в чьи руки при первой просьбе, она вверит собственную душу, с человеком которого она....

– Нет, нет, нет, нет, нет подруга, – заговорила вслух Олеся с собственным отражением. – Спокойно. Так ведь не бывает?

Действительно, её выводы верны, так не бывает. Конечно, с самой первой встречи, Олеся прониклась симпатией к Кириллу, но что бы так быстро, в такой короткий срок, возникли настолько явные чувства. Внезапно, как снег на голову, как обухом по темени. Так ведь не бывает – но так было.

Олеся скинула последнюю одежду, открыла кран, добавила немного шампуня для эффекта пены, взяла кофе и села в ванную. Она трезво осознала и обживалась с новыми чувствами, пока изнутри не хлынул поток других открытий. Всё эти ощущения были не в новинку, она испытывала их раньше, но по неведомой ей самой причине, забыла, утратила память о них. Как? Как она могла забыть нечто важное о человеке, теперь Олеся готова признаться, которого так сильно любит. Радость и облегчение ликовали с одной стороны, горе и горечь терзали с другой. Почему терзали? Потому что вспомнив, она хватает и прижимает к себе эти чувства и клянётся больше и впредь никогда о них не забывать, но тут же её одолевает страх того, что подобную клятву,

Олеся уже давала и как итог – забыла. Почему забыла? Почему вспомнила сейчас? Хорошие вопросы, но не главные. В тот день одиннадцатого ноября, сидя в ванной с бокалом кофе Олеся не спросила себя нечто более важное. Когда всё это уже происходило?

О многом девчонка успела подумать и не многое сделать, а если точнее, то поесть и притворить третью фазу плана в действие. Олеся занималась так называемым валянием и просмотром передач про дома за границей на канале о путешествиях. Улавливала она не много из того что видела в эфире, ведь всё чаще её мысли уходили глубоко в себя и обращались к Кириллу. За всё время, а оно перевалило давно за полдень и близилось к вечеру, он ни разу не вышел на контакт. Позвонить сама девушка хотела, но не собиралась, боялась отвлечь от работы и единственное правильное решение в данной ситуации – ждать.

В дверь позвонили. Олеся встала с дивана и тихонько, бесшумно прошла в коридор, прислушиваясь к неизвестному посетителю, по ту сторону квартиры. Возникало в голове разное. Может Кирилл вернулся с работы, вряд ли, зачем ему звонить у него есть ключи. Может соседи, это более вероятно, а может какие инстанции или службы. В любом случае Олеся не станет предпринимать ни каких действий если... В этот момент дверной звонок загудел с новой силой. Если не позвонят повторно. И первый раз девушка не обратила внимание на характер звонка. Но теперь вслушиваясь,

он звучал протяжно и заканчивался короткими гудочками. Олеся уверена, будь хозяин дома на месте он сразу бы определил кто пришёл. Скорее всего так звонил один из знакомых Кирилла.

Олеся распахнула дверь и перед ней, словно в замедленной съёмке, предстала картина между прошлым и настоящим. По ту сторону стояла маленькая, беззащитная, напуганная девочка, среди двух таких же пуганных малышей. Они втроём смотрели в открытый проём сквозь Олеся, объятые страхом перед неизвестностью. Девочки её не видели, зато Олеся отчетливо разглядела в ребёнке посередине, маленькую себя. Ту себя, одним летним деньком игравшую с подружками и несколькими часами позже ошарашенную до дрожи, открывшейся и закрывшейся пред их лицами дверью, за которой никого не было.

Олеся захлопнула дверь и закричала. Она не могла успокоиться, осознать такое непреодолимо трудно.

– Так это была я, – девушка упала на колени, слёзы градом лились падая на пол. – Это была я сама!

Такой шок Олеся пыталась пережить в слух, переварить бесспорный факт. Она лично положила начало череде кошмаров, которые в дальнейшем продолжит человек из угла комнаты. Ведь именно после этого инцидента, лёгкий холодок на руке и небольшая тревога в области живота, тянущаяся почти с рождения, перерастёт в неприкрытое присутствие кого-то или чего-то, следовавшее за ней по пятам и следя-

щее каждую ночь из тёмных углов. И не мама не папа и даже бабушка, никто на всём белом свете не поверит рассказам плачущей по ночам девочке, о присутствие рядом с ней первобытного страха. И лишь через несколько лет это притупится, опустившись до ночных кошмаров. Но прямо сейчас, вспоминая всё это, холодок как знак его присутствия, снова пробежал по Олесеной руке. Она набираясь мужества встаёт с пола. Обернувшись, девушка вспомнит имя, данное существу из угла комнаты ещё в детстве. На другой стороне коридора на развилке между кухней и комнатой стоял он, не имеющий лица и очертаний, абсолютная тень с объемным контуром, фигурой отдалённо напоминающей человека. Там стоял Безликий.

Сжав кулаки, Олеся закричала:

– Что тебе от меня нужно? – Её лицо косило от страха и гнева. – Отвечай, что тебе от меня нужно?

Безликий ответил:

– Не выходи из квартиры.

Его голос не похожий на человеческий, звучал мерзко, словно сама преисподняя изрыгает слова через него. Он говорил с трудом, выдавливая из себя каждое слово. Безликий выдвинул руки немного вперёд и очень медленно направился к Олеся. Чем короче становилось расстояние между ними, тем холоднее становилось девушке.

– Нет, – промелькнуло слово. – Нет, не подходи.

Олеся не могла кричать, голосовые связки перетянуло, и

она выстонала последнее «Нет», прежде чем удариться в бег. Девушка развернулась и кинулась к двери, Безликий погнался следом. Олеся немного приоткрыла дверь и выскочила через маленькую щель в подъезд или как она думала, в подъезд.

Солнечный, яркий свет опустился на кожу, обдавая приятным, нежным теплом, так могло греть только июльское солнце. Олеся секунду назад находилась в квартире, но где она теперь? Девчонка окинула окружающее пространство любопытным взором. Толпы народу толклись перед ней, воздух наполнился гулом голосов, не слышимых ранее. Она обернулась назад и массивная, стальная дверь с квартиры Кирилла сменилась на совершенно другую. Олеся её помнила, такая раньше стояла у них в Романовке.

– Да что же это такое?

Безысходность подкатывала к горлу, жуть бытия затягивалась петлёй на шее. Эта ситуация – порождение тьмы в обёртке тягостных воспоминаний.

– Везут. – Закричали у ворот.

Рой людей зашевелился, мимо Олеси прошмыгнул отец с двумя табуретками в руках, проталкиваясь через kloкочущую толпу.

– Папа, – позвала девушка. – Стой, Папа. – Но он не услышал дочь, уходя и теряясь в массовке.

Олесю осенило, что происходит. Жгучее солнце, бесчисленное месиво фанатиков, покрытых потом и без того не возможно дышать в этой толпе, нагнетающий вой и рёв. На краю

не протолкнуться, но там ближе к воротом настоящая давка, обволакиваемая запахом формалина, мешаного с ладаном. Она вновь попала на похороны деда. К воротом задним ходом припарковался автобус.

– Выносят. – Завопили из толпы.

Гроб выволокли из машины, всё как она помнит, оббитый ярко красной шёлковой тканью. Маленькая Олеся сейчас стоит там в первом ряду, держа за чёрный подол бабушку, с гвоздичкой в детских руках. Её заставят попрощаться с покойным дедушкой, не смотря на содрогание и трепет, она возложит цветок в его ноги, задев кончиками пальцев мягкий материал что накрывал его в гробу. «Её нужно увести оттуда». Вот о чём подумала взрослая Олеся. «Ей там не место». Преодолевая себя, расталкивая людей, на встречу к детскому страху, девушка двигалась вперёд. Стараясь не выпускать из поля зрения гроб, она всё же вышла к намеченной цели. Но в нём никого не было. Пустой. Они привезли пустой гроб. Олеся дрогнула.

– Мама? – Обернулась девушка.

Анастасия Петровна подкралась к дочери не заметно, под глазами женщины, под слоем плохо нанесённого консилера, выступали чёрные пятна.

– Мам, что здесь происходит?

– Всё хорошо доча, теперь всё хорошо.

Мама потянулась к лицу Олеси, жёлто-фиолетовыми фалангами пальцев с тёмно-синими погрызенными ногтями.

Девушка остановила холодную руку матери.

– Теперь нечего бояться. Прости. Прости за то, что не смогла.

– Мам о чём ты?

Но та продолжала говорить не слушая дочь, будто её совсем здесь нет.

– Прости что не смогла убереечь тебя, моя кровиночка.

– Мам остановись! – Повышала голос Олеся.

– Я, я должна быть на твоём месте. Но я не уберегла тебя, – захлёбываясь в слезах, с траурной миной отчитывала женщина. – Прости меня моя маленькая.

Олеся схватила мать за руки, потряхнув.

– Что ты несешь?

Сменив мимику с траура на блаженную улыбку, Анастасия Петровна дотронулась до щеки дочери, а затем начала ладонью закрывать ей глаза, произнеся:

– Теперь ты в лучшем мире.

В этот момент вся стоящая округа кинулась на девушку. Отовсюду хватая руками, они повалили её на землю. Олеся не могла вырваться, разрывая глотку на части, она выкрикивала проклятья и мольбы о помощи. Истошные визги возносились вверх, раскалывая обречённым голосом небесный покров, и замолкли, когда девушка задыхаясь, потеряла сознание.

«Что бы не случилось помни, выход есть всегда». Так однажды сказал дедушка. Но какой выход, когда лежишь появ-

занный по рукам и ногам, с ощущением, будто твой рот прошили нитками, не вдохнуть, не разомкнуть, не позвать на помощь. С чувством мерзкой сырой земли, сбившейся комками в глотке и полным отсутствием света в насильно закрытых глазах. Какой выход тогда? Умереть. Вот какой: «Я умру, я умерла». Подумала Олеся. Ей больше ничего не остаётся, неотвратимая безнадёга и пустота. А ведь нужен всего один шанс, призрачный проблеск, и песчинка надежды, блуждающая в сердце, в мгновение ока перерастёт в бурю. Она снова будет бороться. Её мольбы услышаны. Слух пронзил громкий хлопок, сопровождающийся звуком электрического напряжения. Яркий свет через толщу закрытых, навалившихся век, брызнул в лицо, вспышкой возбуждая желание жить.

Олеся приняла первую неудачную попытку шевельнуться – четко. Со второй, разогнав стремление по новой смогла приподняться. В надежде открыть намертво замкнутую челюсть, Олеся осознала страшное. Ощущения будто её рот сшили толстыми нитками, оказались далеко не иллюзорными. Грубо провздетые верёвки, в трёх местах соединяли верхнюю и нижнюю губу, плотно сжимая челюсть. Девушку одолел испуг, она с панической яростью активировала все силы своих лицевых мышц. Так её ещё в жизни не корчило. Хлопком один из швов разошёлся, челюсть щёлкнула и приоткрылась, сместившись немного влево. Одна не удача сменялась двумя другими, и Олеся замерла, когда на хрупкие плечи поочерёдно опустились чьи то руки.

«Всё что имеет начало имеет и конец», произнёс когда-то дедушка подкуривая «Приму» и зажав сигарету между зубами продолжил спиливать старую прабабушкину яблоню «Боровинку». У дерева был свой конец, для дедушки он так же в скорости наступил. Тогда где конец начавшемуся много лет назад кошмару? Где конец сегодняшним событиям? Всё впереди, а ныне:

– Ты же не хочешь заставлять её страдать Кирилл?

На имени Кирилл, глаза девушки открылись, тяжесть опущенных век исчезла. Она оглянулась по сторонам, изумление не поддавалось описанию. Слов не хватит передать эмоции молодой особы, заживо помещённой в гроб. Ситуация переходила все мыслимые границы. Спереди от мощного удара разлетелось стекло, осколки разбросало по салону автомобиля и только тогда девчонка обратила внимание, она находится в машине скорой помощи. «Незнакомец», через разбитое маленькое окошко пытался кого-то схватить. Этот кто-то оказался Кирилл. Он с руганью отбивался от нападавшего, но тот имея недюжинную силу ухватив парня за спецовку, лёгким движением подтянул к себе, ударив о перегородку в машине. Из содранной щеки Кирилла хлестанула кровь. Олеся оцепенела, но не могла ничего сделать в такой момент. Факт её беспомощности вылился в совершенно неожиданную форму. Гнев исполинских размеров вскипел, выползая наружу и принимая форму крика:

– Будь ты проклят мразь, катись в ад!

«Незнакомец», продолжая держать Кирилла повернул голову, ухмыльнулся концентрируя взгляд на девушке:

– С проклятиями ты опоздала, а на счёт ада, мы в нём родились.

Салон машины начал белеть и не только в глазах Олеси, «Неизвестный» лихорадочно замотал головой. Вспышка, что ранее породила в ней надежду, снова осветила всё вокруг. Руки освободились, ноги зашевелились, и Олеся в потоке сошедшего света выскочила из гроба, упав на пол.

Девушка очнулась и первое что увидела мотающуюся над собой люстру. Наконец она поняла, двигалась не люстра, сильно кружилась голова. Потихоньку качка закончилась, и девчонка приподнялась. Она лежала вытянув ноги в разные стороны, растянувшись на линолеуме. Никаких больше гробов, никакой скорой. Слева от неё стояла собранная зелёная софа. На стенах старые, потёртые в некоторых местах обои. Знакомый антураж – это комната бабы Клавы. Из коридора в сторону кухни мелькнула едва заметная тень, приковав всё внимание к этой части квартиры. Олеся сглотнула и комок вязкой слюны нехотя провалился дальше в пищевод, так и не смочив пересохшие губы. В груди ускоряя темп, зашевелился главный полый мышечный орган. Его деятельность хорошо отражалась интенсивной пульсацией артерии на левой кисти. Олеся переползла вправо поближе к шкафчикам, так угол обзора менялся, коридор лучше видно и другую часть комнаты тоже. Пойти посмотреть, есть ли кто в кухне, пер-

спектива так себе, с другой стороны оставаться на одном месте тоже не вариант. Входная дверь в нескольких шагах, но эти шаги ещё нужно преодолеть. Периферийное зрение забило тревогу. Олеся неторопливо повернула голову в сторону потенциальной опасности. На кресле, склонив голову сидела молодая девушка в белом, лёгком, летнем платье. В руках она держала рамку с фотографией

– В августе шестьдесят первого мне было столько же, сколько сейчас тебе, – заговорила дама в белом, скрипучем старушечьим голосом не соответствующим возрасту. – Тогда и сделали это фото. За несколько дней до того, как появилась эта фотография, умер мой дед Степан. В спешке готовились поминки, большое число приглашённых людей, много столов, собиралось всё село. Невообразимая сумятица и суета. Мы с сестрой помогали, в основном ходили по поручениям в разные дворы, а когда не ходили, работали на огороде. В то лето в село приехала областная газета, сделать несколько снимков и написать статью о жизни и труде сельчан. Мама отпустила нас с сестрой в сельсовет, посмотреть на приехавшую делегацию. Я отвлеклась и стояла смотрела на пролетающую стаю белых птиц, кружащих в небе, провожая их глазами до самого горизонта и даже не заметила, как меня сфотографировали. Об этом я узнала на следующий день, когда родителям, знакомые принесли это фото. Тогда мама посмотрела на фотокарточку и её лицо наполнилось грустью. Знала ли она, что через два дня меня не станет? Конечно

знала. Знала ли об этом я? Нет. И даже если бы знала, то это не имело никакого значения. Подготовиться к этому невозможно, избежать не получится. Тысячи до нас стали носителями бремени нашей семьи. Теперь настала твоя очередь. Это не похоже на смерть, – девушка в белом встала с кресла и положила рамку с фотографией на стол. – В этом нет жизни, – тьма позади неё начала разрастаться, тенями расползаясь по стенам. – Его приход неминуем, – она направилась к Олеся, с каждым шагом её лицо старело, молодость будто сползала ошмётками, отрывалась от девушки оголяя старость, пока окончательно не приняло вид покойной бабы Клавды. – Конец неизбежен!

Темнота охватила половину зала, перекидываясь к единственному выходу. Позади Клавдии Семёновны всё исчезло, густая мгла и пустота на месте стоявшей ранее мебели и стен. Олеся побежала к выходу и споткнувшись с разгона плечом громко впечаталась во входную дверь. Кующая внутри паника, перековала последние остатки здравого смысла, вылившееся в серию беспорядочных ударов в дверь. Оборачиваться назад подобно смерти, продолжать стучаться – бесполезно. Занеся руку на мощный удар, Олеся со всей силы приложила кулаком, но он пролетел в пустоту.

Она снова переместилась, но теперь в самое начало кошмара. Девчонка, сидела на диване с вытянутой рукой. Кулак ещё дрожал в предвкушении столкновения с железной дверью. Олеся снова в квартире Кирилла, в зале на том месте,

где собиралась заниматься продолжительным валянием. Она потрогала своё лицо, прежде всего губы и выпуская слёзы наружу бросилась бежать к двери. Если она всё же выберется из проклятого места, значит замкнутый круг бесконечно-го ада разорвался. Девушка оглядываясь назад, интуитивно нащупывает ручку и открывает с силой дверь. Босиком её ноги ступают на ледяную плитку подъезда, свежий воздух проникает в лёгкие, ещё мгновение до спасения. Столкновение. Из ночной пелены, на границу где свет соприкасался с тьмой вышел он. Безликий подобрался ближе чем когда-либо. «Нет». Промчалось в голове. Всматриваясь в бездну его бесформенной сущности, сознание проваливалось. «Нет» и всё исчезло.

Олеся стояла в темноте, час, два, четыре, она не знала. Счет времени в этом пространстве ничего не значил. Будто вакуум космоса на бесчисленное количество световых лет, единственное что имело материю – твердая поверхность под ногами. В остальном пусто. Наверно господь в этой части бытия ещё не успел обжиться. Впереди звонко зацокали каблукки, неторопливо отбивая ритм, сокращая дистанцию. Перед девушкой возник человек. Очередная встреча за сегодня, это уже начинало утомлять. Не высокого роста женщина, в костюме делового стиля на каблуках. Смотрелась солидно. Она протянула руку девушке.

– Ну здравствуй Олеся. – Задорно улыбаясь, произнесла женщина.

Олеся вежливо протянула руку человеку, от которого не исходило и грамма опасности. Напротив, прикоснувшись к ладони женщины в деловом костюме, её переполнило чувство спокойствия, теплоты и радости исходившей от новой знакомой. Аура нежного света источалась только от одного присутствия.

– Каждый раз, когда мы с тобой встречаемся, не могу удержаться от того что бы не сделать комплемент твоей красоте.

Олесю это изумило:

– Кто вы? Мы знакомы?

– О да, – выразительно стрельнула глазами женщина. – Правда ты меня не помнишь. Но мы знакомы очень давно.

Ангел не понимала ни слова из сказанного, но ей просто нравилось находится рядом с этой приятной особой.

– Меня зовут Ольга, – продолжила улыбаться женщина. – Меня сюда прислал один человек.

– Извините я вас перебыю, но у вас потрясающая улыбка.

Женщина в деловом костюме звонко засмеялась, за ней под действием заразительного смеха, тоже самое сделала Олеся.

– Ты говоришь это уже не первый раз, но ты такая милая, что каждый раз я не могу сдержать искреннюю радость от такого комплимента. Олесь, у нас с тобой немного времени, скоро он тебя позовёт, потому слушай. Мы с тобой на этом самом месте видимся не впервой.

– Я не понимаю. – Мотала отрицательно головой Олеся.

– Я знаю. Каждый раз мы ведём почти один и тот же разговор. Правда иногда я позволяла себе вольности, в чём безмерно перед тобой каюсь. Я пыталась отвадить тебя от него, думая, что так будет лучше и всё наконец закончится. Но каждый раз оказывалась не права. Раз за разом он влюблялся в тебя и всё повторялось. В твоём взгляде читается непонимание, это нормально так и должно быть. Помни главное: он никогда тебя не предаст, никогда не оставит, не откажется от своих слов и всегда будет любить такой, какая ты есть. Уж я то знаю, о чем говорю. Скоро и ты поймёшь, о чём я. В этом он сильно похож на своего отца. Такой же упёртый. Козероги хреновы. – Женщина снова засмеялась.

Олеся всё ещё слабо понимала смысл разговора, но почему-то не могла сдержать счастливых слезинок и тоже рассмеялась.

– Я рада что у него есть ты.

Ольга подошла и крепко обняла Олеся, а та в ответ её.

– Слышишь? – Женщина указала в сторону.

– Нет.

– А теперь?

Ольга подмигнула и в этот момент в далеке раздалось:

– Очнись, это я!!!

Перед взором Олеси возник Кирилл. Так о нём всё это время она говорила.

– Кирилл, это ты? – Радость переполняла душу. – Это

правда ты?

Она не могла поверить, и не надо, потому что могла чувствовать всем сердцем. Обхватив парня руками и уткнувшись в его тёплую шею, Олеся заплакала, без тени сомнения зная: он никогда от неё не откажется, никогда не оставит, никогда не покинет, а вечность тому свидетель.

ГЛАВА 9. ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. ОКОНЧАНИЕ

Одиннадцатое ноября подходило к концу. Я накрыл одеялом Олеся, затем прикрыл дверь в спальню, оставив гореть свет в коридоре на всю будущую ночь. В этот раз мы дислоцировались по просьбе девушки во второй спальне. Обстановка здесь преобладала немного другая, нежели в зале. Более уютная, если это возможно, более спокойная, несопряжённая с событиями минувших дней. В этой комнате, по большей части жила бабушка, на том месте где ранее стояла её кровать, теперь громоздился большой угловой шкаф купе. Далее от него длинный диван, на нём мы и расположились, напротив стеночка с фоторамками, пара включенных светильников и телевизор. Дополняли обстановку навесные полки, с книгами и комиксами. В целом всё, ничего лишнего, но комфортно.

Бокалы с Олесеным остывшим чаем и моим недопитым кофе стояли на вмонтированном в диван мини столике. Я поднял свой бокал, под ним осталось круглое едва заметное пятно от влаги, такое же и под другим. Два пятна на боль-

шой, новой, чистой поверхности. Лишь при просмотре с другого ракурса они становились значительно заметнее. Такие же пятна, метки стояли на нас с Олесей. С наскака неразличимые под игрой света, но при правильно выбранном углу обзора, хорошо видимые не вооруженным глазом. Кто их оставил и сможем ли мы их стереть до того, как въевшись в поверхность они окончательно станут частью нас самих. Я поставил бокал обратно, чайная ложка лязгнула, и Олеся дёрнулась, но не проснулась. Теперь даже во сне, её тело на изготовке, в ожидании нового удара, разум отравлен, а психика дала лопину. Откуда мне знать? Я сам пребывал в том же состоянии. Боязнь уснуть, страх перепутать грёзы с явью, неспособность отличить вымысел от реальности. Но можно считать вымыслом то, что может тебя убить? После того как я выпал из машины, мой ответ – нет.

Время стремилось к полуночи, пора на боковую. Нужно уснуть или попытаться это сделать. Я залез под одеяло, сегодня мы спали под одним по просьбе Ангела. Со слов Олеси – это нужно для того что бы быть как можно ближе друг к другу. Так спокойнее. Только я успел накрыться, как девушка заелозила и спиной придвинулась вплотную. Нашупала мою руку и положила к себе на грудь, прижав своей ладонью сверху. Вторую я сам просунул под шейю Олеси таким образом заключив её в замочек, крепко обняв. Оставалась одна весомая проблема. Вместо положенного сна, во мне как заевшая плёнка прокручивался остаток сегодняшнего вечера.

Я поднял девушку и перенёс из коридора в зал. Разжимая её руки, произнёс:

– Олесь я сейчас вернусь, только дверь закрою.

– Нет. Не уходи. – Всё ещё удерживая меня, сказала Ангел.

– Я быстро, просто дверь запру. Три шага туда, три шага обратно, ты сможешь видеть меня отсюда.

Девушка задумалась на пару секунд.

– Я пойду с тобой.

Олеся обеими руками сжала мою ладонь и проследовала за мной, оглядываясь по сторонам. Прежде чем закрыть дверь, я немного выглянул в подъезд. Никто из соседей не отреагировал на крик и грохот. Это если честно очень странно, но может оно и к лучшему, а то понагнали бы сюда любопытных глаз. Я запер дверь. Со спины донеслось:

– Я не хочу возвращаться в зал, – смотря в глубь комнаты, сказала девушка. – Может пойдём в другую спальню?

Мой взгляд невольно обратился к подоконнику, на то место, где предположительно стоял чёрный силуэт. Воспоминания о нём как камень брошенный в воду, порождающий волны на ровной глади, затронул отпечатки всего дня.

– Кирилл?

– А? – Отреагировал я, выдернутый из раздумий.

– Я говорю, может пойдём в другую спальню? – Повторила девушка.

– Да. Так и сделаем, – одобрительно кивнул я на предло-

жение Ангела. – Но в любом случае нам надо зайти и выключить всю технику и свет. А прежде мне нужно снять куртку. Ну ка помоги.

Я вытянул левую руку.

– Тяни за рукав, только осторожно.

– Что у тебя с рукой? – Обеспокоенно высказалась Олеся.

– Сейчас увидишь. Готова?

– Да.

– Тяни.

Олеся помогла мне снять куртку и обомлела, когда увидела перемотанное бинтами предплечье.

– Что случилось?

– Сейчас зал запрём и всё расскажу. И почему у меня рука замотана и почему всё тело болит и почему...

– Я знаю, что с твоим лицом. – Перебила меня Олеся, только сейчас заметив ссадину на щеке.

После этой фразы, бросив ещё пару встречных вопросов, я шеметом залетел в зал, повключал всё что можно, запер дверь, и мы оперативно перебазировались на кухню. Нам было что рассказать друг другу, и Олеся открыла двух часовой устный вечер клуба по интересам, разрезав чёрную ленточку фразой «В дверь позвонили». Её повествование начиналось с крутой фантастики о перемещении во времени, уйдя в итоге к полной вакханалии. Чем дальше она углублялась в историю, тем круче становились повороты, а моя фантазия генерировала происходящее чуть ли не перед глазами,

заставляя потряхивается и вздрагивать от посторонних звуков, останавливать Олесю и по пять минут вслушиваться в тишину. Ангел вспоминая вечер, ходила из стороны в сторону по кухне, её голос звучал то громче, то тише, скатываясь в пучину или вздымаясь на волнах страха, будоража недавний кошмар. Она запинаясь и по несколько раз начинала пересказывать отрывки заново, два раза прерываясь, чтобы налить себе стаканчик воды. Наконец девушка закончила.

– Это всё?

Этот вопрос прилетел не спроста, мне показалось, что Олеся что-то не договаривает по тем или иным причинам. Но она развеяла мои сомнения коротким.

– Да.

Что ж, значит мне всего лишь показалось. Как говорится: когда кажется – креститься надо, настало самое время.

– Значит мы оба были там. – Максимально серьёзно произнёс я.

Задав последней фразой тон, посадив Олесю на своё место, наступила моя очередь вещать. И мне было что рассказать, складывая во едино две стороны ржавой медали. Я соединил истории в целостную эпопею, о жизни и смерти за гранью нашей реальности. Мы зашли в этот сон, лимб, мираж, полуявь, кошмар в общем называй как угодно с разных ходов, но в итоге дошли до точки соприкосновения в машине скорой помощи, только по разные стороны баррикад. И травмы на моём теле свидетельствуют о масштабе происхо-

дящего, хотя на Олесе при этом не осталось и следа.

Делая разбор полётов, в итоге пришли к некоторым моментам и вопросам. С кем конкретно столкнулись? Как это возможно? Почему именно мы и каковы мотивы и цели всего этого? Не поугатать же ради забавы. Это слишком просто. На кону стоит нечто большее, чем наше душевное равновесие, трещащее по швам под нажимом неизвестной, неотвратимой, сошедшей изначальной тьмы. Безликий – главный фигурант принимающий образы пустоты, бабы Клавы, а теперь ещё и «Неизвестного» из скорой. Да, я склоняюсь к тому что он единственный автор происходящего, всё в одном лице. Хотя Олеся склоняется к другому мнению, обосновывая разностью личных ощущений, между человеком из угла комнаты и «Неизвестным» из машины. Так или иначе, один он или их легион, Безликий лихо оперирует нашими страхами, базируя на привычных образах. Начиная от знакомого мне дверного звонка и заканчивая бабой Клавой и тягостными воспоминаниями о похоронах почившего дедушки. Всё это лишь инструменты, используемые мастером. Для чего? Не я не Олеся не можем дать ответ на этот вопрос. Большое видится на расстоянии. Значит ли это, что нужно отойти подальше, другими словами, чтобы получить ответы – углубиться, принять вызов? Перчатка брошена, а мы пересекли точку невозврата – вызов принят. Какова цена этого – время покажет. Но уже сейчас видение бытия, в коем я существовал доселе – разрушено. Я заглянул в бездну и как

по классике, бездна ответила взаимностью. Чёткой границы между мирами больше нет. Безликий грамотно, с анатомической точностью провёл аутопсию над нашим мировоззрением, обесценил, вынул напоказ говоря, смотри – смерть для жизни не конец. А раз так, то все фигуры расставлены, дамы и господа бал у Князя Тьмы объявляю открытым.

Нет единого ответа, нет ничего конкретного. Всё что мы вынесли из обсуждения в конце концов, это то что нам нужно держатся вместе. Эту фразу произнёс я и Олеся восприняла её буквально.

– Ты же сам сказал нам нужно держаться вместе.

– Я не думал, что ты воспримешь эту фразу настолько буквально, и пойдёшь со мной купаться. – Открывая кран с горячей водой, произнёс я.

– Формально купаться я с тобой не буду, просто подожду здесь, пока ты помоешься.

– Это сути не меняет.

– Да брось, чего я там не видела. – Махнула Олеся.

– Я полагаю, ничего не видела, если только, пока я спал ты меня не рассматривала.

– Ну знаешь. – Отводя голову вверх, многозначно ответила Олеся.

– Как это понимать?

– Ну как. Я понимаю ты смущаешься, перед тобой красивая, умная девушка твоей мечты. Знаешь ли мне тоже не легко.

Я засмеялся во весь голос, Олеся классно свела ситуацию в шутку, с забавной мимикой, ненавязчивой, саркастичной, слегка самоуверенной подачей. Это то, чего сегодня особенно не хватало. Олеся засмеялась за мной.

– Чего ты ржёшь, снимай давай! – И начала стягивать с меня футболку.

После небольших манёвров, футболка лежала на полу. Я почувствовал, как меня коснулись кончики пальцев.

– Больно? – Поменяв смех на печаль и обеспокоенность, спросила Ангел.

– Ноет слегка. – В полтона успокоил я.

Олеся аккуратно приложила ладонь к расплывшейся гематоме. Сделала пол шага оказавшись ближе и прислонившись своей щекой к моей, медленно прошептала:

– Ты ведь не покинешь, не оставишь меня одну?

Моя рука тихонько скользнула по талии девушки, а другая обосновалась выше у спины.

– Как я могу, ты ведь мой смы...

На этом моменте, я осознал кто для меня Олеся. Всё это время, двадцать четыре года моей жизни, от самого рождения – это знание прозябало внутри. Оно не являлось новым и ранее я прекрасно знал о нём, но по какой-то причине запечатал на долгую память, что бы теперь вспомнить. Но я не успел озвучить свою мысль, Олесин телефон завибрировал на стиральной машинке, переполоша нас.

– Кто там?

– Уведомление о балансе, – вздохнула девчонка глядя в монитор. – Ладно раздевайся, я отвернусь.

Я скинул всё что было и оставшись в чём мать родила, залез в ванную. Ангел села на пол спиной ко мне и упулилась в смартфон. Оставшееся время в ванной мы не проронили ни слова и снова заговорили, только уже в спальне.

Олеся лежала отвернувшись к стене.

– Что с нами будет? – Глухо её вопрос разлетелся по углам комнаты, а слова наполнились печалью.

– Я думал, ты уже спишь.

– Мне страшно. Я боюсь уснуть, боюсь что завтра не настанет, а если настанет, то в нём не будет тебя.

– Эй я не куда не денусь. Ну же повернись.

Олеся развернулась ко мне лицом. Я лёг рядом, прижал девушку к себе, едва касаясь губами её лба.

– Я всегда буду рядом. Ты мне веришь? – Шёпотом проговорил я.

– Да.

– Давай я буду что-нибудь рассказывать, а ты попытаешься уснуть.

– Хорошо. Можно тогда спросить?

– Конечно.

– Как звали твою маму?

Это оказался весьма неожиданный вопрос и по началу я даже растерялся.

– Её звали Ольга.

Олеся немного подумав, задала второй вопрос:

– Какой она была?

Я немного застопорился, но затем продолжил:

– Она была счастливой и жизнерадостной. Мало унывала и много улыбалась. Я думаю это тот редкий случай, когда человек ценит то что у него есть. Она любила пошутить, особенно над отцом, была легка на подъём, и та ещё авантюристка.

Рассказывая о маме, я не мог не упомянуть обратную сторону её жизни, жизни после папы.

– Но потом отца не стало. В тот день когда он погиб, мама погибла вместе с ним, не физически конечно, она умерла внутри. Вместе с отцом она похоронила и полную жизни, счастливую и веселую женщину, которой когда-то являлась. Оставив лишь бледную тень самой себя на одинокой Земле.

– Ты любил её?

– Нет, – и выдержав паузу добавил. – До сих пор люблю.

После этих слов, Олеся сильнее прижалась ко мне.

– Если бы тебе представился шанс увидеть её сейчас что бы ей сказал?

– Я бы сказал...

«Я вспоминаю один случай, не знаю рассказывал тебе его отец или нет. Я тогда был ещё не большой, но кое что уже соображал. Мы гуляли в парке и остановились с папой в тенёчке под деревом, рядом с лавочками. А там сидели две дамочки и так рьяно, громко обсуждали каких-то мужиков, своих

или чужих не знаю. Я хорошо запомнил тот случай. Одна говорит.

– И застучала его с любовницей. Развлекались прям на рабочем месте.

Вторая дама от этих слов эмоционально ахнула и ответила.

– А я говорила, все они кобели и козлы, – и добавила. – Все мужики одинаковые.

И тут встрял отец.

– Не все.

Женщины на лавочке обомлели от такого резкого выпада, а отец продолжил.

– Моя, самая лучшая и я никогда не на кого её не променяю, – Как бы намекая, что вот я тут стою, и я не такой.

Он когда это произносил даже не глядел на них, а всё время продолжал смотреть вперёд. В этот момент одна из дам, та что главный мужской обвинитель, вспыхнула и такая с горором говорит.

– Посмотрела бы я на твою самую лучшую, когда она узнала, как ты десять минут стоишь и вон ту бабу глазами раздеваешь. – И указала пальцем на женщину.

Отец в этот момент ухмыльнулся, а я так жёстко угорать начал, когда понял на кого она показала. Ведь женщина не знала, что баба, которую отец по её словам десять минут раздевал глазами, была его жена. В общем всё это время мам, он смотрел на тебя. Ты стояла недалеко от нас, в очереди за мо-

роженным. Вот такая вот забавная история. Но к чему я это. К тому что только сейчас понял слова отца. Только сейчас начал понимать тебя. Можешь больше за меня не волноваться, я обрёл свой смысл жизни, больше я не одинок на этой долбанной планете. А потому лучше ответь мне на вопрос. Ты нашла отца? Нашла ли ты то, ради чего так рано покинула этот мир? Если да, то тоска по вам что поедом съедала мою душу, была не напрасной».

Это то что я сказал бы маме и то чего на самом деле не произнёс вслух, а лишь подумал про себя. А на Олесин вопрос коротко ответил:

– Не знаю.

Одиннадцатое ноября подошло к концу. Воспоминания о вечере ушли с первой минутой нового дня, со второй я закрыл глаза, а на третьей забылся глубоким сном.

ГЛАВА 10. ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Утро началось внезапно. Не так как у большинства нормальных людей в первый день отпуска. Размеренно, томно, когда разлепляешь по одному заплывшие веки, после продолжительного сонного марафона. Оглядываешься по сторонам в попытках выяснить сколько время и затем начинаешь шлёпать рукой по постели в поисках телефона. В итоге находишь его в районе подушки, а если точнее, то под ней. Как он туда попал? Не понятно. Особенно если учитывать, что перед тем как отправиться в страну деревянных брёвен,

смартфон находился в собственных руках. И вот уже с мобилкой наперевес начинаешь проверять время, а затем первое что посещаешь, нет не туалет, а социальные сети в поисках debilковатых постиков из ленты новостей. Тут тебе попадается картинка кота с недовольной мордой, закутанного в одеяло из которого торчат только голова и задние лапки с надписью: «Я, после второго будильника». Или довольная собачка с высунутым языком и рядом подписью: «Наконец то пятница». И тут ниже эта же дворняжка только уже понурая с гримасой грусти и печали и продолжение: «Бро, сегодня только понедельник». Вот только после этого, неохотно встаёшь и по зову природы волочишь ноги, дабы опорожнить мочевой пузырь.

Наше утро началось динамично с затяжной песни, раздавшейся на всю комнату. За нами естественно не заржавело, и мы отреагировали самым подобающим образом. Virtuозно десантировались с дивана, как по тревоге. Я отличился тем, что сделал перекат на полу, а Олеся зачем-то прихватила с собой подушку, на которой спала. Таким глупым началом охарактеризовало себя двенадцатое ноября. Ещё несколько секунд мы пялились на диван пока Олеся не бросила подушку и взяла трубку. Всё верно, нас разбудил внезапный телефонный звонок, как окажется тремя минутами позже от Анастасии Петровны. Но пока девушка говорила, мне довелось лицезреть окружающую обстановку, которая к слову свелась к одному конкретному объекту в комнате. Я сидел на полу

и смотрел на стоящую спиной Олеся. Не взглядом человека, что видит перед собой изящную самку и пытается в поисках нового опыта и ощущений изучить объект возжелания и похоти. А взглядом человека, изучивший каждый рельеф, каждый уголок и даже изъян её тела, но так и не перестающий вновь и вновь восхищаться увиденному. Олеся повернулась.

– Мама звонила. Сказала к Балашову подъезжают.

Этот звонок, судя по интонации сказанного, не вызвал у девушки должного восхищения, напротив вызвал порцию огорчения. Олеся попыталась это скрыть за наигранной улыбкой, но я сразу срисовал неладное.

– Что-то не так?

Олеся замотала головой.

– Да брось Олесь, я же вижу что-то не так, выкладывай давай. – Встал я резко с пола, позабыв о вчерашних травмах и зря.

Боль дала о себе знать и если пережат спросонья организм мне простил, то дальше уж извините, попросим вас Кирилл Алексеевич без резких телодвижений. Моя забывчивость отлилась мне крайне неприятными, но не забываемыми ощущениями, волной промаршировавшими по всей левой стороне. Загудело всё, а глаза как мне думается, отправились на выкат. Я согнулся и открыл рот, предвещающая стон или крик, но тут же выпрямился.

– Всё окей. – На позитиве выдал я.

Олеся смотрела на меня и её глаза казались на ещё боль-

шем выкате.

– Ты уверен? – С подозрением отреагировала девушка.

– Вполне. У меня всё чики брики, – и складывая пальцы в жест Окей, добавил. – Всё тип топ.

– Мне кажется или ты врёшь?

Я держал паузу, пока моя мимика дёргалась и решала скорчиться от боли или тоже самое сделать от хохота.

– Оооооxxxx, – выстонал я наконец, хохоча и хватаясь за бок, сдуваясь как проколотый шарик. – Ты права я вру. Всё-таки у меня не всё тип топ, но близко к этому, – я сел обратно на пол. – One minute, – и показал указательный палец. – Не, не, не, забудь, two minute, – и показал два пальца при этом щурясь с придурковатой улыбкой. – Ща я слеганца посижу и всё будет ровно.

Олеся всё это время молча смотрела на мою клоунаду, а затем чётко выдала.

– Я тебе поражаюсь, ты ещё и клоуничать успеваешь в такой момент. – Поставив руки в боки, буркнула Олеся, но смотря на мой необъяснимый позитив, начала менять гнев на милость и тоже хихикать.

А ведь если подумать, и правда, какой повод для приподнятого настроения, если разобраться с оглядкой назад, радоваться по факту не чему. Откуда эта радость без причины? Ответить: «Я не знаю» – ложь, причина есть. Она стоит напротив меня, окруженная солнцем сегодняшнего дня, противопоставляемая вчерашней мгле, как единственный про-

тивовес в нелёгкой борьбе света и тьмы.

– Кирилл, – прервалась Олеся. – Мне нужно собираться, родители скоро приедут. – И снова тень печали легла на её слова.

– Нет, – отбросил я сказанное Ангелом, она не успела ничего вставить, как тут же прибавил. – Нам нужно собираться.

Это всё что нужно было услышать Ангелу. Олеся заранее расстроилась из-за того, что я могу с ней не поехать. Отсюда и грустная мина под маской улыбки. На самом деле, я не ждал приглашения, а хотел навязаться сам. По уверениям Олеси, родители будут не то что не против, а только рады моему визиту. Поэтому остальное время до их приезда мы собирались, убирались, без опаски даже вошли в зал, и он нам показался вполне себе уютным местом, а не обителью зла, каким представлялся буквально вчера. Всё сошло как с белых яблонь дым и хоть ещё свежо преданье, но уже не настолько неотвратимое. Однозначно, эти ощущения мы подчерпнули оба и знатно воодушевились. Бонусом мне на карту прилетела кругленькая сумма в виде отпускных, отчего мы взялись за руки и прыгали на месте три минуты, как ненормальные дурачки. Трудно поверить, но всё шло как надо.

У Олеси снова завопил телефон, успеть вовремя и ответить на звонок она не успевала. Ведь тут перед ней вставал серьёзный выбор. Покинуть ванную и остаться не докрашенной или закончить начатое, зато выглядеть неотразимо, но

не брать трубку. И девушка поступила очень мудро. Она сделала выбор в пользу неотразимости, а на телефон попросила ответить меня.

– Кто там Кирилл? – Выкрикнула Олеся из ванной.

На экране светилось имя «МАМА» и фотография Анастасии Петровны. Я снял телефон с зарядки и заглянул ванную-комнату, где прихорашивалась Олеся.

– Мама. – Спокойно констатировал я факт.

– Ответь, спроси, чего она там.

Я клацнул пальцем по монитору.

– Да. – Моё классическое приветствие по телефону.

– Что да? – Повернулась ко мне девчонка и тут же заметила, что говорят уже не с ней и слегка улыбнулась – А ты не со мной говоришь.

Я молча кивнул Олесе. В свою очередь из динамика донеслось.

– Олесь мы подъехали.

– Это не Олеся, это Кирилл, она чутка занята. – Перебил я сразу.

– А, понятно, ну пусть занимается. Кирилл какой у тебя номер квартиры?

– Восемьдесят восемь.

– Ага, всёшла. Впускай меня.

В этот момент в коридоре запиликал домофон. Не знаю как в других домах, а в нашем он бормотал на удивление противно. Как золотая скрипка стоит дорого, а звучит пар-

шиво. Пока Олеся завершала последние штрихи образа для выхода в свет, я остался встречать её маму. По подъезду зацокали каблуки. Анастасия Петровна долго не заставила себя ждать и секундами позже появилась в дверном проёме. Одета она была в длинное, осеннее пальто без капюшона, с повязанным на талии пояском. На ногах чёрные с каблуком сапожки.

– Всё очень лаконично и чертовски стильно.

– Спасибо Кирилл, очень мило. – Мягко сказала Анастасия Петровна.

Я немного приоткрыл рот в удивлении, должно быть последнее, сам не осознавая ляпнул вслух.

– Здравствуйте. Проходите, будьте как дома. – Указал я рукой в глубь коридора.

– Нет Кирилл, мы торопимся. Нужно в контору ещё захватить и по магазинам проехаться, – протараторила женщина. – Чего Олеська там копошится?

– Она...

– Мам две минуты. – Послышалось из ванной.

– Давай быстрее, отец внизу ждёт, – обратно скомандовала ей мама. – Мы пока с Кириллом пойдём квартиру проверим.

– Хорошооо. – Растянула девчонка.

– Бери ключи, пойдём. – Обратилась ко мне Анастасия Петровна.

Она явно не церемонится, женщина дела, а не слова. Я зашёл в зал, взял Олесену сумку, копаться в поисках ключей

долго не пришлось, ведь половина содержимого её саквояжа лежала сейчас на стиральной машинке и представляло из себя: крема (для рук, ног, лица), тональный крем, тональная основа, карандаши, помаду (зачем-то в количестве двух), духи и образцы духов, пудру, тени, подводку что бы это не значило, тушь, лак, растворитель лака, салфеточки, ватные диски, пилочки, ножнички, щипчики, зеркальце. Всё добро умещалось в небольшой походной, женской сумочке и умудрялось делить место с другими аксессуарами. Я достал ключи и вышел в подъезд. В квартире Семёновны мы на долго не задержались. Олесена мама бегло осмотрела все помещения, осталась очень довольна, подкрепив фразой: «Молодцы, хорошо постарались» и вернулись назад. К этому времени Ангел уже вышла из ванны. Они с мамой тепло обнялись, перекинулись взаимными комплиментами, а закончилось это тем что меня официально от имени всей семьи, Анастасия Петровна пригласила на девять дней бабы Клавы, а по совместительству и в гости. Наш ответ стал для женщины забавным сюрпризом, когда мы одновременно с Олесей указали пальцами на уже подготовленные в путь, собранные сумки, привалившиеся у шкафчика. Анастасия Петровна заценила тот факт, что детки сами всё уже давно решили и без них.

– Нас оповестить ты нужным не посчитала, что Кирилл поедет? – Поднимая уголки рта немного вверх, спросила мама у Олеси.

Та в ответ задорно, быстро, отрицательно затрясла голо-

вой. Мы просмеялись, погрузили на меня поклажу в виде портфеля и спустились вниз. У подъезда, нас ожидал Олесин папа сидя в Land Cruiser кремового цвета. Неплохой такой дилижанс. Я ещё раз глянул на окна своей квартиры и мельком припомнил работу. В голове как звуковое сопровождение к этому трогательному отрезку, добавилась музыка, только не ностальгическая, плавная с минорными нотками, а вспомнился отрывок из песни Высоцкого про поездку за границу:

«До свиданья, цех кузнечный,
Аж до гвоздика родной!
До свиданья, план мой встречный,
Перевыполненный мной!»

Я ухмыльнулся, как в точку вспомнилось. Открыл заднюю дверь, сначала пропустил Олесю, а затем залез сам.

– Здрасте. – Обратился я к мужчине протягивая руку для приветствия.

– Ааа, Ага, – буркнул в ответ Олесин папа и небрежно с неохотой поздоровался со мной за кончики пальцев. – Куда теперь? – Тут же он обратился к жене.

– Поехали в контору.

– А где она? – Зевая спросил мужчина.

– На Карла Маркса.

– Насть, – зыркнул он на неё. – Можно подумать мне это о чём-то говорит. Конкретней.

– Помнишь где я пальто забирала?

– Ну?

– Вот рядом там в соседней пятиэтажке.

– Понятно. Ладно поехали.

– Привет пап. – Вставила Олеся, как только мама закончила.

– Привет. – Коротко ответил он.

– Чего вы на машине крёстного приехали, а не на нашей?

– Захотелось. – Всё так же без энтузиазма отчеканил мужчина.

Олеся естественно лучше знала своего отца, а потому по её реакции стало очевидно, что с Юрием как его там, сейчас лучше беседы не заводить. Возможно потом мужик отсочает, но пока любезностью он не блистал. Мы дружно от него отстали и больше не стали наседавать с дурацкими вопросами, а вместо этого позволили спокойно вести автомобиль.

Через тридцать минут мы миновали так называемую контору, через полтора часа продуктовые магазины и павильоны с одеждой, где я Олеся в подарок взял чёрную тунику, больно уж она ей приглянулась. У матери она деньги на покупку просить не хотела, у отца тем более, а обо мне речь даже не заходила. Но после примерки, а до неё дело всё-таки дошло, убедившись, что одежда сидит на ней как влитая и вызывает неподдельную радость, я молча прошёл на кассу и так же молча всё оплатил, вручив в итоге Олеся маленький презент. Уже двигаясь по парковке Анастасия Петровна сказала:

– Кирилл зачем? У неё дома их и так полно.

На что я не растерявшись ответил:

– Значит будет ещё больше.

Чуть погодя с того момента наш экипаж в лице трёх пассажиров и рулевого, миновал Балашовский мост с видом на пересыхающий Хопёр, затем поворот на Репное и уверенно под звуки радио двинулся по направлению к конечной цели.

В дороге всегда есть время подумать, и не важно сколь дружная компания собралась. Едешь ли в кругу друзей и подруг, близких родственников или случайных болтунов, которые и в иных обстоятельствах редко замолкают. Всегда наступает момент, когда каждый погружается в себя. Перед глазами мелькают голые посадки, гладь застывших, мёртвых полей разделённые тонкой межой, а на съездах колея уводит свежие следы шин, оставленные проехавшим недавно автомобилем. Глаза на автомате пролистывают неброские пейзажи осенних дорог, и чем дальше путь, тем меньше их замечаешь и тем больше они сливаются, превращаясь в пустое серое полотно на котором разум начинает дорисовывать собственные картинку. Каждый погружается в раздумья, в дебрях сознания находя своё, то что ему ближе. Для одних – это очерки прошлого, для других грёзы о будущем, иные застревают в бесконечном самоанализе. И не важно куда на самом деле ведёт дорога, в Романовку или обратно в Балашов, сначала она приведёт тебя внутрь самого себя.

С самого начала наше маленькое дорожное сообщество не тянуло на дюже болтливых в силу разных факторов. Я мало

знаком с Олесеными родителями, даже делая скидку на то что они много обо мне слышали. В довесок глава семейства прибывал не в лучшем настроении, что само по себе не располагало к милому общению, а Ангел не больно то рвалась говорить со мной при родичах. Олесин папа крутил баранку, внимательно всматриваясь в дорогу, лишь изредка меняя радиостанцию (Юмор FM, Авторадио, Европа Плюс) или подкручивая громкость. Анастасия Петровна щёлкала по сенсору телефона и судя по оранжевому интерфейсу листала ленту в «Одноклассниках». Я окинул взглядом салон автомобиля и остановился на Олесе, прислонившейся лбом к стеклу. Она напряжённо перекручивала через себя нечто важное, сжимая пальцами тунику, ногтями разорвав упаковку. Ангел немного вздрогнула, когда моя рука мягко опустилась на её. Я легонько кивнул, жестом спрашивая «Ты чего?». Девушка потупила взгляд, смотря перед собой. Затем так же невербально ответила: «Да так», а потом нежно посмотрела на меня как бы добавляя: «Всё нормально». Тут уже мне вспомнился один момент. Раньше часто заводили песенники, зачастую это были просто толстые тетради с шершавой обложкой, в которую от руки записывались любимые композиции. У отца тоже такая имелась, только не с песнями, а со стихами собственного творения. Я не единожды пролистывал эту тетрадь, но только недавно заметил запись, в самом конце на последней странице. Три выражения, записанные в строчку, последовательно, через точку, без пояснений

и даты. *«КОГДА ЛЮБОВЬ ПОНЯТНА БЕЗ СЛОВ. КОГДА ЛЮБОВЬ БОЛЬШЕ ЧЕМ СЛОВА. КОГДА ЛЮБОВЬ ДЛИТСЯ ВЕЧНО»*. Теперь уже не возможно узнать к чему он это написал и в общем не важно, суть в другом. Я сразу понял, что сказала мне Олеся. Через задумчивое лицо, через скользкий взгляд с пигментом перламутра млечного пути в глубине её правого глаза, через трепет прикосновения наших рук. Едва ли кто поймёт, только сопричастные мы, ели ощутимые бесконечному миру, можем уловить внутри себя тонкие голоса друг друга и понять то, о чём вслух говорить не обязательно. *«КОГДА ЛЮБОВЬ ПОНЯТНА БЕЗ СЛОВ»*.

– Ой, наконец то подъезжаем, а то ноги уже затекли, – убирая смартфон в сумку, на выдохе облегченно произнесла Анастасия Петровна. – Кирилл, ты бывал раньше в наших краях?

– Нет, не доводилось.

– Вон видишь здание? – Указала Анастасия Петровна.

– Вижу. – Кивнул я.

– Эта наша церквушка.

– Не церквушка, а Храм Рождества Христова. – Влез в разговор Олесин папа.

– Я тебя умоляю, какая разница?

– Я бы сказал тебе какая разница, да не буду при детях. – Саркастично буркнул он в ответ жене.

– Ой Юр, давай без этого, не умничай.

Конструктивный вышел диалог хочу заметить. Действи-

тельно, первое, что улавливает взгляд на подъезде к Романовке, как верно указала Анастасия Петровна, храм. Если правильнее, то ярусная колокольня с арочными прорезями, на высоком пике которой закреплён золотой купол с уходящим в небо крестом. Строение хорошо видно, ведь на определённом участке пути, оно стоит ровно по центру дороги и это ещё больше выделяется растущими по обе стороны посадками, что создают вид искусственного туннеля, будто ведущего прямо до самого здания. Но после дорога уходит слегка вправо, и картинка сама по себе распадается меняясь на другую. Мы промчались мимо заправки слева. Мимо стелы «РОМАНОВКА. СЛАВА ТРУДОВОМУ НАРОДУ» справа. Я даже успел разглядеть герб: цаплю стоящую в воде на одной ноге, окружённую золотистыми камышами. Затем заехали на мост. Под нами во всю текла и бурлила река. Какая? Я просифонил пока крутился туда-сюда.

– А что за речка тут течёт?

– Карай. – Быстро отреагировала Анастасия Петровна.

– Речка – это громко сказано, скорее речушка. – Вставил своё веское слово Олесен отец.

– Юр, ну в самом деле хватит бухтеть. – Опять накинулась на него жена.

– Я не бухчу, а выражаю свою точку зрения.

– Я выражаю свою точку зрения! – Сгримасничав, гнусавым голоском, передразнила его супруга.

И тут меня прорвало. Я заржал. Именно заржал, а не за-

смеялась. Их поведение меня не раздражало, не вызывало дискомфорта, а казалось очень забавным с самого начала пути. И моё самовыражение через дикий ор, удивительным образом подхлестнуло гоготать всех вместе со мной. Весь салон бугуртел, и Юрий отчества не знаю, тоже смеялся. Видимо близость к дому, в положительную сторону влияла на настроение человека. Анастасия Петровна при этом подталкивала мужа в плечо приговаривая:

– Юр, а как похоже получилось, а, Юр.

– Ды да, да – Поддакивал он.

– Нормально получилось. – Подытожил я.

Пока мы забавлялись, я потерял нить куда завернула машина. В любом случае какой бы район это не был, в нём находилось всё что нужно. «Мясная лавка», «Магнит», «Красное&Белое». На другой стороне ларёчек с хлебом, виднелся так же вход на рыночек, импровизированная станция автобусов «Властелин». Почему импровизированная? А потому что об этом нигде не написано и если бы не автобус, что подъехал в этот момент – я вряд ли догадался сам. Далее стояла «Пятёрочка», какой-то строительный магазин и ещё полно того, чего вероятно не заметил. Как итог, здесь есть всё. Всё кроме нормальной дороги. Хотя такой роскошью не мог похвастаться и Балашов. Отдельно о дороге. Когда мы повернули на Советский переулок вокруг нас замелькали маленькие, ухоженные дома немногочисленных улочек, с весьма оживлённым автомобильным трафиком. Мы проехали ещё

немного, как вдруг остановились на углу небольшого цветочного магазина. Я сразу не въехал в суть дела.

– Ты чего Юр остановился? – Спросила женщина.

– Да вот решаю, может тут проехать. – Озадачился мужчиной.

– Думаешь сможем?

– Я не думаю, я уверен. Это на нашей реношке мы бы тут утонули, а на Илюхином вездеходе буром пропрём.

– Ну смотри сам. Хочешь поехали в объезд, как обычно по Калинина, а хочешь тут. Ты за рулём.

Юрий махнул рукой произнеся полушёпотом:

– Поехали тут.

Гашетка в пол, машина ринулась сползая с асфальта. Тут я понял в чём заключалась дилемма. Дело в том, что если до этого дорога представляла из себя кочки, ухабы, впадины с лужами на разбитом асфальте, то тут не было и этого. В виду того, что отсутствовал сам асфальт и дорога в целом. Автомобиль впиваясь в трясину, разбрасывая ошмётки грязи по сторонам. Нас легонько качнуло в бок и далее, как нож в масло Land Cruiser без особых усилий, без напряжения и лишних телодвижений поехал вперед. Прямо сказка для подобных видов дорог. Видя картину маслом воочию, мне представилось, если нечаянно свалится в это месиво, с большой вероятностью можно пополнить списки пропавших без вести. Будет как в той песне: «Закрылась дверь он вышел и пропал...». Конечно всё утрировано, но мысль ясна.

Автомобиль шинами вгрызался в грязь, раздирая под собой землю. Двор за двором оставался позади. Я в предвкушении скорого конца пути, начал активнее разглядывать окружение. Мы остановились около белого дома с пластиковыми окнами и подстриженным забором из живой изгороди. Рядом виднелся вход во двор, а левее из открытого гаража, наполовину торчал Уазик. Всё цивильно и современно. По фасаду сразу видно, хозяева тщательно следят за территорией своих владений. Нет, конечно это не дом Олеси, её вроде как двухэтажный, а раз так, значит соседей. В точку. Рядом с уазиком копошился мужчина средних лет, он завидев нас, бросил тряпку на капот машины и направился к Олесенному отцу.

– Здорова Михалыч. – Выйдя ему на встречу сказал Юрий.

– Ооо, здорова Юрец. Я думал Петрович тут рассекает. Настюха – Махнул он рукой Анастасии Петровне, и та помахала в ответ.

Пока мужики перетирали о Рено Логан и что там могло сломаться, дверь в воротах открылась и оттуда сначала опережая всех, выскочил кот персикового цвета, а затем показались две женщины. Анастасия Петровна завидев их так же покинула экипаж навстречу дамам, дабы поболтать о том о сём. Я поинтересовался у Олеси и всё верно это оказались соседи. Причём единственные на их улице, с которыми они состояли в дружеских отношениях. Ходили в гости или да-

же вместе ездили на рыбалку. С остальными либо сухо здоровались, либо не делали и того. Мужчина впереди, чей голос сильно хрипел и думается мне не по естественным причинам, как у Ильи Петровича – особенность звучания, а по патологическим, Михалыч или дядя Саша. Сейчас рассказывал, как они с Колькой кто бы это не был, ездили на рыбалку, и наловили там чуть ли не две дюжины рыб размером до локтя. На вытянутой руке по крайней мере он показал именно так. Женщина постарше, с мягкими выразительными чертами лица, с короткой причёской, вероятно слегка кудрявая и как мне показалось глазами цвета голубого сапфира – Наталья Ивановна или по-простому тётя Наташа. Разговаривала мало и по большей степени добродушно улыбалась. А вот вторая женщина говорила много, звонко, я почувствовал это даже в салоне автомобиля – у неё точно скрытый ораторский потенциал. Это их дочь Лена – с тёмной, открывающей лоб, компактной стрижкой, со стильными, идущими в тон её имиджу очками. Мама с дочкой смотрелись вместе органично и очень приятно. Четвёртый персонаж спонтанной соседской сходки – кот, и он в представлении не нуждался, так как я видел его фото у Олеси в телефоне. Пух, но никак не Пушок, обвивался вокруг дамских ног с высоко поднятым хвостом. Олеся увидев мурчащее чудо природы, перескочила через меня, выпрыгнув из салона. Бегло со всеми поздоровалась и принялась тискать котика. Приехав сюда всего несколько минут назад я стал причастен к чему-то большему, а наблю-

дая за происходящим, по факту за незнакомыми или едва знакомыми людьми, мне от чего-то стало хорошо, по-настоящему хорошо и может странно прозвучит, но в кой то веки спокойно. Ещё несколько минут умиляясь я перекинул взор, столкнувшись взглядами с Натальей Ивановной, и тут же в голову мне пришла совсем навязчивая мысль. Да, теперь всё правильно, здесь мы на своих местах – МЫ все.

Разговоры не о чём стали затягиваться и лишь Наталья Ивановна разорвала порочный круг.

– Так Лен, где там отец. Поехали, – обратилась она к нему. – А то всё закроют.

– Ладно Юрец, потом до расскажу. – Пожимая руки порешали мужики.

– Тогда Михалыч не прощаемся, до вечера. – Уже подходя к двери авто перебросил слова Олесин папа.

– Ну как приедем я сразу к тебе заскочу, посмотрим, что можно сделать.

– Спасибо.

– Пока не за что. – Отмахнулся Михалыч.

– Пух смотрю с вами намылился. – Подметила Олеся держа кота.

– Пух, давай домой. Чуешь? – Отрывисто скомандовала Наталья Ивановна.

Но у кота явно были другие планы, и он всем своим видом это показал. Все дружно погрузились по машинам, мы прыгнули в Cruiser, соседи в Уазик и посигналив друг другу разъ-

ехали в разные стороны. Через несколько домов показался наш. Огромная, двухэтажная усадьба с массивными чёрными воротами, не особо вписывалась в местный антураж. Это странно, создавалось впечатление, будто она широкими плечами растолкала собратьев поменьше и втиснулась совсем не к месту. Хотя это и не мешало выглядеть ей вполне эффектно. Так или иначе, Балашов остался за спиной, настало время перемен и дом 76а по Садовой, любезно согласился их предоставить.

ГЛАВА 11. ДЕНЬ ПЯТЫЙ. ДОМ НА САДОВОЙ

Олесин папа достал какой-то брелок, похожий на ключи от машины, нажал одну из кнопок и огромные ворота начали медленно распахиваться, открывая собой ещё более величественный и роскошный вид усадьбы. Мы начали потихоньку заруливать во внутрь. Контраст между двором и улицей, находящейся за воротами, поражал воображение, всего лишь какой-то метр разделял пространство на две совершенно разные реальности. На улице находился обычный российский посёлок привычный для глаз, а внутри открывалась иная картина, в корне отличающаяся от привычных антуражей. Мой мозг просто не мог принять увиденного. Что бы лучше понимать куда я попал, в сравнение приходило только одно, такое я мог увидеть лишь на лощёных фото миллионеров из инстаграмма. Роскошь просто была по глазам. Мы стали медленно продвигаться в глубь усадьбы, проезжая по

вымощенной дороге, окружённой с обеих сторон садом-лабиринтом, в котором копошились какие-то люди, похожие на прислугу. Проехав внутрь гаража и заглушив двигатель, отец семейства буркнул:

– Всё приехали, выметаемся.

– Вот и выметайся, а мы выходим, правильно ребят? – Парировала Анастасия Петровна.

Я неуверенно посмотрел на Олесю, и она будто подталкивая меня взглядом, начала выходить из машины. Я конечно понимал, семейка Олеси не из бедных, но что бы до такой степени, в голове уложить за пять минут такое очень сложно. Я открыл дверь крузера и потихоньку начал выгружать своё тело из машины.

– Всем привет! – Послышался брутальный хриплый голос. – Юр ну я ж просил не ездить по этой грёбанной грунтовке, опять всю машину уделал.

– Да ладно, всё равно сам не моешь. – Робко ответил Юрий Николаевич.

– Мальчики хватит петушиться, – резко влезла в диалог Анастасия Петровна. – Это я попросила там проехать Юру.

– Вот опять сестрёнка тебя выручила. – Язвительно подметил Илья Петрович.

Юрий Николаевич, что-то неразборчивое буркнул себе под нос и быстро проследовал в глубь гаражной территории, в конце которой находилась дверь. Мы с Олесей стояли и молча наблюдали за этой эскалацией. Мне было неудобно

узреть подобную ситуацию, никогда такие не любил, хотя вроде бы и ничего особенного – лёгкая перепалочка. А вот на лице Олеси было некое выражение стыда и одновременно обиды, сразу понятно, такие перепалки между отцом и крёстным ей не в новинку и это явно не то, что она хотела бы показывать.

– Ну что встали, как вкопанные, пойдём в дом, а то вас хоть в сад выставляй как декор. – Отшутился Илья Петрович.

Анастасия Петровна солидарно хихикнула и с наигранной весёлой ноткой вымолвила:

– Ребят берите вещи и пойдёмте, там наверное уже обед готов.

Не сговариваясь мы с Олесей похватали багаж и направились к той же двери, в которой пропал её отец.

– Здравствуйте! – Поздоровался я с Ильёй Петровичем, понимая, что уже второй раз забываю о банальных правилах приличия, встречая его.

– Здорова Кирилл, чувствуй себя как дома. – Ответил он и протянул мне руку для рукопожатия.

Я последовал примеру и протянул свою. Он пристально с хитрым прищуром посмотрел на меня и жестом головы указал на вход. Открыв дверь, мы вошли в коридор или прихожую, сам не знаю как обозвать это помещение. С обеих сторон располагались двери, а в конце лестница, ведущая на верх. Я сразу почуял запах, который присущ банным парил-

кам и нюх меня не подвел, у одной из дверей располагались несколько пар белоснежных тапок, будто только купленных в бутике, а за ней видимо и скрывалась баня, либо сауна, один фиг. В другую дверь мы как раз и проследовали – это оказался довольно просторный гардероб, наверное, в городском театре и то был меньше. Олеся сразу прошмыгнула к одному из шкафов в стиле хайтек и начала раздеваться.

– Кирилл – это будет твой шкаф. – Сказала Анастасия Петровна.

– Спасибо! – Вымолвил я удивленно, всё больше и больше поражаясь этому дому.

– Так ребятки, давайте быстрее, а то обед и правда стынет. – Поторопил нас Илья Петрович.

Сняв верхнюю одежду и обув домашние тапочки, только теперь уже чёрные, но такие же по дизайну, мы направились к лестнице у которой тускло светились боковые панели, всё в том же стиле хайтек. Поднявшись и пройдя в очередную дверь, мы попали в очень просторную гостиную, размером должно быть со всю мою квартиру. Да, антураж здесь напоминал какой-то средневековый замок: высокий потолок, в центре которого красовалась многоуровневая стеклянная люстра, сделанная под старину и только некоторые хромированные части выдавали в ней современное творение. На стенах, по всему периметру висело множество осветительных приборов, в стиле подсвечников, которые тускло светили на множество картин, находящихся между ними. Са-

мой большой странностью для меня стало полное отсутствие естественного освещения, то есть, окон. Голова шла кругом, а свою челюсть я уже давно пинал по полу, а Ангел даже ни разу не обмолвилась, что живет в таком удивительном доме. Осматривая всё это великолепие, я не сразу обратил внимание на стол, он был длиной метров с пять и находился в самом центре комнаты, прямо под люстрой. За столом уже сидело несколько человек.

– Так народ, рассаживаемся, а то я уже изрядно проголодался, пока вас ждал. – Протараторил Илья Петрович и подойдя к столу занял центральное место, как бы намекая, кто в доме хозяин.

Слева, скрестив руки и ожидая начала трапезы, уже сидел недовольный Юрий Николаевич. Анастасия Петровна прошла сзади, проведя ему рукой по спине, и что-то шепнула на ухо, от чего итак недовольный Юрий Николаевич стал ещё более недовольным. Он с неохотой встал и помог жене сесть, пододвинув массивный, сделанный под старину стул. С противоположной стороны, по правую руку от Ильи Петровича, расположилась Нина Семеновна.

– Бабуля! – Радостно воскликнула Олеся и побежала обнимать старушку.

– Ой ты моя родненькая! – Так же тепло отреагировала Нина Семеновна.

Видя всю эту семейную идиллию и не зная, что делать, я просто стоял немного позади Олеси и переминался с ноги на

ногу, чувствуя дискомфорт и смущение.

– Олесь ну хватит, у тебя гость стоит, ждёт тебя, стесняется. – Начала поучать внучку Нина Семеновна.

– Здравствуй Кирилл, проходи, не стесняйся, вот садись с Олесей рядышком. – Поприветствовала меня старушка и жестом руки указала на один из огромных стульев.

Я так же в ответ поприветствовал Олесину бабушку, подошёл к соседнему стулу и отодвинул его, предлагая Ангелу присесть.

– Кирюха молодец, сразу видно мужик, не то что некоторые. – Услышал я хриплый голос, с ноткой язвительности.

– Илья! – Строго зыркнула Нина Семеновна в сторону сына.

Наконец все уселись на свои места, заняв процентов пятнадцать этого огромного стола.

– Ань, Свет давайте! – Громко скомандовал Илья Петрович и достал из кармана халата какой-то брелок.

В противоположной стороне гостиной открылась дверь и оттуда вышли две пухленькие женщины в тёмно-синей униформе с подносами в руках. Они молча проследовали к столу и принялись очень ловко расставлять содержимое подносов. Расставив всё, одна из женщин забрала подносы и покинула гостиную, а вторая начала зажигать свечи, находящиеся в красивых начищенных до блеска подсвечниках. Илья Петрович встал, направил в сторону люстры брелок и выключил свет, создав тем самым готическую атмосферу.

– Ань, напитки. – Коротко скорректировал действия горничной хозяйин поместья.

Служанка так же молча и виртуозно налила прозрачную тянучую жидкость из хрустального графина. Обслужив всех присутствующих, она направилась к противоположной стороне стола и так же наполнила рюмку. Я не сразу обратил внимание, но на другой стороне стола, в центре, было накрыто ещё одно место, за которым никого не было.

– А мы что, кого то ждём? – Удивленно вымолвила Олеся, тем самым озвучивая, тот же вопрос, который возник у меня.

Все за столом молча переглянулись, на мгновенье повисла гнетущая тишина, которую разбавляло потрескивание свечей. Мне стало не по себе, по спине пробежал лёгкий холодок, выглядело всё слишком зловеще, как в добротных ужастиках, которые я так люблю. Я ещё раз взглянул на пустующее место, всматриваясь во мрак, и моё внимание захватила огромная картина, висящая, прямо над столом. Её обрамляла старинная, золотого цвета рама, да и сама картина выглядела, будто ей уже лет двести, но самое интересное, это её содержание. На ней был изображен какой-то библейский сюжет: один человек перерезал горло другому, и всё бы ничего, но взгляд персонажа изображённого на картине, казался таким реалистичным, пронзительным и одновременно знакомым, не могу припомнить, что бы я где то до этого момента видел эту картину. Надо отдать должное художнику, написавшему произведение, так выразительно отобразить взгляд,

будто смотрит на тебя и намекает – ты следующий.

– Это для Клавдии Семёновны, – резко разрядил нависшую тишину Илья Петрович. – Предлагаю почтить память усопшей тётушки.

Все встали, взяли рюмки, я так же поддался стадному чувству и последовал примеру большинства. Осушив содержимое, взялись за столовые приборы. Как вы думаете, что едят богачи? В жизни не догадаетесь: Щи! На столе стояло много разных блюд, но ничего того, чему можно удивиться. Обычная традиционная русская кухня: мёд, кутья, овощные и мясоколбасные нарезки, пирожки и блинчики, всё что можно встретить на поминках в любом доме, а я то уже в таких вещах опыт имею. Время шло, блюда менялись, и спустя три графина, присутствующие потихоньку стали ослаблять вожи и расслабляться. Тон разговоров стал потихоньку меняться с официального и культурного, на более неформальный. В основном вся беседа представляла некую викторину: вопрос-ответ, в которой участником был я, а все остальные, стало быть ведущими, которые засыпали меня вопросами: кто я? где я? чем занимаюсь? чем интересуюсь? – что в принципе не удивительно, ведь я человек новый, посторонний. В один прекрасный момент, когда я уже разговорился и чувствовал себя полностью расслабленным, Илья Петрович выдал:

– Слушай Кирюх, как тебе наша Олеська, нравится?

– Ммм что? – Замявшись переспросил я.

А он продолжал заседать:

– Смотри какая умница, красавица, да и с приданным всё хорошо, отличная партия, слепым нужно быть, чтобы не обратить внимание.

Я взглянул на Ангела, она сидела молча, красная как помидор, но всё же ожидала моего ответа. Да и ладно Олеся, у остальных присутствующих этот вопрос так же вызвал неподдельный интерес. Неужели они серьёзно рассматривают меня, как кандидата в мужья, человека, которого видят второй раз в жизни.

– Да! – Коротко, но твёрдо ответил я, да и смысл отрицать, раз уж сами интересуются.

Илья Петрович всё это время сверливший меня глазами, ослабил хватку. Его мимика сменилась с напряжённой на более добродушную, и наверное сам того не замечая, он растёкся в искренней, немного хмельной улыбке. Он встал с места и потянулся через весь стол ко мне, протягивая руку. Я не стал препятствовать этому жесту уважения и повторил за ним. Когда наши руки скрестились в крепком мужском замке он выдал:

– Так держать, уважаю!

Я окинул взглядом всех и на их лицах читалось одобрение. Анастасия Петровна даже выдохнула, будто выиграла джек-пот в лотерею. Одна Олеся пребывала в состоянии лёгкого шока и недоумевания. Я сел на место, а Илья Петрович продолжил развивать уже начавшуюся тему, и похоже оста-

новить его не представлялось возможным:

– Предлагаю выпить за настоящих мужиков. – Уже изрядно поднабравшись, продолжал Олесин крёстный.

Мне конечно это немного льстило, ведь его тост очевидно направлен в мою сторону. Все подняли рюмки и потянулись друг к другу, звонко встретившись в определённой точке соприкосновения, как вдруг краем глаза я уловил тень, где находилось пустующее место. В этот момент раздался сильный удар по столу, вся посуда зазвенела, а наполненная рюмка для бабы Клавы, внезапно опрокинулась расплёскивая своё содержимое по отполированной глади стола. Подсвечник задрожал и накренился в сторону прозрачной жидкости. Служанка Аня резко среагировала и быстро вернула его на место, но капля раскаленного свечного воска всё же не поддалась контролю и вырвалась, окропив синим пламенем столешницу. Внезапно огонь стал сильно трещать и коптить чёрным, как смола дымом. Все попытки служанки усмирить стихию не имели успеха. Пламя, словно живое, продолжало гореть. Не знаю сколько по времени она его тушила, скорее всего это заняло от силы одну минуту, но мне показалось будто прошла целая вечность, настолько сильно это впечатляло. Остальные тоже стояли, как вкопанные и молча наблюдали за потугами прислуги. В свою очередь огонь потух сам по себе, так же как и вспыхнул, оставив на столе тёмные отметины.

– Что это было? – Нервно затараторил отец Олеси, нару-

шив тишину.

– Да не галди Юрок, я откуда знаю, кто-то, наверное, ногой задел под столом. – Выстроил предположение Илья Петрович.

Все присутствующие переглянулись между собой, однако судя по удивлению на лицах, никто этого не делал.

– Ну не знаю тогда, мистика какая-то, тётя Клава, наверное, передает привет. – Сделал умозаключение Илья Петрович.

Я взглянул на Ангела, на ней не было лица, читался только дикий ужас.

– Мне что-то нехорошо. – Еле слышно вымолвила Олеся и рухнула на стул. Её кожа побледнела, а глаза начали закатываться.

– Олеся, что с тобой, Олеся скажи, что ни будь, – резко занервничала Анастасия Петровна, пытаясь судорожно отодвинуть тяжёлый стул. – Юр, что встал? Помогите! Дочке плохо, сделай что ни будь! – Разразилась она криком.

Юрий Николаевич заметался на месте, не понимая, что ему делать.

– Тихо! – Неожиданно выкрикнул я.

Для меня не впервой встречаться с нервными родственничками на вызовах, обычная практика. На удивление родители Олеси замолкли и оторопело следили за моими действиями. Я осмотрел Олесю и понял, ничего страшного не произошло – обычный обморок. Спокойно попросил вклю-

читать свет и уложил Олесю на пол. Взял со стола салфетку и намочил в водке, не нашатырь конечно, но за неимением лучшего, пользуемся тем, что есть под рукой. Я поднёс салфетку к лицу Ангела, но эффекта это не возымело.

– Есть вода? – Спросил я у присутствующих.

Служанка быстро отреагировала и дала мне стакан. Я окунул руку в воду и резко брызнул в лицо Олесе.

– Фу, кто брызгается? – Сразу же послышался недовольный девичий голосок, оно и ясно, ведь вода один из лучших раздражителей.

Ангел открыла глаза и наши взгляды встретились. Мы смотрели друг на друга, полностью уйдя из этой реальности, не замечая суеты, что кружила над нами. Хотя это и длилось всего лишь миг, но за это время мы успели выразить все наши чувства и эмоции, которые взаимно испытывали. Возникло ощущение, что мы знаем друг друга уже вечность, будто незримая нить судьбы соединила нас ещё в утробе, а может быть и раньше.

– Олесь, Олесь, что с тобой, ты как? Кирилл, что с ней? – Продолжала истерить Анастасия Петровна, выдернув нас из состояния резонанса.

– Жить будет! – Ответил я, не отводя взгляда от Ангела.

– Кирилл ты такой Кирилл! – Улыбаясь вымолвила девушка и медленно начала подниматься.

Трапеза окончилась. То, что начиналось как обед в память о бабе Клаве, завершилось в итоге совсем не так как изна-

начально планировали хозяева дома. Хорошая сервировка, отличная планировка, блюда и служанки, всё отточено и скорректировано, но учесть всего нельзя и появление незваного гостя в очередной раз это подтверждало. Неожиданность читалась во взгляде присутствующих и хоть Илья Петрович пытался сгладить углы, Олеся своим обмороком заострила их сильнее, чем когда-либо. Под предлогом отдохнуть нас выпроводили из обеденной. Напоследок я ещё раз бросил взгляд на картину в конце стола, из потаённых глубин разума снова вылезли слова: «Ты следующий», но заглушив их другими мыслями, направился за Олесей.

Как и двор, дом внутри играл контрастами, от навеянной стариной готики, мы перешли к обычной современной комнате. Фиолетовые обои, постеры на стенах, тумба с зеркалом и встроенной подсветкой, двуспальная кровать с выезжающей из основания плазмой. Рядом прикроватный столик со светильником и ноутбуком, облепленным наклейками так, что нет живого места. Серые, ночные, переливающиеся шторы, свой кондиционер, по плинтусам снизу протянута светодиодная гирлянда, ковер в котором приятно утопают ноги, а в воздухе сладковатый запах духов. Мне настолько стало стрёмно за свою халупу, что я пришёл к выводу. Самое старое что есть сейчас в комнате Олеси – это я сам. Насколько всё выглядело новеньким и аккуратным.

– Какая я дура! – Вспылила на всю комнату Олеся, размахивая руками. – Сегодняшнее утро, путешествие без сучка

и задоринки. Всю дорогу в машине я думала. А вдруг, вдруг мы уедем и всё. Всё закончится, останется в Балашове. Никаких больше теней и взглядов из темноты, никакого Безликого. Дверь захлопнулась и всё. Так просто. Но дело ведь не в Балашове и не в смерти бабы Клавы, – Олеся остановилась указывая на себя пальцем. – Дело во мне. С самого детства, дело только во мне. И хорошо это осознавая, знаешь, что я сделала? – Олеся задала вопрос, ответ на который ей не требовался, она его уже знала. – Я впутала в это тебя. Молодец, что сказать. – Саркастично подчеркнула девушка последние слова и уселась на пол, спиной облокотившись на кровать.

Тирада выдалась знатная и весьма неожиданная. Теперь понятно о чём она так озабоченно думала в машине. И такая реакция не удивительна, мысли что терзали её на протяжении нескольких дней, вылились во вполне логичное умозаключение. Я не стал мешкать, присел рядом на одно колено и слегка приказным тоном, но при этом спокойно и ровно попросил:

– Посмотри на меня.

Ангел подняла голову, кончиками пальцев я дотронулся до её губ.

– Олесь, я по своей воле впустил тебя в свою жизнь, по своей воле я нахожусь теперь здесь и по этой же самой воле последую за тобой на край света, а затем и за грань смертельного круга, – после небольшой паузы последовало продолжение. – А теперь я скажу тебе то, что однажды сказал

мой отец, моей маме. Олесь мы одна команда ты и я. Никогда не забывай об этом, будут сменяться года, будут покрываться сединой наши волосы, но сказанное сегодня не изменится никогда. Ты веришь мне?

Олеся начала быстро кивать головой и не отводя взгляда, ладонями прикоснулась к моему лицу, затем закрыв глаза, нежно прильнула свои лбом к моему. И конечно у меня наберётся ещё масса слов, но именно здесь и сейчас они не к чему. *«КОГДА ЛЮБОВЬ БОЛЬШЕ ЧЕМ СЛОВА»*.

Ноябрьский день медленно, но верно шёл к поклону. Всё это время мы с Олесей находились в спальне и в основном разговаривали на отвлечённые темы. Не она не я не хотели говорить о наболевшем, а потому болтали о чём угодно, кроме как о главном. Олеся мне показывала свои детские фотографии. Начиная с того момента, где была совсем ещё крохотулька, заканчивая возрастом, где ей может лет четырнадцать или пятнадцать. Ангел, хочу заметить, сильно менялась на протяжении своего взросления. От пухленькой, задорной, трёхлетней девочки, до худенького, с серьёзным видом подростка. А сейчас, это невероятной внешности молодая особа, не восхищаться которой, значит ничего не смыслить в красоте и эстетике. То, что точно осталось ей с раннего детства – задор. И знаю я это не понаслышке. Мы посмотрели школьные фотографии, правда Ангел по какой-то причине не хотела их мне показывать. Не знаю, наверно из-за Артёма, своего бывшего парня с которым училась в од-

ном классе. Но я всё же выцганил желаемое. Общее фото перед фасадом школы, одно из тех, что делают все учебные учреждения страны, где девочки сидят на стульчиках в чёрных юбочках и белых блузочках, а мальчишки стоят позади, как правило на скамейке. Конечно нельзя забывать про одного особенного ученика, который и не собирался фоткаться, а потому пришёл в чём попало и выглядел соответственно. У Олеси именно такое фото и оказалось, только по серёдке с классным руководителем. Далее под руку попался альбом с одиннадцатого класса. И там уже детки, как могли, пытались нагнать креатива. Фотографировались в разных позах и местах, вместе и отдельно, а под каждым снимком подпись с фамилией и именем. Там тебе и Звягинцев, и Семченко и Колесникова и ещё воз и маленькая тележка стандартных школьных фамилий.

Отложив воспоминания о школе обратно в ящик, мы принялись обсуждать Олесину семью. А конкретнее: отношения между её крёстным и отцом. И тема, мягко говоря скользкая, но так как завёл обсуждение не я, то так тому и быть – поговорим. И начала Ангел зачем-то с извинений за обоих членов семьи. На что я ответил:

– Во-первых, тебе не за что извиняться, во-вторых, это самая рядовая ситуация, – и так как девчонка любит три аргумента, добавил. – А в-третьих у тебя нормальная семья, нечего стыдиться.

– Я понимаю, но всё равно. Так не удобно становится, ко-

гда они цепляются друг за друга, особенно когда подобное происходит, как сегодня при тебе.

– Ну бывает Олесь.

– Да слишком часто стало бывать, особенно после того как дедушка умер. Когда он был жив, таких перепалок было гораздо меньше. Но после его смерти шефство над всей семьёй пришлось взять на себя крёстному. Все заботы, расходы, любые вопросы решает он. Бабушка всегда говорит: «Илья у нас рулевой в семье» и у крёстного это правда хорошо получается. Ну сам видишь, – указала Олеся по сторонам. – Он на сколько мне известно, самостоятельно выстроил сеть бизнесов в Романовке и даже Балашове. Начиная от сети моек для машин, заканчивая пунктами приёма металлолома. Не думала, что это может быть на столько прибыльно. И это только то о чём я знаю лично. Но однажды всё совсем усугубилось, после того как крёстный отдал одну из моек под управление папе. Я не знаю, что конкретно случилось, но мойку через несколько недель пришлось закрыть. Её конечно потом восстановили, но занимался теперь этим крёстный сам. И вот тогда отношения у них совсем испортились. Даже мама с папой тогда сильно поругались, отец собрался куда то уходить, а мама ему кричит вдогон: «Беги Юр, беги, только от себя не убежишь, ну нельзя быть таким импотентом во всех делах».

– Да уж. – Кротко вставил я.

– Мне тогда, так папку жалко стало. Это ведь очень обидно.

– Согласен.

– Они потом помирились, через несколько дней. Инициатором к примирению как ни странно стал крёстный, а бабушка присутствовала в качестве парламентёра на переговорах.

– Твои родители, я так понимаю, не очень близки?

– Не очень? Мягко сказано. Я даже не припомню, что бы видела, как они целуются или обнимаются. Банально даже, не улыбаются другу-другу. У твоих ведь не так было? – Поинтересовалась Олеся.

– Даже близко не так. Мои родители постоянно тискались, обжимались. Всё делали вместе. По гостям вместе, корпоративы на работах, тоже вместе, гулять вместе, сходить в банк или за квартиру оплатить, шли так же вместе. И всё в таком ключе. Бывало конечно брехали, не без этого, но в целом как-то так.

– А мы даже когда на море ездили, отца не взяли. Мама сказала: «Пусть работает». Не знаю, стрёмно как-то.

– Олесь, а тебе чего стрематься. Это их жизнь, их отношения. Ты мало того с этим ничего не поделаешь, скажу больше, ты ничего и не должна делать. А по поводу Ильи Петровича, честно тебе признаюсь, я почти сразу срисовал, что он глава семьи.

Олеся слегка улыбнулась:

– Да, ты всё правильно срисовал. Бабушка уже давно не участвует в делах. Она говорит, что ей вообще всё равно,

делайте что хотите, а ей самой до себя.

– Почему бы и нет. Нина Семёновна детей вырастила, на ноги поставила, внучку понянчила, а судя по недавнему обеду, теперь уже и сосватать успела.

На этом моменте мы с Олесей засмеялись.

– Крёстный конечно умеет шороха навести, но сегодня он переплюнул самого себя. Так в краску меня ещё не вгоняли.

– Всё бывает впервые. – Подметил я.

– А мамка сидела, как воды в рот набрала.

– Да, да, да я тоже заметил.

В коридоре послышался топот и через пару секунд дверь в комнату Олеси приоткрылась, без стука и других опознавательных знаков. В узеньком проёме появилась голова Ильи Петровича:

– Ребятки вы здесь не засухарились? Лесь, Кирилл и дома мог в четырёх стенах посидеть, хотя бы вон двор ему покажи, лабиринт наш, свежим воздухом подышите.

Олеся хитро посмотрела на крёстного:

– Скажи честно, ты зашел что бы не на улицу нас отправить свежим воздухом подышать, а прорекламирровать свой лабиринт из живой изгороди.

– О как значит ты думаешь о любимом крёстном. Ну почему сразу прорекламирровать. Запомни Олесенька я не рекламирую, я интегрирую, – потом Илья Петрович обратился ко мне. – Кирюх может пивка?

– Крёстный! – Во весь голос воскликнула Олеся.

– Ладно, ладно, всё, ухожу.

И тут же махнул рукой, указательным пальцем постучал по часам, а затем щелбаном ударил в область шеи. И как я понял расшифровывается это следующим образом: «Ничего страшного, попозже хлобыстнём».

– Вообще то я всё вижу. – Прибавив немного серьёзности в голосе, прокомментировала жестикулирования крёстного, Олеся.

– Всё, всё, всё удаляюсь.

Но тут быстро подхватил я и в ответ Илье Петровичу, одобрительно сложил пальцы в жест окей.

– Кирилл! Ну ты то ещё! – С удивлением смотря на меня, энергично обрубил Олеся.

На этой весёлой ноте, немного похихикав, мы отправились во двор, а Илья Петрович дальше по своим делам.

На улице оказалось действительно классно, свежий воздух, немного леденящий, но очень освежающий ветер, который из далека совсем чуть-чуть, самую малость, доносил запах костра и если не обманывает меня нюх – ещё и шашлыка. До этого мы заходили в дом через гараж, а теперь каким-то образом, по другой лестнице вышли через совсем другое помещение. Ну что тут скажешь, я конечно понимаю лабиринт из живой изгороди, все дела, но как по мне, весь дом был не хуже лабиринта. Чудотворный особняк госпожи Винчестер, полагаю и то менее запутанный, чем Олесено жилище, да что там, сам Минотавр позавидовал бы таким апартаментам, и

при попытке самостоятельно их покинуть, настолько бы отчаялся, что сел бы в тёмный уголок и заплакал. Эпично, другого слова на ум не приходило. Миновав живые изгороди и гараж мы прошли дальше. Участок на этом не заканчивался. Вымощенная дорожка привела нас к стеклянным парникам с коричневыми деревянными рамами. Внутри уже горел свет, хотя на улице было ещё светло. Там усердно копошился человек, при виде нас, он остановился и помахал Олеся. Та ответила кивком, но парень не унимался. Да, именно, молодой парень на вид моего возраста. Его обветренные, шелушащиеся губы, медленно расплывались в улыбке, и чем больше растягивалась кожа, тем яростнее выступал из-под клочков плохо сбритых волос, сильно гиперемированный носогубный треугольник. Немного сгорбившись, он снова помахал, только теперь мне. Весь его вид с нездоровым прищуром, вмещал в себя две совсем кардинально противоположные сущности. С одной стороны, которой, блаженная беспечность, а с другой – опасный блеск. Неплохое сочетание – это молодое дарование, в лице садовода-огородника, умудрилось навести на меня саспенса похлеще Кубрика. Несмотря на странную ситуацию, правила хорошего тона никто не отменял. Я отсалютовал двумя пальцами пареньку в парнике и предвидя уже мой вопрос, Олеся сработала на опережение:

– Я понятия не имею что с ним не так, – в пол голоса, процедила через зубы девчонка. – Пойдём. – Схватив за руку, в сторону поволокла меня Ангел.

Она чётко прочитала мои мысли по этому поводу. Ослабила железную хватку Олеся, только на подходе к беседке и отпустила совсем, при входе в неё. Последующие тридцать минут после этого, не на йоту не сбавили градус неадекватности. На участке по всему двору то и дело шмыгали туда-сюда люди. Я насчитал как минимум с десятков разных лиц и это не считая молодого Кубрика с проблемными губами и двух домработниц. Сначала двое мужчин по несколько раз перетаскивали здоровую лестницу от одной части забора к другой. И вроде, ну что тут такого, помимо того, что они не отрывали от нас глаз и при любом удобном случае, устремляли свои очи в сторону беседки. Ушлые работники ставили лестницу, стояли около неё несколько минут, брали в руки, перемещали в другое место и делали тоже самое там. Другой товарищ подметал подъездную дорожку к гаражу. Чистота – залог здоровья. Похвально. Но он вымел так, что с неё можно было есть. И этим не ограничилось, стоило ему уйти, как на его место пришла женщина и принялась делать тоже, с самого начала. Остальные работники, то появлялись, то снова пропадали в живом лабиринте. На минуту мне даже почудилось, откуда-нибудь сбоку появится камера с режиссёром, который скажет: «Стоп, снято. Отдельное спасибо ребятам из массовки». Все эти люди не выглядели как работники приусадебного хозяйства. Они напоминали актёров заднего плана, для создания, подходящего антуража, а перед съёмкой им сказали: «Попытайтесь вести себя натурально,

ну типа вы работники. Короче народ, не парьтесь и просто создавайте вид какой-либо деятельности». И только в таком случае, во всём происходящем, имелся хоть какой-то смысл.

– Олеся Юрьевна, может вам подать чай или кофе? – Неожиданно раздалось слева от нас.

– Ань, ты как кошка крадёшься, ей богу, – выдохнула Олеся. – И прекрати уже меня называть по имени отчеству, просто Олеся, помнишь, мы же договаривались.

– Хорошо Олеся Юрьевна.

– Ань! При Кирилле можно. И не на «Вы» а на «Ты».

– Хорошо Олесь.

– Ты будешь что ни будь? – Обратилась ко мне Ангел.

Я немного почесав репу выдал:

– Можно кофейку.

– Ну и мне тогда тоже. – Добавила Олеся.

– Кирилл Алексеевич какие-то особые пожелания? – Обратилась ко мне учтиво служанка.

– Да, есть несколько. Первое, просто Кирилл. – Протянул я руку для приветствия.

Служанка продолжала стоять как статуя и вместо меня смотрела на Олесю, будто ждала одобрения. Потом неуверенно начала выпрямлять руку, отчего правый рукав формы немного задрался вверх, оголив предплечье и чёрную татуировку, набитую ближе к запястью. Палочка и три загогулины, такого мне раньше видеть не доводилось, а потому не знаю, что это обозначает. Я сделал вид, что не заметил тату.

– Второе, можно в кофе одну ложку сахара и не хочу наглотать, если есть, ломтик лимона, – так же учтиво попросил я. – Впрочем мы с Олесей сами можем сходить всё навести.

– Нет, нет, нет. Сидите. Я сама всё сделаю. – Быстро отговорила меня женщина.

Напирать я конечно не стал. Служанка собралась уходить, но мне нужно было задать ещё один вопрос:

– Анна ещё один момент. Не подскажите, что делают все эти люди? – Не глядя указал рукой в сторону двора.

– Какие люди Кирилл? – Спокойно уточнила женщина.

– Ну как...

Я обернулся и густо оживлённый двор, теперь совсем опустел. Даже паренёк в парнике, исчез.

– Амम्म... Не важно, забудьте.

Служанка отправилась за кофе, а мне в геометрической прогрессии, становилось не комфортно. В обиход вступало золотое правило моей жизни. Если утро хорошее, то вечер напротив, пройдёт крайне скверно. И так же в обратном порядке. Обстановка накаляла. Либо в кураже последних дней, я окончательно стал параноиком и подозрительной совой, либо дело действительно пахло керосином. С того момента, как мы вышли во двор, Олеся стала особенно молчаливой и в её движениях прослеживалась нервозность. Она дрыгала коленом и постоянно потирала руки и остановилась в тот момент, когда принесли кофе, с разными печенюшками. Из бокалов по всей беседке расплывался запах свежего помо-

ла, терпкий и ароматный. Спустя некоторое время в воротах показался Александр Михалыч, а ему на встречу вышел Олесин папа. Они оба направились к гаражу, как я понимаю, осматривать сломанный Рено Логан. Мы лишь успели допить кофе, как по двору раздался рык мотора легковушки и сосед отряхивая руки, принимая благодарности от Юрия Николаевича, удалился, гулко захлопнув за собой металлическую дверь.

Порядком успело потемнеть и за одно похолодать. И если первое бросалось в глаза, особенно на фоне, по очереди зажигающихся фонариков по всему двору, то второе едва ощутимо, в силу застеклённой и отапливаемой беседки. Сквозь толщу стекла, слышался звук. Мы с Олесей незамедлительно отреагировали. Я вопросом:

– Что это?

Она одновременно со мной, словом:

– Капец. – При этом звонко хлопнув себя по лбу.

Я встал и открыл одну из створок беседки настежь и приглушенный звук, трансформировался в мелодию. Только она исходила не из колонки или граммофона, а от людей. По очереди, в центр вымощенной дороги, ведущей к гаражу, выходило по одному человеку, добавляя тихо начинавшейся песне, ещё больше звучания. Они прибывали с интервалом секунд в тридцать и ловко без заминок, попадали в такт. Всего в ноябрьском сумраке при свете красных фонариков, собралось шесть человек. Закинув головы кверху, устремившись

к небу, певцы лихо голосили.

– Траурная песня, реквием по душе, которая не вернётся в земные чертоги. – Шёпотом произнёс я.

Нота за нотой, возбуждали во мне недавние воспоминания.

– Я уже слышал эту песню.

Со стороны могло показаться, что всё моё внимание устремлено на поющих. На самом деле я их не видел. Перед глазами мелькала картина мертвенной тьмы, из того самого сна, в котором впервые в моей жизни появился «Незнакомец».

– Ты не мог раньше слышать эту песню. – Утвердительно заметила Олеся.

– Мог, – гнул, я свою линию. – В тот день когда мы впервые с тобой встретились, во сне, перед самым появлением «Незнакомца», звучала эта песня.

Ангел подошла сзади и положила дрожащую руку на моё плечо.

– Эта песня исполняется только в нашей семье.

Я повернулся, пронзая Олеся холодными глазами.

– С этого места поподробней!

Девушка убрала руку и немного отстранилась.

– Это одна из традиций в нашей семье. После смерти, в течение девяти дней проводятся песнопения. Они начинаются с запевания непосредственно в день смерти, одним человеком и заканчивают в конце пением девятерых. Сегодня их

шесть, потому что прошло ровно шесть дней со дня смерти бабушки Клавы. С другой подобной традицией, ты уже сегодня сталкивался. Поминальные обеды. Так же проводятся в течение девяти дней.

– А люди что сейчас поют, тоже члены вашей семьи?

– Ну, да, но не совсем.

– Олесь, кто вы на самом деле?

– Мы... у нас не совсем обычная семья.

– Вы сектанты? – Пошёл я на прямую

От последнего вопроса, Олесю слегка перевернуло.

– Хорошо давай перефразирую вопрос. В чём заключается необычность твоей семьи?

Ангел собралась с духом, выдохнула и начала:

– Считается, что наш род берёт своё начало от далёкого предка, Старшего сына Адама и Евы – Каина.

– Это тот самый Каин, что убил своего брата? – Уточнил я.

– Да. Наш род тянется по факту от первого человека убийцы на Земле.

– Но разве родословная Каина не обрывается на Всемирном потоке?

– В нашей семье считается, что нет. Когда Каин убил Авеля, он предстал перед Господом в раскаянье за свой поступок. Но Всевышний не мог простить Каина и нарёк на него и весь его род, вечную кару. И сказал, что потомки от крови к крови твоей, не сойдут с лика земли во веки веков до самого судного дня. Но даже в таком случае, не попадут они в цар-

ствие небесное и после смерти, а будут бороздить пространство между небом и землёй. Поэтому считается, что предки выжили во время Всемирного потопа, так как сам Господь Бог исключил их гибель. Не подумай ничего плохого – это история нашей семьи и слышала я её от бабушки тысячу раз, а потому рассказываю, как запомнила.

– Ясно. Но что насчет этих людей?

– Это последователи и единомышленники. Мы помогаем друг-другу при жизни и им не безразлично наше существование после смерти. Они хорошие люди и тоже наша семья. Мы не секта, не берём пожертвований, никого насильно не держим. Эти люди здесь по собственной воле и желанию.

– В чём тогда смысл песнопений? – Я заваливал Ангела вопросами.

– Так как мы не можем попасть в чертоги Господа, Каин нашёл в загробном мире место, где собирает всех своих детей. Для того что бы, душа не потерялась после смерти, проводятся песнопения. Дух умершего родственника приходит на пение, как правило первого голоса, остальные нужны для того бы сам Каин, услышал и отыскал дорогу. На девятый день он является и забирает усопшего с собой. А поминальные обеды служат для того что бы, дух напитался силой перед долгим путешествием.

– Почему в таком случае, не выпустить петь всех с первого дня?

– Забавно, я тоже самое спросила у бабушки. На что она

ответила. Этот ритуал нацелен на призыв духа и если выпустить петь сразу всех, то на такой громкий зов может откликнуться не тот дух.

– Не тот дух, – повторил я. – В смысле злой?

Олеся в подтверждение моих слов, молча кивнула головой. От подобного рода информации у меня сорвало крышу, взорвало мозг и подгорело в причинном месте.

– А ты ещё удивляешься, почему у тебя кошмары. Тут без Безликого начнешь заикаться. – Язвительно заметил я.

– Вот поэтому я и не хотела тебе говорить. Думаю, по той же причине молчала, и баба Клава. Такое тяжело рассказывать.

Мне вдруг стало стыдно за свою последнюю фразу. Зачем я начал язвить? Олеся к концу диалога совсем поникла и опустила голову. Я присел к ней и сказал.

– Прости меня за то, что я ляпнул и спасибо, что всё рассказала. Я знаю тебе было трудно идти на такие откровения.

– Я боялась, когда ты обо всём узнаешь, начнешь меня сторониться и ненавидеть.

– Олесь, я по своей природе не способен тебя ненавидеть. Потому что...

Во дворе раздалась отборная брань. Да это был Илья Петрович, и он разгонял толпу фанатиков, но зачем? Ведь со слов Олеси – это важный семейный обряд! Для чего? Ответ только один: Я не должен видеть, то, что увидел. Тогда возникает закономерный вопрос: почему мне нельзя это видеть?

– Что происходит? Почему он так разозлился, что они сделали не так, разве это не обычаи семьи? – Произнёс я, мысли вслух, сам того не замечая.

– Я не знаю! Не знаю! Их будто всех подменили! Чего они добиваются? Я так больше не могу, что происходит? – Не выдержала Олеся и разразилась истерикой. – Зачем? Зачем они это всё делают? – Девчонка крепко вцепилась в меня, уткнулась головой в грудь и начала всхлипывая рыдать.

– Прости! Прости меня, Кирилл! Я не хотела, чтобы так получилось! Я не понимаю!

Я обнял Ангела, прижал её голову к своей груди и прошептал:

– Не бойся, я во всём разберусь, главное успокойся, нельзя что бы тебя видели в таком состоянии, постарайся держать себя в руках.

Олеся продолжала рыдать уткнувшись в меня и будто не слышала, что я ей говорю.

– Вот голубки, не на минуту нельзя оставить, – раздался хриплый голос из ноябрьских сумерек. – Не успели поговорить, а они уже тут милуются! – Саркастично продолжал Илья Петрович.

Олеся резко успокоилась и перестала дрожать, приподняла свою голову, взглянув мне прямо в глаза и тихо прошептала:

– Не надо!

– Ребят я конечно всё понимаю, любовь-морковь, но Ки-

рюх ты мне уже сегодня пообещал, а слово как говорится не воробей. – Продолжил давить Илья Петрович.

– А кто сказал, что воробей? – Отреагировал я, прижимая сильнее к себе Олеся.

– Лесь, да отпусти ты его на вечерок со своим крёстным, хлобыстнём пивка, да верну я его тебе в целости и сохранности.

Олеся сильно сдавила меня в объятьях, а потом резко отпустила, выдав:

– Ну вы мужики, вам конечно виднее!

– Да не дуйся ты, всё нормально, посидим с Кирюхой чутка и всё, а у вас, бог даст, вся жизнь впереди. – Продолжал настаивать крёстный.

Я наклонился к уху Ангела и прошептал:

– Все будет хорошо!

Она мне кивнула, набравшись решимости и проявив актерский талант выдала:

– Ладно, ладно идите!

– Ну раз возражений нет, то погнали. – Илья Петрович побратски кинул мне руку на плечо и повёл за собой.

Я украдкой взглянул на Ангела и поддавшись воле крёстного последовал вместе с ним.

– Кирюх я конечно люблю свою племяху, но бабы есть бабы, им нас не понять. Не пойми не правильно, но мужикам тоже нужно отдохнуть, поболтать.

– Согласен! – Поддержал я Илью Петровича.

– Ну вот и ништяк, сразу видно нормальный пацан, у Леськи прям глаз – алмаз.

Я безропотно проследовал за Ильей Петровичем, через все кулуары дома и попал в кабинет.

– Располагайся, это мой офис, хочешь на кресле, хочешь на диване.

Да, кабинет Ильи Петровича, как и все части дома был роскошен, в центре стоял ажурный стол, видимо сделанный на заказ, с обеих сторон окружённый коричневыми офисными креслами, а по периметру располагались шкафы и кожаные диваны, что тут добавить, прям место главы корпорации из американских фильмов.

– Я пожалуй, на диванчик. – Сразу определив себе место, ответил я.

– Отличный выбор! – Достав от куда то пару банок пива, поддержал меня хозяин кабинета, вручил одну мне и дождавшись, когда я сделаю первый глоток, сразу напал:

– Кирюх ну что, как тебе Леська? – Сразу впрямую начал Илья Петрович.

– По-моему я уже отвечал на этот вопрос.

– Ты не подумай чего плохого, я вроде бы человек не посторонний, как бы беспокоюсь за племяху, у тебя это серьёзно?

Я глотнул пивка из банки и ответил:

– Ну хотелось бы!

– Что значит ну? Как-то не уверенно ты отвечаешь.

– Зачем вам это нужно? – Ответил я впрямую вопросом на вопрос.

– Как это зачем, Леське ты нравишься, сразу видно. Мне нужны гарантии.

– Я не про себя, я про вас, зачем вам так хлопотать, вы видите меня второй раз в жизни, а уже готовы крестницу чуть ли не замуж выдать.

– Ну так я заметил, как вы во дворе обжимались, вот и интересуюсь на сколько ты серьёзен, а то я знаю таких: по-матросил и бросил, сам таким был.

– А что уже случались прецеденты? – Попытался я перенаправить разговор в другое русло.

– Вот именно! Был тут один ухажер ниочёмный, не помню как звать, бегал тут за Леськой, в дом даже вхож стал, а потом взял и срулил. Прошла любовь, видите ли.

– Ну может он испугался?

– Именно, ответственность на себя брать. – Продолжал крёстный гневно унижать бывшего парня Олеси.

– А может он ваши семейные обычаи испугался? – Уже слегка поднабравшись пивка и пропорционально выпитому ещё и смелости, я начал бить не в бровь, а в глаз.

– Ты о чем Кирюх, каких ещё обычаев?

Тут я понял, что просчитался, видимо информация, которую мне рассказала Олеся, всё-таки конфиденциальная, но зачем тогда приглашать меня, раз не хотите, чтобы об этом кто-то знал, надо быть поосторожнее, но всё же разобраться,

что тут происходит.

– Да я про обед сегодняшней, насколько я знаю, поминки собираются на девятый день, как-то вы рановато их провели.

– А вон ты про что, да не парься, это просто мамина прихоть, уж очень она любила тётушку, да и я не против, можем себе позволить. – Илья Петрович слегка улыбаясь следил за моей реакцией.

Я же поймав его на откровенном вранье и состряпав такой покерфэйс, которому позавидовал бы даже Адриано Челентано из фильма «Ас», продолжил:

– Да прислуга у вас тоже, какая то странная, песни какие-то поют.

И попал прямо в цель, Илью Петровича даже еле заметно дёрнуло, видимо совсем неудобный вопрос. Он на мгновение отвел свой взгляд влево, придумывая, что мне ответить и слегка посмеявшись выдал:

– Да не обращай внимания, они просто не в адеквате, воюю с ними воюю, ни как всё не избавлюсь от их замашек. Ты то надеюсь не испугался?

– Нет, просто первый раз вижу что-то подобное в жизни, поэтому и поинтересовался, как будто в секту попал.

– Да хватит тебе, какая секта, работники просто хорошие, исполнительные, сейчас таких сложно найти, единственное с прибабахом слегка, мы уже привыкли, и ты привыкнешь, если конечно твои намерения серьёзные.

– Со всем уважением Илья Петрович, намерения мои мо-

жет и серьёзные, но Олеся же не товар какой и не рабыня, что бы так просто распорядиться её жизнью, я конечно понимаю, что Вы глава семьи, но всё равно это не даёт вам права решать за неё. – Осушив вторую банку пива и чувствуя себя крайне смело ответил я.

– Ой завязывай со своим правдолюбием. Скажи прямо: Любишь? Нет? – Контратаковал крёстный.

– Люблю! – Признался я. – Однако с вашими методами всё равно не согласен.

– Ну вот, с этого и надо было начинать, а то всё вокруг да около, клещами из тебя вытаскивай. Ей богу как двоечник на экзаменах, – отчитал меня Илья Петрович. – Ты знай Кирюх, я вас благословляю и всегда поддержу, если что. Можешь смело обращаться ко мне.

Наш пьяный разговор продолжался ещё пару часов, за это время, уже изрядно поддав, мы успели обсудить политику, машины, российское кино, рыбалку, компьютерные игры, посмотреть пару роликов на ютубе, пообниматься, двадцать раз пожав друг другу руки и окончательно побратавшись сидели в обнимку на диване:

– Не, ну ты слышал...

Вдруг в дверь кабинета постучались, прервав очередную пьяную реплику Ильи Петровича, и в проёме показалась Анастасия Петровна.

– Мальчики вы не находите, что вам пора закругляться, – скрестив на груди руки и строго смотря, начала отчитывать

нас Олесина мама. – Илья ты про завтра не забыл?

– Да не кипятись ты Настюх, всё я помню, уже расходимся.

– Что-то я не наблюдаю. – Продолжила давить Анастасия Петровна.

Илья Петрович грузно поднялся с дивана и с некой досадой вымолвил:

– Ладно Кирилл, рад был пообщаться, но сеструха права, пора в люлю.

Я пошатнувшись, покинул кабинет Ильи Петровича. На выходе расспросил у мамы Олеси, как добраться до комнаты её дочери. Та, коротко обрисовала маршрут, дополнительно приложив к нему дорогу до гостевой спальни, где мне постелили. Я слегка шмыганул носом, мило улыбнулся на сколько это возможно и ответил:

– Мерси, но спасть я буду с Олесей в её комнате.

Анастасия Петровна, шокированная таким поведением, слегка приоткрыв рот, смотрела на меня. Но возражать человеку, который пусть и не сильно, но уже пересёк золотую середину, сродни борьбе с ветряными мельницами. Крайне непродуктивное и затратное по времени предприятие. А потому не стала. Блукать мне не пришлось и на Олесену дверь я наткнулся почти сразу. В комнате горели светодиодные гирлянды, брошенные по плинтусам и работал телевизор. Ввалившись, я гладко пилотировал, приземлившись на край двуспальной кровати. Олеся завидев моё мастерски выпол-

ненное планирование на брюющем полёте, оторвалась от ТВ и перелезла ко мне.

– Ну как всё прошло? – Оторопело выпалила девчонка.

Я искренне хотел ответить на бесспорно важный вопрос, но всё внимание приковала к себе, не менее безотлагательная проблема. Сухость во рту или сушняки, самое противное посталкогольное явление, уступающие разве только стыдливым воспоминаниям на утро. Но это будет потом, а сейчас я безуспешно пытался синтезировать немного слюны в обезвоженном организме.

– Олесь, а нет ничего попить?

– Сок будешь? – Предложила Ангел.

– А простой водички нет?

– Сейчас принесу. – На ход ноги сказала Олесья и выско-
чила за дверь.

Немного погодя, она вошла обратно в комнату со стеклянной бутылкой минеральной воды без газа. Напиток Богов, нектар жизни, источник воды живой – всё по определению вмещала в себя минералка. Утолив одну из низших потребностей пирамиды по Маслоу, я переключился на Олесин вопрос. Девчонка снова забралась на кровать и не отрываясь, с любопытством следила за моим поведением.

– Ты такой чудной, когда выпивший.

– Сильно, да?

– Есть немного.

– Так, а теперь по поводу того, как всё прошло.

И начал я свою короткометражную историю с менее интересного, но более весёлого повествования о том, как осушив несколько банок пива к ряду, мы с Ильёй Петровичем дискутировали и вели обсуждения на темы из разных аспектов жизни. Это небольшое путешествие в мир пьяных разговоров, забавляло Олесю, но лишь до тех пор, пока русло прекрасного далёка, не повернуло к менее радужным истокам, у основания которых лежала ложь. Мне пришлось поведать, как Илья Петрович лихо съезжал с диалога, о необычном поведении, его якобы работников, ссылаясь на то что они исполнительные люди, но малость не адекватные. Его информация разнилась с той что была предоставлена самой Олесей ранее. И если я допускаю тот факт, что Клавдии Семёновне действительно было не с руки о таком рассказывать, то с Ильёй Петровичем это же допущение не работало. Почему? Потому что в таком случае, меня не стали бы сюда приглашать. Но меня позвали от лица всей семьи, значит он рассчитывал на то что я увижу гала-концерт его тёпленьких подручных. А раз так, то вектор лжи, исходящий от Ильи Петровича, имеет вполне осознанное направление, в конце которого стоит конкретный результат.

– Это не похоже на крёстного. – Озадаченно подытожила Олеся.

– Олесь, я не хочу обижать тебя и уж тем более твою семью. Я просто проанализировал ситуацию, исходя из последних событий. Больно уж всё скользко. Не думай, что я пы-

таюсь уличить кого-то во вранье. Но факт остаётся фактом, мне врут и делают это в открытую. Малость неприятно. Ты и сама заметила сегодня, что все какие-то странные. У всего есть мотивы и причинно-следственная связь, просто нужно понять откуда растут ноги. -Попытался мягко округлить, последнюю тему.

По Олесе стало видно, ей жуть как не нравится происходящее и тот не оспоримый для неё самый факт, что я прав.

ГЛАВА 12. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА. КИРИЛЛ

Я пробудился, тяжело дыша. В тишине тёмной комнаты, беззвучно мелькали картинки с телевизора. Старый мужчина в очках, со скрипкой в руках, на английском языке давал интервью японскому каналу World Japan. Я приложил руку к груди и почувствовал, как сердце отбивает лёгкую тахикардию. Думаю, ударов девяносто или девяносто пять. Я нащупал между подушками Олесин телефон, достал и посмотрел время. Три часа ночи, кто бы сомневался. На заставке рабочего стола андроида, помимо часов, стояла моя фотография из контакта, вместо предыдущей картинки с пейзажем. Когда Олеся успела её поменять? Ладно, не важно. В довесок к участившемуся сердцебиению, никуда не пропала непреодолимая жажда. Я аккуратно встал с кровати что бы не потревожить Ангела и подошёл к окну. Глубокая ночь охватила рабочий посёлок, погрузив жителей, от мала до велика, в свои сны. И лишь нарастающий ветер, что пронизывал го-

лые ветки деревьев, так же, как и я, беспокойно шараялся по новорождённым суткам тринадцатого ноября. Ангел заелозила на кровати, в четной попытке нащупать меня рукой, и открыла глаза.

– Прости, я тебя разбудил? – Произнёс я, стоя у подоконника.

– Ты чего не спишь? – Сонно поинтересовалась Олеся.

– Пить захотел. Да и так, после пива, тахикардия небольшая. Ну и всё наверно.

Олеся зевая и потирая лицо ладонями сказала:

– Так всё или наверно?

– Сон неприятный приснился.

Олеся услышав про неприятный сон, резко активизировалась:

– Расскажешь?

– Да. Но для начала мне бы горло смочить. Сходишь со мной за водой? Я могу конечно один, но боюсь в таком случае вернусь только на рассвете. Знаешь, будет как во Властелине Колец. Ждите меня с первым лучом солнца. Я приду на пятый день, с востока.

Олеся хихикнула.

– Хорошо, пойдём Гендальф Белый. – Поправляя тунику, вставая с кровати, сказала Олеся.

Мы вышли из комнаты. На протяжении всего пути, дом прибывал в спокойствие и умиротворении. По всюду мягко горели ночники или специальные панели. В коридорах не ду-

ши, не шороха, не единого звука. Магия ночи во всём своём великолепии. На кухне тускло подсвечивался гарнитур и массивный, серебристого цвета с распашными дверями, холодильник. Олеся заняла место за шкаф-столом, в центре просторной кухни и в полголоса сказала:

– Вон холодильник, что найдёшь – всё твоё.

Это конечно хорошо, но всё мне не требовалось. Только попавшиеся под руку клубника, фанты и минералка. Лимонад я сразу налил по бокалам, а вот минералочку, оставил на дорожку. Хоть Ангела не мучили сушняки, она с большим удовольствием, осушила стакан и последовав моему примеру, принялась за свежую ягоду.

– Расскажешь сон? – Напомнила девушка.

– Конечно, – одобрил я. – Только сразу предупреждаю, сон не очень приятный.

– Ты ведь на самом деле из-за него проснулся?

– В большей степени да. Мне снилась старая квартира, где я раньше жил с родителями. Сон начался с того, что я стою в коридоре. Вокруг меня тьма, ничего не разглядеть, но при этом я прекрасно ориентируюсь. Вдруг пространство вокруг начинает покрываться светом. Но это явление ограничено небольшим диаметром, за гранью которого до сих пор темнота. Я делаю шаг вперёд и пространство справа начинает оживать, проём ведущий на кухню до какого-то момента отрисовывается. Слышно, как на кухне кто-то возится, лязгает посуда, но мне туда не надо, у меня есть конкретная цель. Я

делаю второй шаг, и стена слева обретает цвет. Делаю ещё один, останавливаюсь и вижу свою комнату. Часть не заправленной кровати и гриф старой отцовской гитары. Я прекрасно помню, как самостоятельно пытался научиться на ней играть, но в процессе порвал нижнюю струну и в итоге забросил это гиблое дело. И вот наконец зал. Именно сюда, мне нужно было попасть. Я остановился напротив дивана, на котором спали родители. Глянул на настенные часы, время двадцать минут второго. Из мрака, снова покрывший коридор, выходит мама. Бледная, с огромными синяками под уставшими глазами и цианотичными губами. Она запинается, задевая ногой пустую бутылку из-под шампанского, стоящую там с самого дня её рождения. Садится на скрипящий диван и приложив правую руку к сердцу, дрожит, качаясь взад-вперед. Она начинает задыхаться и хватать воздух ртом. Облокачивается на спинку дивана и медленно сползает к подушке. Тело последний раз дёргается и всё, конец. А я стоял напротив, наблюдая, как маска смерти покрывает мамино лицо. Не страха, не горечи, не жалости – лишь чувство глубокого одиночества. Затем присел на корточки и пальцами дотронулся до вытянутой руки, смотря в мёртвые зрачки её мутных глаз. После чего проснулся, – я сильно вздохнул. – Вечером, именно в такой позе я её обнаружил, – проглотив огромный ком стоящий поперёк горла, я сказал. – Почему она не позвонила, не сказала что ей плохо?

Олеся растерянно смотрела на меня, пытаясь подобрать

хоть какие-то слова:

– Кирилл, позавчера в Балашове, на кухне, я не всё рассказала. Ты говорил, что поднявшись на этаж, у двери столкнулся со мной, но я вместо тебя, видела Безликого.

После этого, Олеся коротко разложила о встрече с женщиной по имени Ольга. По всему сказанному становилось ясно, Ангел встретила с моей мамой. Но для того чтобы совсем убедиться, я нашел в интернете единственное фото, где присутствует мама и дал задание найти нужного человека. За три секунды, на групповом снимке, Олеся нашла человека, которого при жизни ни разу не видела.

Облокотившись на мраморную поверхность стола, я медленно почёсывал недельную небритость на лице, задумчиво всматриваясь в лопающиеся пузырьки газа в прозрачном стакане, с недопитой Фантой. В итоге стакан сменился кружкой, лимонад – чёрным кофе, а пузырьки – паром, играючи струящимся с поверхности утреннего напитка. Нет, конечно мы не просидели всё время на кухне, дожидаясь запоздалый рассвет мокрой осени. После ночных посиделок, ушли спать, правда глаз сомкнуть не удалось, обнявшись молчали не о чём, потом были якобы разбужены мамой семейства и отправлены на кухню пить кофе, где и обнаружили себя в тех же самых позах, с теми же выражениями лица, что и несколько часов назад.

– Чего такие постные? – Заметил Илья Петрович.

Крёстный вошёл не заметно, совсем без звука, а за ним

вкатился Юрий Николаевич. Первый разглядывая наши несъедобные лица, плеснул себе кофейку и не дождавшись ответа, отправился на выход.

– Через пятнадцать минут, чтоб были готовы и стояли перед гаражом.

– Хорошо. – Без особого энтузиазма, равнодушно отреагировала Олеся, даже не поворачиваясь к собеседнику.

Второй крихтя, будто ему не сорок с лишним, а сто сорок с хвостиком, уселся к нам на чашечку горячего, ободряющего кофейка. И нет бы подойти, взять бокал и налить самостоятельно, стал ждать, когда на него обратят внимание служанки Аня и Света. За ночь, лицо Юрия Николаевича приняло красноватый оттенок и нездоровую припухлость. Олесин отец вызывал необъяснимое отвращение. Усугубило неприязнь, то как мужик нагло рассматривал филейную часть работницы. Он не стесняясь дочери, похотливым взглядом вождеделел ближнего своего и ближний этот не являлся женой зрелого самца. Олесю это не повергло в шок, от подобной эротики её вид наливался бешеным гневом.

– Ань, ну я долго буду ждать? – Продолжал ворошить жерло вулкана Юрий Николаевич.

– Извините, я вас не заметила, – робко подошла Анна и положила руки на стол. – Что желаете?

– Я желаю...

Олесин папа потянулся к рукам Анны. Не знаю, что меня дёрнуло, но я резким движением, остановил ладонь Юрия

Николаевича.

– Анна, можешь идти заниматься своими делами, я сам налью Юрию Николаевичу кофе. – Проговорил я на имени Анна более мягко и на имени Юрий Николаевич более твёрдо, расставляя акцент.

Та сразу отступила назад. Юрий Николаевич не успел отреагировать. Со своего места как фурия вскочила Олеся, стул отлетел в сторону. Она бешено смотрела на отца:

– Пусть сам себе кофе наливает, слишком много чести. – Вспылила девчонка и размахом шарахнула по кружке из которой пила, дёрнула меня за майку и рывком вывела из кухни.

Мы остановились в гардеробе. Олеся не могла успокоиться, её порядком трясло и лихорадило. Она сжимала и разжимала кулаки напрягая пальцы.

– Какая же стыдоба, какая же стыдоба, совсем оборзел. – Прочитала девушка.

Я предпочёл не вмешиваться, пусть немного остынет и выбрал правильную тактику. Через пару минут Ангела отпустило:

– Я в норме, в норме, – вытерла глаза девушка. – Так, давай одеваться, а то крёстный ждёт.

– Мне бы для начала майку сменить. – Теперь подключился я.

Олеся посмотрела и немного засмеялась. С той стороны, где Ангел меня дёрнула, майка у рукава пошла по швам, а

на животе остались следы от кофе.

– Боже, прости. – Застыдила себя Олеся.

– По крайней мере кофе был свежий. – Разрядил я.

Через несколько минут, мы стояли под открытым небом и ловили макушками голов, капли дождя. Если вчера погода пестрила лучами и давала надежду на хорошее продолжение до конца ноября, то теперь становилось понятно, солнечный день лишь небольшое вкрапление в качестве исключения. Сезон дождей не собирался заканчиваться, вплоть до матушки зимы. Нас собралось четверо. Анастасия Петровна, крёстный, Олеся и я. Только сев в машину нам огласили, куда двигается экипаж. Оказывается, наш путь лежал на местное кладбище, где покоится Клавдия Семёновна. Мы с Олей смутились спонтанной поездке к последнему пристанищу бабушки, но вдаваться в подробности не стали, тем более что мне стоило посетить её могилу пусть и сейчас.

Машина вылезла со двора, выскочила на Калинина и начала ход по рабочему посёлку. Дворники периодически сгребали накопившуюся влагу на лобовом стекле, женщины с собачкой пересекали дорогу, встреча моргнула фарами и по-сигналила, трое мужиков тягали с места заглохшую «Девятку», а товарищ на велосипеде пытался удержать руль и не свалиться в грязь на обочине. Мимо пролетела скорая на лихом форсаже, завернув на Народный переулок.

– Здесь есть скорая? – Недоумённо спросил я, не ожидая такой прыти от посёлка.

– Конечно. И не только скорая. У нас и больница своя имеется, довольно неплохая. – Поддержала разговор Анастасия Петровна.

– Не дурно.

– Ты думал хуже будет?

– Намного.

– Романовка считается райцентром, поэтому здесь есть всё по чуть-чуть.

Автомобиль плавно набирал ход, заходя в небольшую горку.

– Надо было вам раньше сказать, что на кладбище поедем, я хоть бы цветы купил.

– Не волнуйся, мы обо всём позаботились, – не отвлекаясь от маршрута произнёс крёстный. – В багажнике лежит два букета, один ты положишь, другой Леська.

– Чего мы сегодня попёрлись? – Небрежно спросила Ангел.

Несколько секунд вопрос оставался открытым. Илья Петрович кашлянул.

– Дальше некогда будет.

– Намечается что-то фееричное?

На этот вопрос, ни крёстный ни Олесена мама отвечать не стали, дружно проигнорировали, будто ничего не слышали. Илья Петрович уходя от ответа, настроил волну «Дорожного радио», где после проигрыша, продолжился третий куплет песни «Ты не один». Хит старенькой, но проверенной вре-

менем группы «ДДТ». На моменте где поётся «...нам мерещится дым, ты уехал за счастьем, вернулся просто седым...», Илья Петрович громко вздохнул. И вздохнул, не как личность, убегающая от ответа или семьянин, хранящий тайны клана, или работяга тянущий ляжку за тех, кого приручил. А как человек, который однажды сел в машину, включил радио и услышал слова любимой, но давно забытой песни. И для себя осознал простую и страшную истину – он дико устал, и устал до такой степени, что не в силах вспомнить название этой самой песни.

Проехав мимо вывески «РИТУАЛЬНОЕ АГЕНСТВО. ПАМЯТЬ», Илья Петрович припарковался, достал цветы и жестом указал на вход: «Мол пойдёмте». Одна ставня ворот немного дребезжала, издавая скрипучий, монотонный звук, к нему добавлялся не стихающий, ледяной сквозняк, сошедший с громового поднебесья. Анастасия Петровна остановилась, перекрестилась и прошла вглубь, за ней устремилась Олеся, стараясь не отставать от мамы и смотреть ей в спину не оглядываясь по сторонам. Обычная картина Российских кладбищ. Железные оградки, да деревянные лавочки, скошенные, сваренные из труб кресты, выкрашенные белой краской. Выцветшие от времени и погоды венки с надписью: «*Любимому папе*», «*Спи спокойно, доченька Ирина. Память о тебе всегда жива*», «*Спасибо за то, что был рядом. От жены и детей*». На одной могилке стоял памятник с выбитой в ручную подписью: «*Тише деревья, вы не шумите, ма-*

льшка спит – её не будите» – АНГЕЛИНА РОСТИНА
07.03.2010. – 04.10.2017. Усыпальница семилетней Ангелины находилась как раз между двумя молодыми берёзками.

– Это дочка Витьки Ростина, сварщик от бога, да только глотка широкая. По пьяни решил жену с дочкой, как он любил говорить, уму разуму поучить. Начал колотить супругу при ребёнке, та убежала, решила спрятаться во дворе от пьяного отца. В общем, когда спохватились, искали-искали и нашли через пару дней в собственном колодце. Плавала вместе со своим любимым котёнком Тошкой. Так и похоронили её в месте с любимым питомцем. Шуму было тогда в Романовке. Я их с женой Алёнкой, хорошо знал. Мне когда рассказали о произошедшем, помню приехал к ним домой и хорошенько вмазал Вите, сказал, чтобы он уезжал с Романовки, а то его люди на вилы поднимут. Бедная Алёнка, мы её с мужиками на поминках еле успели из петли вытащить.

– А что с ними потом стало? – Поинтересовался я.

– С Витей не знаю. А Алёнке предлагали с домом помочь и к маме отправить в Архангельск, но она не захотела, сказала её место здесь, с дочерью. Иногда навещаю её.

– Вы чего там встали? – Донеслось эхом из далека от Анастасии Петровны.

– Идём уже, – выкрикнул обратно крёстный. – Пошли. – Скомандовал Илья Петрович.

Мы зашли чуть ли не с центра кладбища, дойдя до развилки повернули направо, углубились ещё немного и прошли

за чёрную, размером по пояс узорчатую ограду. Отсюда начинался длинный коридор могил, расположенных в два ряда друг против друга. Монументы, мини статуи, стелы, гранитные резные памятники с изображениями усопших, кресты из красного дерева, клумбы под искусственные цветы, выгравированные изречения мудрых на плитах, украшали места упокоений. Настоящий город без окон.

– Здесь лежат наши. – Осматриваясь по сторонам, сказал Илья Петрович.

Ближе к концу погоста, располагалось место погребения Клавдии Семёновны. Под завалом живых цветов, виднелся бугор. Совсем свежая могила, хорошо выступала над общим уровнем земли так как ещё не успела осесть. Я подошёл к кресту с единственной табличкой, аккуратно возложил две синие розы. За мной прошла Олеся и сделала тоже самое. А дальше не слова, не одного лишнего движения, только шелест траурной ленты, поющей на одиноком ветру.

Непогода окончательно разбушевалась, наблюдать за капризами природы оказалось куда комфортнее из окон дома, нежели из салона авто. Теперь, когда мы вернулись, нужно было придумать чем себя занять остаток дня. Олеся предложила экскурсию по дому, а я начать её в комнате с картинами. После непродолжительных препираний со стороны Ангела, мы всё же последовали моей просьбе. Олеся шла аккуратно, заглядывая в то место, где вчера появилась тень. Находиться в этом помещении вдвоем, намного неприятнее,

чем с остальными членами семьи. Тишина покрывала комнату, обостряя неприветливость антуража. У Олеси запела телефонная трубка.

– Мама звонит. – Сказала недоуменно девчонка.

– Ответь, может потеряла нас.

Олеся ответила на звонок и после нескольких секунд, улыбаясь положила мобилку, в карман туники.

– Мама попросила подойти на пару минут по личному делу. У неё закончились, скажем так, средства личной гигиены.

– Оу, – и поняв окончательно, о чём идёт речь, ещё раз добавил. – Оу.

– Ну да. Она попросила свои одолжить.

– Я понял.

– Я мигом. Хорошо?

– Конечно. Я тут пока картины посмотрю. А как вернёшься, дальше продолжим экскурсию.

Олеся выскочила из обеденной, оставив меня наедине с живописью. Все картины представляли из себя одну и ту же тематику. Портреты людей, мужчин и женщин разных возрастов. Я проходил по кругу всматриваясь в лица тех, кого искусно запечатлели на полотнах. И на что уж я не люблю изобразительное ремесло, в полной мере, ощутил мастерство художника. Интонации, эмоции, выразительность и индивидуальность каждой написанной картины. Не единого лишнего мазка, написавший точно знал, когда остановиться. Одно за одним, произведения мелькали перед моим взором.

Из-за недостатка света, пришлось чуть ли не вплотную приглядываться. После портрета пожилого мужчины, я перешёл к последней картине в ряду. Меня пробрало молнией до онемения кончиков пальцев. Я отступил резвым движением назад, врезавшись пятой точкой в массивный стол, не отводя взгляда от увиденного. С огромного портрета на меня смотрела баба Клава. Та баба Клава, какой она мне запомнилась в последние дни её жизни. До чего натурально, не естественно натурально. Или разыгралось моё воображение или действительно автор смог вложить в образ Семёновны, ожидания скорой собственной кончины на предсмертном старческом лице. Я отвернулся и онемел окончательно, заметив в противоположной стороне движение. Пора столкнуться с неминуемым, предупредил меня разум. По полу блеснула тень и сразу за ней вышел паренёк из теплицы, тот что запомнился мне обветренными губами.

– Блин, ты чего меня так пугаешь? – Громко забасил. – Я тут чуть крестиком ноликом от страха не сложился.

Паренёк медленно приближался, сторбившись окончательно. Он неразборчиво шептал себе под нос. Причина, по которой я ещё не завизжал и не убежал сверкая прятками, заключалась в нём самом. Молодое дарование не источало опасность. Его вид, движения, говорили о другом. Он подошёл, схватил меня за край футболки и шлёпнулся на колени не разборчиво бормоча.

– Ты чего, встань. – Попросил я.

– Спаси.

– Чего?

– Спаси, умоляю тебя. – Жалобно говорил паренёк.

– Тебе плохо?

– Спаси её. Только тебе это под силу, прошу. – Дрожащим, переходящим в плачь голосом продолжал парень.

– Её? Успокойся, хорошо. Давай ты встанешь с пола и нормально, по порядку всё расскажешь.

Но садовод огорожник, пуская слюни и сопли на грани истерики, упал полностью на пол:

– Спаси, – захлёбывался он слёзами. – Спаси Олесю. Спаси Олесю. – Закричал парень.

У меня упало сердце. Олесю? Он сказал Олесю? Что могло случиться? Не теряя не секунды, я перелез через стол и рванул к выходу. Адреналин разгонял мотор, разгорячив кровь в жилах, но стоило мне открыть дверь в коридор, тело мгновенно заледенело. По полу стелилась дымка чёрного густого тумана. Она плавно переходила на стены, покрывая коридор. Из-под слоя чёрного моря, тускло трепыхались световые панели, делая помещение не совсем тёмным. Я почувствовал, в том месте, где ноги по щиколотку утопали в тумане, кожу и мышцы сводило лёгким холодком. Вполне терпимо, но чем дольше стоишь без движения, всё более не приятно. Я семимильными шагами отступал назад в обеденную, попутно переводя дыхание и всматриваясь в длинный коридор. Он тянулся вперёд, уходя в мертвенную тьму, скрываясь за преде-

лами моего острого зрения. Ноги ступили на тёплый пол, а туман подо мной полностью исчез. Обоняние активизировалось, уловив лёгкий запах еды, слух зафиксировал копошение и шёпот. Я смотрел на свои трясущиеся руки. «Ну же соберись Кирилл» отдавал мозг команды. «Соберись и посмотри своему страху в лицо». Это оказалось ошибкой. Нужно, пока ещё была возможность, ломануться вдаль по коридору и уносить свои трусливые ноги подальше от этого места. Безусловным рефлексом моё тело откликнулось на собственное имя, и я обернулся на словах:

– Слушай Кирюх, как тебе наша Олеська, нравится?

Каждый на Земле хоть раз в своей жизни испытывал на себе эффект дежавю. Состояние, когда ощущаешь, что был в подобном месте или ситуации. Обычно оно внезапно возникает на несколько секунд и так же мимолётно проходит не оставляя следов своего появления. Меня тоже охватило чувство дежавю, когда я осознал, что попал на вчерашний обед, но только теперь наблюдал за ним с другой позиции и с другой точки зрения. И всё ничего, пока я не услышал со стороны свой растерянный голос:

– Ммм что?

Голова начала раскалываться, отдаваясь острой болью в висках. Дежавю, которое я испытывал, мёртвой хваткой вцепилось в психику, засев глубоко в недрах сознания, вымывая из организма остатки благоразумия. Оно не упорхнуло, как бывало ранее, а продолжало многократно усиливаться, по-

равнявшись на одной чаше с откровенным безумием и пере-
вешиваясь в пользу полного помешательства. Я наблюдал из
темноты неосвещённого угла, за тем, как моя вчерашняя ко-
пия неловко бралась с Ильёй Петровичем. Воспоминания
об этом событии и увиденное сейчас, накладывалось друг на
друга, вступая между собой в диссонанс. Ведь обстановка,
окружение, знакомая последовательность действий, одина-
ковые физические данные моей копии: телосложение, чер-
ты лица, причёска, голос, всё это пыталось отождествлять
настоящего меня с тем, кто сейчас сидел за обеденным сто-
лом. Но новые, незначительные детали, которые я не заметил
вчера и наблюдал сейчас с другого ракурса: Олеся вытирала
об салфетку вспотевшие ладони, пристальный взор Анаста-
сии Петровны, сначала акцентированный на мне, а затем на
реакции дочери, повышенное внимание Юрия Николаевича
к работнице Анне и бегающие по сторонам глаза служанки.
Лишь эти маленькие крупички не давали окончательно сойт-
ти с ума и противопоставляли друг-другу двух одинаковых
Кириллов. Ведь вот настоящий я стою тут, а тот я, лишь вче-
рашняя копия. Внутри билось два мировоззрения, на одном
из которых острое дежавю, уже увиденная ранее картинка, а
на другом, новая полученная информация и самоосознание.
Но сюрпризы на этом не закончились и в дело включилась
новая переменная.

Слева от меня, стоял ещё один человек, как раз рядом с
пустующим местом за столом. Он смотрел на картину, где

Каин вероломно расправляется со своим братом Авелем. Я подходил ближе, что бы получше рассмотреть человека. Мне было до жути страшно и одновременно любопытно. Почему? Этот человек смотрящий на картину оказался ещё один я. И вот он отличался от Кирилла, сидящего за столом. Та же одежда и внешний вид. Но кожа отливалась пепельно-серым оттенком. Он смотрел на полотно: не отрешённо, не безразлично, не отстранённо, не хладнокровно. Нет, его вид вызывал что-то иное. Будто он не осознаёт ни себя, ни окружающий вокруг мир, пустая оболочка. В простонародье такого товарища назвали бы – овощ. Полностью лишённый в привычном понимании – жизни, неживой, но и не мёртвый. В довесок ко всему, при приближении, отдающий тошнотворным, тяжёлым запахом смерти.

Меня начало мутить. Я отвернулся, отшатнулся назад и посмотрел в другой край комнаты, где в это время на долю секунды, Кирилл сидящий за столом заметил моё присутствие. Всего миг, но этого хватило что бы мы увидели друг друга, а мне довелось в очередной раз испытать всю иронию бытия. Ведь если в это мгновение я смотрел и видел вчерашнюю копию себя, то значит Кирилл в тоже самое время на моём месте видел тень. Меня ещё сильнее затошнило. В голове поднялся гул и шум, сотрясая черепную коробку. В глазах потемнело, теряя контроль в пространстве, мои ноги подкосились, и я смачно ударился лицом о поверхность стола. От удара моей худой, но всё же туши, посуда, стоящая

в миллиметрах от головы подскочила вверх, а я не в силах удержаться, скатился на пол, оказавшись в итоге под столом. Сквозь боль, темноту и мошки в глазах, я лёжа спиной на паркете, лицезрел, как Анна, четко пытается затушить буйство стихии. Появившийся на столе огонь живым пламенем, от синего к чёрному коптил и извивался под полотенцем у псевдо служанки. В голове крутилось: «Всё как вчера, всё как вчера». Нужно подняться. Я перевернулся на четвереньки, отжался от пола вставая на колени и тут же рассматривая свою левую руку, в панике закричал на всю аудиторию. Левая конечность полностью потемнела. Исчезли ногти, жилы, вены, поры, волосы. Я не мог рассмотреть даже фаланги пальцев. Всё слилось в единую, чёрную как дёготь, однородную массу с условными контурами. Силы возобновились, я подскочил с пола, но далеко не ушёл, а снова завалился, только теперь уйдя с освещённого участка комнаты обратно в темноту. Рука вернулась в своё прежнее состояние, а вот для психики перемены оказались роковыми. Опираясь больной стороной лица на стену, а здоровой пуская произвольные слёзы, я сидел и видел. Как Олеся упала в обморок, как пепельно-серый я, стоял теперь не у картины, а у ног Ангела. Как суетливо ходила из стороны в сторону Анастасия Петровна. Не головной боли, не тошноты, не дежавю, не помешательства. Ничего. Всё появилось и всё исчезло, так же быстро, как загорелся и потух тот огонь на столе. Оставляя в сухом остатке только мысли о том, что этот мир такой же

как наш, но из глаз темноты он существует иначе. А я, теперь непосредственно причастный к нему, всего лишь скользнувшая тень, на секунду выпавшая из века. Я – Безликий.

Я дождался, пока моя вчерашняя копия приведёт в чувство Олесю, затем встал, развернулся и пошёл к выходу. Сорок миллиметров чистой древесины в виде двери и один поворот ручки разделял обеденную и коридор, наполненный мором. Что дальше? Дальше мне нужно срочно отыскать настоящую Олесю и выбираться из этого места. Я выскочил из помещения, оставив позади призраки прошлого. Световые панели, блекло освещающие коридор, потухли. От этого, тёмный туман сгустился, усиливая мертвенную тьму. В этом доме, я ориентировался не важно, но сейчас сама интуиция вела меня через коридоры безжизненных стен, навстречу к Ангелу. Я остановился на развилке, аккуратно осмотрелся. С одной стороны, торчали лестничные перила, уходящие вниз на первый этаж. С другой виднелся вход в Олесину комнату. Что-то не то. Я не мастер подмечать тончайшие детали, но хоть убей не припомню длинного паласа, расстеленного на полу. Он тянулся от спальни Ангела до самой лестницы. Ночью мы проходили здесь за водой и его точно не было. К слову дверь тоже изменилась, она поменяла облицовку, цвет, и резной узор.

Пока я искал несостыковки в местном интерьере, дверца приоткрылась. Оттуда показалось лицо Олеси. Она встревоженно смотрела в сторону лестницы, игнорируя моё присут-

ствие. Но не это удивляло. Ангел будто только сошла со страниц альбома, с обложки фотокарточки семилетней давности. Наподобие той, что я наблюдал днём ранее, где ей может лет четырнадцать или пятнадцать. Она стояла, словно отголосок живой памяти. Этой Олесе, только предстояло пройти ступень к взрослению. Овалу лица окончательно сформироваться, коже загустеть, пробору волос посередине чёлки, полностью исчезнуть в пользу другой причёски, взгляду избавиться от подростковых предрассудков, а глазам приобрести женскую загадочность. И в итоге, пройдя через изменения своей внешности, перешагнув через школьную любовь, студенческие годы, преодолев страх перед поездкой в Балашов, она предстанет передо мной, на пороге дома в ослепляющем свете коридорной лампы. Этому только предстояло произойти в жизни маленького Ангела, а пока я улыбался украдкой, смотря на юную Олесю.

Со стороны лестницы раздался скрип половиц и отчётливый топот. Циклический, друг за дружкой, как молния и гром. Он сопровождался колебанием перил, дерево играло и трещало под содроганием шагов. Через подошву тапочек я почувствовал вибрацию и дрожание, а приложив ладонь, уловил сотрясение передающиеся, даже стенам. Слово представляло из себя не двухэтажное крепкое строение, а худую хибару, сплетённую из веток. Всё ходило ходуном, сейчас пол провалится, земля разверзнется и дом отправится в преисподнюю, вместе со всеми его обитателями. Внизу

от лестницы раздался мужской голос:

– Внученька моя, это я.

Через секунду топот участился, меняя темп с шага на бег. Юная Олеся изобразив всем своим видом панический страх, едва успела втиснуть голову обратно в комнату. Я прижался к стене, когда мимо меня на скорости, с воем, проскочил неизвестный объект. Он остановился у Олесеной комнаты, пытаясь попасть внутрь. Но дверь не поддавалась, хотя габаритный с виду мужчина, с лёгкой сединой, мог спокойно выбить её ногой. По крайней мере, мне так показалось. Вместо этого, он завяз в мышинной возне у дверной ручки. Это напоминало соревнование по перетягиванию каната из стороны в сторону. Только тут мужчина давил ручку вниз, пытаясь открыть дверь. На другом конце её отчаянно тянули вверх. Слава Богу или может быть самой Олесе, но у него ничего не вышло. Всё хорошо, что хорошо кончается. Не тут то было. «Неизвестный» немного отошёл назад, склонил голову и замер. Не знаю, что он сделал, но это оказалось крайне эффективно. Ручка сама наклонилась под невидимой силой, послышался щелчок, дверца распахнулась. Мужчина уверенно ступил вперёд, но дальше порога не продвинулся. Вместо этого, развернулся и начал удаляться обратно к лестнице, пройдя в нескольких сантиметрах от меня. С видом, будто я не стою его драгоценного внимания. Провожая «Неизвестного» взглядом, мне вспомнился отрывок из отцовского стихотворника:

«Идёт палач и взгляд его неотвратим,

Он не питает нужд казнить всех на своем пути».

«Незнакомец» скрылся в клубах тумана мертвенной тьмы, помиловав мою бrenную душу. Но почему он не пошёл дальше? Что его остановило? Ответы не заставили себя долго ждать. Аккуратно я приблизился к комнате. На пороге спальни, перегораживая вход, закрывая собой путь к Олеся, стоял я. Тот же самый я, не живой и не мёртвый, с пепельно-серым оттенком кожи, совсем недавно находившейся в обеденной. Что он тут делает? Моя могильная копия отошла в сторону, негласно уступая дорогу и приглашая войти. В другом конце спальни, у стены, поджимая под себя колени и закрывая лицо ладонями, сидела юная Олеся. Я не торопясь вошёл, оценивая обстановку. Олеся сидела на полу в цветастой пижаме, дрожа и трясась от нестерпимого страха в предвкушении ужаса. Я медленно не отрывая взгляда от маленького Ангела, приблизился в попытке успокоить девочку. Инстинктивно, осторожно коснулся её руки, но тут же отёрнул ладонь, сжимая в кулак, разминая пальцы. Вся конечность опять потемнела. Это более не пугало, приносило дискомфорт, но не пугало. Пугало другое. Я точно осознал, где нахожусь.

Несколько дней назад Олеся рассказывала мне сон. В нём она упоминала топот и скрип половиц, только в её сне он не был настолько явным. Вместо «Незнакомца» с сединой на висках, там была бабушка Клава, а не мужчина. По крайней

мере с лестницы доносился голос Клавдии Семёновны. И в её рассказе, точно не было пепельно-серого меня, но было ощущение присутствия человека из угла комнаты. Я закрыл головой в поисках своей копии, у двери уже никого не было, но искать его долго не пришлось. Он оказался там, где я и предполагал. Моя копия стояла в дальнем углу комнаты.

– Понятно. Так ты и есть ночной ужас маленькой девочки. Главный страх детства, её кошмар и как оказывается – оберег. Ты и есть человек из угла комнаты. – Обратился я к своей копии, зная, что он не выйдет на контакт.

Я мог дать голову на отсечение, он не опасен. Ведь если Олеся чувствует Безликого и фигуру из угла комнаты одинаково, то значит он часть меня, а вместе, мы половины одного целого. А я, в каком бы не был состоянии, в телесном или нет, никогда не причиню вред Ангелу.

– Как же тебя сюда занесло дружок, и откуда ты такой взялся? – Спросил я риторически копию.

Затем подошел ближе, положил руку ему на плечо, заглянул в бесплотные глаза.

– В любом случае, спасибо тебе за то, что присматриваешь за ней все эти годы.

Я немного повеселел. Ведь получается, пусть даже неосознанно, все эти долгие годы, с самого детства я был рядом с Олесей. Присматривал за ней из недр тёмного угла. Охранял и проводил каждую секунду. Вздохнув, я присел на мягкую кровать, вернувшись к предыдущим размышлениям. В

принципе всё что рассказала мне Ангел о том сне, почти в достоверной точности случилось. Только с погрешностью на её личное восприятие и с поправкой на то, что скорее всего это не сон. Что-то другое. Возможно потусторонний или загробный мир, астрал, другое измерение, а может ещё какой-то его эквивалент. А раз так, то я точно не уснул и не схожу с ума, а вместо этого переместился сначала на день, а затем на несколько лет назад.

Я в последний раз посмотрел на юную Олесю, перед тем как отправиться дальше в неизвестность. Мне можно спокойно оставлять Ангела. Во-первых, с ней надёжный защитник, во-вторых скоро она очнётся и подумает, о происходящем как о правдоподобном кошмаре. Куда теперь? Ответ находился прямо передо мной. Из Олесиной комнаты маршрут больше не пролегал в дебри запутанного дома, он выводил совсем в другое место. Коридор, стены, пол с ковром, исчезли, стёрлись, открывая вместо себя иной вид. Там за чертой, вне Олесеной комнаты, виднелся широченный, бескрайний природный простор. Снаружи свистел ветер, утаскивая за собой сухие осенние листья. Он проносил их мимо распахнутой настежь двери и затягивал внутрь комнаты свежий вечерний воздух. И даже стоя в спальне, мне удалось разглядеть, голые деревья, синхронно наклоняющие ветви под напором стихии.

Мне однозначно туда. Уверенной походкой, без промедления я выскочил наружу. Огромное поле по всем фронтам

окружало отовсюду. На нём я казался ещё меньше, чем есть на самом деле. Чуть дальше впереди, за линией обнажённых посадок, просачивался свет. Он равномерно рассеивался по кронам деревьев и на определенном участке исчезал совсем. Левее обнаружился источник. На импровизированной дороге, мостилась белая с красным крестом машина станции скорой помощи. Я тут же догадался, какой временной отрезок посетил на этот раз. Вот чёрт, угораздило меня ещё раз сюда попасть. Это как побывать потерпевшим, в деле об ограблении, а потом в этом же деле предстать свидетелем. Хоть так хоть эдак, а перспектива паршивая. По ногам прокатился ледяной озноб, такой же как в коридоре дома. Я глянул вниз, поверх ступней проявлялся тёмный туман. Началось. Я загорлопанил что есть сил, при этом интенсивно жестикулируя рукой. Нужно предупредить Кирилла, сидящего в скорой, о надвигающейся опасности. Чем жизнь не шутит, вдруг услышит или хотя бы увидит мои потуги. Правда полезного в моих действиях нашлось меньше, чем бесполезного. Ведь что в данном раскладе я смог изменить. Ничего. И моргнувшие, а следом и потухшие фары уазика, подтвердили правильность мысли.

Тогда в машине СМП, мне почудилось, как сгущается вечерний сумрак. О, как я ошибался. Со стороны, происходящее выглядело феерично и невообразимо. По всему периметру из-под земли, стеной поднимался тёмный мор. Он уходил далеко вверх и должно быть своей скверной, касался

святых небес. Отчётливой границей, туман образовал внушительный радиус вокруг уазика, оставив видимым только то, что ещё не успело попасть в его владения. Меня трясло, но увиденное не могло не восхищать. Я крутанулся назад обнаружив, что нахожусь у одной из таких крайних границ. Ровная гладь мёртвой субстанции, тянулась далеко в высь. Я протянул руку в туман, она по локоть ушла вглубь, совсем исчезнув из виду. А когда вынул назад, мор тонкими струйками, завиваясь, последовал за моими пальцами. Нужно торопиться. Ноги скользили и вязли в разжиженной грязи, разъезжались по сторонам. Шматки земли прилипали к тапкам, делая марш бросок к скорой ещё невыносимее. Где-то на десятом шагу, я обернулся назад. Стена мёртвого мора тронулась с места. Сзади наступая на пятки, а с других сторон сужаясь к одной единственной цели. Армада смерти мчалась к машине скорой помощи. Я изо всех сил бежал, приближаясь к посадкам. Небольшой рывок и мне удалось достигнуть полосы деревьев. Маневрируя между стволами и перескакивая через упавшие сломанные ветки, я выскочил на последний рубеж. Маленький подъём на пути к дороге и Кириллу, сидящему в уазике. Уже было видно, как в боковом стекле машины, парень суматошно вертит головой. Ещё пару тройку шагов, но ноги заплелись, я оступился замедлив ход и тут же упал на землю, оказавшись в полной темноте. Пелена тумана догнала и закрыла обзор, лишив зрение самой важной функции. Я не воспринимал свет, не по-

лучал информацию о положении предметов, знаний о форме и цвете, утратил визуальный контакт с окружающим миром, другими словами перестал видеть. Вместе с беспроглядной тьмой, тело начал окружать сковывающий холод. Я на четвереньках, что бы лучше чувствовать тактильный контакт с землёй и ориентацию в пространстве, продолжал ползти вперед. Каждое следующее движение, будь то рукой или ногой, давалось тяжелее предыдущего. Будто моё тело – механический организм, ржавело и замедлялось, хотя ясность мысли оставалась на месте. В какой-то момент, двигаться стало совсем не выносимо, и я остановился на месте.

В пелене мрака раздался хлопок. Я услышал знакомый звук, присущий электрическому напряжению в трансформаторной будке. Впереди появилась тонкая линия яркого белого света. Она парила в бездыханном пространстве, удлиняясь и разбегаясь в разные стороны, затем изгибалась и закруглялась. Наконец два конца линии соприкоснулись в конечной точке, и абстракция сложилась в картинку. Она обрела контур человека, наподобие того что рисовали мелком на асфальте, вокруг жертвы. Только этот отчётливый рисунок, не был умело нанесён на подъездную аллею, где двумя часами ранее убили хозяина загородного дома, а парил в воздухе, аки святое провидение, наполненное благодатью и светом. От линий контура к центру, подтягивался свет и заполнял пустующее пространство. словно не обладающей изрядной фантазией ребёнок, закрашивал персонажа из раскраски

в один цвет. Свет полностью заполнил человеческий очерк, став объёмным. На манер Безликого, только не чёрного, а ослепляюще белого цвета. «Красиво» – пронеслось в голове. «Необычайно красиво и воодушевляюще». Но за красотой и вероятным спасением от всепроникающей тьмы, скрывалась боль. Всё моё существо разорвалось безмолвными воплями, когда свет от только появившегося человека, прошёл вихрем сквозь меня. Ужасная, беспощадная боль, как очищение огнём, воспламеняющая кровь в жилах, заставляющая каждый нейрон в теле извиваться в змеиных языках пламени. Этот свет задевал каждую клетку души и тела, заставляя плясать и щетиниться, вонзая иглы даже в те места где отсутствовала нервная проводимость и иннервация. Я зажмурился и стиснул челюсти, затаив дыхание в попытках терпеть невозможное. Наконец вскочил с земли, распахнул очи, разжал зубы, выпуская демонический крик и с упоением наполнил лёгкие, свежим ноябрьским воздухом. Словно сделал свой первый вздох, после затяжного рождения.

На этот раз я полностью обезличил. Обе руки, ноги, торс и полагаю голова, тоже покрылись тенью превратившись в кусок чёрной плоти. Если бы это была одна из моих любимых многопользовательских ролевых игр, кто ни будь на сервере, задействовав задротский сленг, обязательно бы спросил что-то типа такого: «Где ты выбил такой чёткий скин Безликого?». Не знаю сильна ли разница, но в данном обличии я чувствовал себя несколько иначе. Мор рассеялся, а все глав-

ные лица уже собрались. Один, как может показаться на первый взгляд, безучастно стоял. Он мёртвым взглядом сверлил пространство бытия и за две наши предыдущие встречи, так и не изменил пустое выражение лица. Пепельно-серый я находился у задней части уазика. Не трудно догадаться, он и является автором недавнего светопредставления. Рукой спасения, протянутой через время и расстояние. Тогда в машине скорой мне представилось, что этот свет дар свыше, но на деле всё оказалось гораздо приземлённей. А раз он тут, значит остальные тоже явились. В задней части машины в боковом стекле, показалась голова Олеси. Сказать, что девчонка выглядела не в форме, значит не сказать ничего. Ещё несколько дней назад мой ум и сердце в бешеном трепете содрогались от увиденной картины. А сейчас, наблюдая её повторно, градус жути снова набирал высоту и достиг максимума с появлением «Незнакомца». Я приблизился в плотную к стеклу уазика. «Незнакомец» материализовался из неоткуда за спиной Ангела. Всё происходило точь-в-точь, только с другого ракурса. Завороженный, я смотрел постановку из собственной жизни. Но блажь резко схлынула, когда «Незнакомец» заговорил, а в моём разуме сомкнулись вместе разрозненные воспоминания происшествий минувших дней. Тоже самое лицо, тот же самый голос. Тон, тональность, темп и интонация речи, её невозможно больше перепутать, ведь те же самые особенности голоса, пять ночей назад вкладывали в мои уши бессмысленную информа-

цию про самый важный день. Именно его, я неохотно слушал в нашу первую с Олесей ночь. Именно он звал с лестницы первого этажа Ангела, прикидываясь бабой Клавой, а секундой позже ломился в застенки её комнаты и был остановлен моей мёртвой копией. И именно его, я почему-то не узнал тогда, но обезличившись пару минут назад и повторно увидев «Незнакомца» в машине скорой, узнал сейчас. Будто прозрел, соединил цепи воедино. Тоже лицо, тот же голос. И теперь собрав эти знания воедино, я более не перепутаю его не в яви не во снах. Организатор наших бед, палач, начальная тьма и первородный ужас, «Незнакомец» и «Неизвестный», всё в одном лице, наконец получивший своё первое имя и имя ему – страх во плоти.

Действие завязалось. «Незнакомец» из скорой от разговоров, перешёл к решительным мерам тех событий. Я если честно ничего не помню и после фразы «Ты же не хочешь заставлять её страдать», тогда для меня всё закончилось. Первое моё воспоминание стало открытое небо и горячая кровь, стекающая вниз по холодной руке. Правда о некоторых нюансах мне довелось узнать из уст Олесе тем же вечером. Но она поведала только о моей ссадине на щеке, ничего о том, как я выбрался из машины в рассказе не было. По другую сторону стёкол уазика, разворачивался экшен и драма. «Незнакомец» из скорой свирепым ударом выбил стекло, схватил мою напуганную копию и шараянул о перегородку между салоном и отделением для пациентов.

Крики, кровь из разодранной щеки, Олесены проклятья в адрес моего обидчика. Ангел гневом испепеляла воздух вокруг себя и словно в поддержку словам девушки, снова появился яркий, кипельно-белый свет. Я повернул голову налево. Пепельно-серый Кирилл, испускал нарастающие потоки энергии. Они преобразовывались в спектр света. Бешеная аура прошивала обшивку машины беспрепятственно проникая в салон, обволакивая присутствующих. Явление произвело впечатление на всех, начиная от Олеси и моей испуганной копии, заканчивая главным образом, «Незнакомцем». Он замешкался, на десять небольших секунд, исказил лицо в нерешительном недоумении. Этого хватило, и Олеся прямо из-под его носа, перевесилась с гроба и сквозанула на пол, скрывшись в неизвестном направлении. Будто в машине вместо пола, чёрная дыра – Ангел провалилась под днище и спарилась. Мёртвый Кирилл не последовал за ней, вместо этого он увеличил напор ауры, заряжая её на конечный залп. «Незнакомец» убрал руки, отпустил мою копию и закрылся в попытках спастись от выжигающего света. Мне дали карт-бланш на действия, маленькую лазейку. Ослеплённый в гораздо меньшей степени, чем наш оппонент, я нащупал боковую ручку двери машины. Дёрнул, но она не поддалась. Не мешкая, прямым ударом разбил боковое стекло, снял внутреннюю блокировку и вскрыл таким образом дверь. Ухватился за спецовку своей испуганной копии и с увеличенной силой Безликого, вышвырнул его на обочину. Кирилл двух

дневной давности кубарем скатился вниз по грязевому настилу. Резко свет потух и когда я обернулся то обнаружил, не пепельно- серого меня, не страха во плоти, в виде «Незнакомца» уже не было. Их след простыл, а тот единственный, кто оставлял за собой следы лежал в кювете, обращённый потерянным взором к мрачным облакам.

Возиться с ним не было времени и не имело смысла. Скоро он очнётся, урывками восстанавливая память. Моя цель Олеса и сейчас мне точно известно, какую станцию она посетила – мёртвые апартаменты Клавдии Семёновны. Дверь в поле всё ещё стояла. Кто-то или что-то, возможно сквозняк, любезно её закрыли. Глупо отрицать, но проход в кроличью нору, стал самым полезным девайсом за все двадцать четыре года жизни. Эта пространственная воронка астрального мира, на ум более ничего не приходит, по функционалу, даже полезней телепортационной на борту звездолёта Энтерпрайз. Мало того, что она кидает во времени, так ещё и подвозит в нужное место в назначенный час. Жаль только, она не закидывала в конкретное место по моему велению Безликому хотению, а рандомно перемещала в гущу событий, в которой спешно приходилось разбираться. Ну и ладно не велика беда. Я в очередной раз распахнул дверь и прежде чем броситься в омут, насторожился. До этого, пространство по ту сторону сразу обрисовывалось и мне становилось от части понятно в каком я месте. Но сейчас за чертой двери ничего. К сожалению выбор не велик, а давать заднюю не вари-

ант. Первый шаг придал уверенности, и я забрёл вглубь пространства. Позади ещё просачивался свет и поддувал беспечный ветер. А что если закрыть за собой дверь, а потом снова открыть. Мне думается решение верное и приведёт к правильному результату. Так и поступил. Закрывая за собой, я запирал не просто дверь, а запечатывал огромное поле и временной отрезок принадлежавший ему. Маленькую историю, развернувшуюся на просторах безымянной дороги. Последний воздух, рваными струйками залетел через узкую щель, отрываясь от большого брата, бороздящего свободное небо Российских прерий. Он охлаждал кожный покров и готовился к тому, чтобы переместиться и обрести для себя новый дом и последнее пристанище там, куда занесет нелёгкая.

Я открыл дверь и обнаружил, что стою в ванной собственной квартиры. Отрадно снова тут находиться. Как говорится дома и стены лечат, но явно не сегодня. Хотя слово сегодня, не очень применимо для подобной ситуации. Ведь я начал свою одиссею тринадцатого ноября в обеденной Олесеного дома, продолжил одиннадцатого ноября у машины скорой, а теперь... А теперь даже не понимаю, какой временной отрезок посетил. Единственное что можно отметить, сейчас либо день, либо только вечерет. Лампы по потолку не горели, но коридор ясно освещён. Я прошёл чуть вперёд и остановился на развилке квартиры. Вперёд, проход вёл на кухню. Назад, к ванной и комнате в которой мы спали с Олесей в последнюю ночь пребывания здесь. А третий путь вёл по направле-

нию к залу и... Сочный, стальной хлопок, а за ним раздражающий крик, заставил меня повернуться. Путь по направлению к залу привёл к Олесе. Ангел сидела на полу спиной ко мне, невнятно бормоча и завывая. Слезоизлияние растянулось ненадолго. Похоже девушка ощутила на себе посторонний взгляд, по иронии исходивший от меня. Почему посторонний? Я находился в обличии главного кошмара её детства. По крайней мере, она так думает. Вряд ли Олеся разглядит под коркой тени, моё настоящее лицо. Ангел поднялась с пола. Её состояние, равная пропорция между злобой, растущей паникой и бессилием перед Безликим, которое решалось одним единственным способом – бегством. Она вероятно не замечала, но её тело лихорадило почище эпилептика в разгар припадка.

– Что тебе от меня нужно? Отвечай, что тебе от меня нужно? – Сильным испугом раздирала глотку Олеся.

Надо отдать должное, Ангел смогла выдавить из себя хоть что-то, пусть и криком. А я при попытке выйти с ней на контакт обнаружил, что не могу сказать и слова. Поведать кто перед ней на самом деле. Выложить всё как есть и тем самым успокоить. Доходчиво объяснить – из квартиры выходить нельзя. Ведь если это сделать, то дальнейшие события, как раз и запустят цепочку, приведшую к машине скорой помощи. Но вместо увесистого монолога обличающее естество, стоящее перед девушкой, получилось ляпнуть пару слов:

– Не выходи из квартиры.

Клянусь, фраза прозвучала даже не моим голосом и мало того напугала девчонку ещё сильнее, перепугала даже меня самого. В состоянии Безликого, трудно нормально говорить. Тогда, чтобы хоть как-то снизить уровень угрозы, я медленно на вытянутых руках мышинными шагами решил подступиться к Ангелу.

– Нет, – выпало из уст Олеси. – Нет, не подходи. Нет.

Олеся бросилась наутёк к выходу из квартиры. Мои пальцы дотронулись до кончиков её мягких волос, но она скрылась, кидаясь в объятия собственных фобий. Я от злости, вызванной собственной беспомощностью, бил кулаками в стену. Ведь мне было прекрасно известно, как поведёт себя Олеся. Я знал, что она побежит и всё равно не смог её остановить. Чему быть, того не миновать – сюда подходит лучше всего, очень жизненное выражение. Выпуская пар и матерясь на собственную персону, я не заметил, как зашёл в зал. И не просто в зал, а тёмный зал. В окне во всю пруть разгуливала ночь, хотя двумя минутами ранее, только начинало вечереть. Я щелкнул выключать, свет мгновенно озарил привычную мне обстановку комнаты. Нужно продолжать шествие. Но куда теперь заведёт дорога – неизвестно. В голове на фоне общей пустоты формулировалась одна единственная мысль. Мне нужна помощь. Я подошёл к окошку в зале и облокотился двумя руками на пластиковое окно. Несколько дней назад на этом месте мы стояли с Олесей. Я успокаивал её плачь и всматривался в огни города. Эти тёплые крупички недав-

них воспоминаний, окончательно потушили последние очаги злости. Предали новой решительности и отправили мои ноги в погоню за Олесей.

Я покинул стены собственного дома через ту же дверь, через которую выбежала Олеся. То есть через парадную и вполне канонично попал туда, куда попадает любой человек выходя из своей квартиры. Я стоял в подъезде, еле сдерживая нервный смех. Меня встречала лестничная клетка на четырёх собственников, пол из плитки, пошарпанные стены с отстающей старой краской, исписанные в некоторых местах белыми мелками и заедающий при первом нажатии звонок. Ничего сверхъестественного – обычный, запущенный подъезд в лапах безответственной управляющей компании. Но не это вызывало во мне тайфун беспорядочных эмоций. Я находился напротив одного из самых сложных испытаний за всю прошедшую жизнь. Наблюдать как угасает бабушка, принять факт о трагической гибели отца, обнаружить мёртвую маму и затем схоронить её – непомерно трудное горе и несчастье на плечах человека, непрошедшего по земле и четверти века. Но я вынес, прошёл и пережил всё, от начала до конца. Не раз во снах, мне приходилось погружаться в водоворот тех дней и просыпаясь, часами пережёвывать прошедшее. И вот теперь... теперь я снова тут, у стен дома, в котором жил когда-то с родителями. Не во сне, не в своих обрывистых эпизодах, всплывающих в памяти, не в потоке мимолётных грёз, а в жёсткой действительности, начертанной для меня

неведанной силой. И я точно уверен, снова на уровне абсолютного знания где, когда и зачем здесь нахожусь.

Рука дрогнула опускаясь на звонок. Первое нажатие осечка, со второго кнопка прожалась, разнося по квартире весть о незваном госте. Едва мне стоило прислониться ухом к поверхности двери, как от легкого прикосновения она распахнулась. Я прошёл в квартиру, почуяв влагу и удушливую духоту. Великолепный синтез дождливого и одновременно жаркого августовского лета. Красновато-жёлтый антураж обогащал атмосферу дома. Коридор прямиком вёл в спальню родителей. Именно туда я и направился. По пути меня сопровождали старые, серые обои, которые никогда не нравились маме и которые лень было переклеивать папе. Склад зимнего обмундирования на входе: включая обувь, верхнюю одежду и лыжи в углу. Мама раньше убирала сезонную одёжку в нишу, но после смерти отца, оставила копиться и пылиться на одном месте. В углах и по плинтусам, комками сбившийся пух. Он так же проникал и закрадывался между банками с соленьями на полу. В одну из таких банок я нечаянно влетел ногой. Трёх литровая тара зашипела и хлопнула отрывая крышку. Я даже не успел проследить куда она улетела. Содержимое банки запенилось и частями с парой нехилых, красных помидоров вылилось наружу. Дальше, справа от коридора находилась моя старая комната. На столе лежали приготовленные документы. С ними несколькими днями позже, я иду проходить комиссию и устраиваться

на работу в поликлинику. На стуле небрежно валялись медицинские халаты, под ним хирургические штаны в которых ходил на практику, когда ещё учился. Кровать по обычаю не застелена, пол не пропылесосен, а компьютер включен. Системник, заросший паутиной, в те дни нон стопам двадцать четыре на семь, гонял на мониторе мультсериал «Симпсоны». С ними я просыпался и засыпал. На подоконнике виднелась стопка тетрадей с лекциями. Я перевёл взгляд и обратил внимание на нарисованные на дверном косяке пометки. Небольшие линии, а под ними цифры. Так родители то ли в шутку, то ли в серьёз, отслеживали мой рост в разном возрасте.

И вот конечная. На периферии зала и коридора я остановился. Остановился, встретившись с человеком, которого похоронил три года назад, с человеком которому в этом временном отрезке, только предстояло умереть, с человеком даровавшем мне жизнь и имя, с человеком, которому предстояло сказать немислимое. Мама с небольшим прищуром вглядывалась в увиденное. Этот прищур мог выражать недоверие. Но не на этот раз. Сейчас он говорил о проблемах её зрения, образовавшихся последние пять лет. Бледные губы на красном заплаканном лице колебались между улыбкой и ужасом. Мама пронизательно смотрела прямо мне в глаза. Как будто за ширмой небытия, через покров объёмной тени, она смогла разглядеть то что неосознанно пряталось за толщей безличия. Она смогла разглядеть, немного повзрослев-

шего сына. Ну а я в свою очередь, уловив мамин настрой, опуская прелюдии и подробности, преодолевая трудности моторики речи, сказал:

– Мне некуда больше податься, не к кому больше обратиться на всём белом свете, а потому я пришёл к тебе. Мам, мне нужна твоя помощь.

Она восприняла подобное абсолютно спокойно, на веру. Мне кажется в её голове даже не промелькнула мысль о том, что возможно от горя она просто сходит с ума. Мама сразу, после монолога встала, посмотрела на обеспокоенного сына, сидящего за столом, на сына, стоящего в дверном проёме, несколько раз сравнила полученную визуальную информацию, кивнула и пошла навстречу ко мне, не отводя любопытства. Я немного отошёл в сторону. Мама остановилась, попросила меня трех летней давности убрать фото со стола и зашла во вторую комнату. Она не стала вдаваться в подробности, спрашивать, что да как, уточнять, как такое возможно и почему? Откуда я взялся, да ещё и в таком странном виде. Не стала она и ставить под сомнения свои умственные способности. Мало ли может сбрендила, поехала, тронулась от хронического отчаянья, разбавленного красным вином и постоянного, вошедшего в обиход недосыпа. Именно так. Сколько? Двести, триста дней, мама спала маленькими урывками, блукая по ночам, разговаривая с покойным мужем. И потом по будильнику собираясь и отпахивая смену на работе. Возвращаясь через сутки, подремав перед телеви-

зором несколько часов и повторяя порочный круг до следующих рабочих суток. Вместо грызущих сомнений, поверив своим глазам и ощущениям, мама повернулась и спросила:

– Что я должна сделать?

Ответ находился в глубине меня с того момента, как я вошёл в квартиру. Крутился несколько раз на языке и наконец был озвучен. Не заставляя маму, долго ждать я ответил:

– Ты должна умереть.

Комната затряслась и начала ходить ходуном. На маме это никак не отразилось, а значит для неё этой вибрации не существует. Потолки и стены стали обволакиваться темнотой. Неравномерно, она струями, а где-то каплями покрывала поверхности. словно мы находились внутри картины, и художник решил замазать неудачный рисунок изоцрѐнным способом. Выплеснул на верхний край полотна чёрную краску, и она под силой притяжения стала стекать вниз, беспорядочно закрашивая всё на своём пути. Позади коридор уже полностью затянуло, а комната на половину исчезла. Взамен я обрѐл свой телесный цвет и обычный облик. Безликость исчезла, и я непроизвольно улыбнулся исчезающей маме. Её рука немного подѐргивалась, но всё равно решительно тянулась к моей щеке. Я едва ощутил прикосновение маминых пальцев на своей коже, на исчезающем лице увидел капельки слезинок, собирающихся у подбородка и падающих вниз. Одна из слезинок в очередной раз сорвалась и едва успела коснуться пола, как всё закончилось.

Квартира исчезла, скрываясь за вуалью прошлого. Вместо неё неподалёку слышались женские голоса. Я их сразу срисовал, один слегка настороженный, плавный принадлежал Олесе. Второй звонкий, уверенный, даже можно сказать немного весёлый, как в былые дни. Когда всё в мире этой женщины стояло на своих местах. Не надрывистый и обессиленный, как в последние месяцы её жизни, каким он мне слышался несколько минут назад в квартире. Вторым голос принадлежал маме. Она общалась с Олесей, искренне обмениваясь комплиментами в адрес друг друга, рассказывала о том, что данный разговор с девушкой ведёт не впервые и это особенно интересно. В самом конце, мама обняла Олесю, ободрив своей улыбкой, и та исчезла. А я так и не вышел к ним, остался стоять невидимкой в глубокой тьме. Почему? Этот разговор предназначался не мне, он предназначался Ангелу.

– Можешь выходить, мы здесь одни.

Я выступил из темноты, потрясённый такой пронизательностью. И даже не успел раскрыть рта, как тут же получил новую порцию неожиданности.

– Опережая твой вопрос, сразу отвечу. Да, я всё это время знала, что ты там стоишь и слушаешь.

Мама била не в бровь, а в глаз. Она широко улыбалась, видя моё удивлённое лицо, не подозревая, что через несколько секунд её лицо станет таким же удивлённым. Мама продолжала говорить, сопровождая обильное словоизлияние чрез-

мерной жестикуляцией. Мы с папой всегда смеялись, в хорошем смысле естественно, над этой чертой. Такое поведение прослеживалось в ней в моменты прекрасного настроения, это была её фишка. Я отчеканивал гулкие шаги по направлению к маме. И каждый раз, когда стопа касалась твёрдой поверхности в памяти мимолётно возникали обрывки светлого детства. Как застукал родителей в новогоднюю ночь, которые подкладывали мне подарок под ёлку. Я ждал деда Мороза, а обнаружил маму с папой, ползающих на четвереньках, под наряженным деревом в поисках удачного места, для подарка. Тогда я понял главную истину. Для настоящих чудес не нужен Дед Мороз, когда рядом такие родители. Мне вспомнилось, как в центре города отмечали получение моего первого паспорта. В тот год залили огромную горку. Одолжив на время санки у очень любезных людей, мы разделились на две команды. Я с мамой против отца, на перегонки гонялись с горки. Конечно победила дружба, как и в любом другом мероприятии нашей семьи.

На тему о жестикуляции, припомнился последний и забавный случай. Маму попросили произнести речь на день медика, как лучшего работника станции СМП шесть месяцев подряд. Всё началось размеренно и ровно, пока мама в излюбленной манере не начала дирижировать руками. Мы с отцом сидели на первом ряду, надув щёки сдерживая рвущийся хохот. В этот момент, мама посмотрела на нас, затем на свои руки и громко начала смеяться. Мы уже больше не

сдерживались, последовав её примеру. За нами волну подхватили люди, которые хорошо знали манеру такого общения – в основном коллеги по цеху. А уже за ними, там сидели не только фельдшера, но и медсёстры всех отделений, покатила вся аудитория. И вроде подумать, ну что тут такого? Женщина с серьёзным лицом рассказывала про ответственность своей работы и всех медиков в целом. Про долг и клятву Гиппократата, обещавшую не нарушать. Но в какой-то момент остановилась и не стесняясь начальства и коллег, собратьев медработников, внезапно начала смеяться. Заразив всех, своей необъяснимой лёгкостью и энергетикой, непринуждённостью и искренностью. Сплотив коллективы разных сфер под одной яркой, задорной улыбкой. Такой она была на том выступлении, такой она была почти всё время, что я её помню, такой она стояла сейчас передо мной. Несущая свет даже в самые тёмные души, умеющая поднять настроение ханже, даже в самый паршивый день. Она стояла в шаге от меня, будто только сошедшая с трибуны того уморительного выступления, снова смотрящая на свои руки. Я засмеялся сдерживая слезы непомерной радости.

– Я так по тебе скучал! – Сказал я, обнимая маму.

Она на секунду замешкалась в удивлении, но тут же сориентировалась, обнимая меня в ответ.

– Я тоже по тебе скучала чижик мой.

Мама выглядела посвежевшей, отдохнувшей, примерно лет на пять или семь моложе. Может около сорока. В хоро-

шем, дорогом костюме любимого делового стиля. С пышной, уложенной прической, выкрашенной по обычаю в цвет «Морозный каштан».

– Ты выглядишь иначе.

– Иначе? Иначе, чем когда? – Уточнила мама.

– Иначе, чем буквально двадцать минут назад, когда я пришёл к тебе за помощью.

Мама немного задумалась, уголки рта опустились, и она приняла более серьёзный и сосредоточенный вид.

– Забыла. Для тебя же это было совсем недавно. Кирилл, для тебя прошло двадцать минут, а для меня чуть более трёх лет.

Такое упущение меня смутило.

– Об этом я не подумал.

С этой фразы, разговор потёк по другому руслу и инициатором выступила мама.

– Кирилл, мне нужно что бы ты рассказал мне всё, начиная с восьмого ноября до настоящего момента. Это очень важно. Попытайся вспомнить как можно больше.

Занятная и на удивление точная просьба. Восьмое ноября, та самая дата с которой всё началось. Именно с неё по желанию мамы начал вещать, продвигаясь к этой минуте. И вещал я о бабе Клаве, её неожиданной смерти. О встрече с Олесею и о моей необъяснимой привязанности и любви к девушке. Непонятных снах, и ужасных событиях в машине скорой помощи. Об Олесеных родственниках и неординарных тра-

дициях её семьи. Заканчивал повествование путешествием во времени, пепельно-серым, мёртвом себе и своём безличии. На концовку пришёлся эпизод о моей бездумной просьбе о помощи. И вот я тут. Мама не просто слушала, она слушала и добавляла то, что мной неосознанно пропущалось. Будто осведомлена о последних днях моей жизни, лучше меня самого.

– Странно, – заключила мама. – Почти всё, что ты рассказал, за исключением эпизода, где ты кинулся меня обнимать, в точности сходится с предыдущим твоим рассказом. До этого были отличия, не всегда существенные, но они были.

– По-твоему только это странно? По-моему, всё что творится вокруг меня последние несколько дней, само по себе странно и не нормально. -Включил я здоровый сарказм.

Мама усмехнулась:

– Вероятно ты ляпнул неосознанно, но ты прав. Всё происходящее вертится вокруг тебя.

– Я не это хотел сказать.

– А я именно это, – перебила мама. – Клавдия, Олеся, её семья, так называемое неизвестное зло, – мама отделила словосочетание неизвестное зло, воздушными кавычками. – Я, и даже цикличность наших жизней, всё и вся крутится вокруг тебя.

– Я не понимаю, о чём ты. Ладно, опустим пока тот факт, что я в центре всего, но о какой цикличности идёт речь?

– Давай вот с чего начнём, – мама говорила спокойно

и осторожно, подготавливая почву к дальнейшему разговору. – Три года назад, ты явился ко мне из ниоткуда с просьбой о помощи. В тот день, я буквально на веру, восприняла то что ты мне сказал. Теперь пришла твоя очередь поверить и воспринять на веру всё, что я тебе скажу. Кирилл, дело в том, что мы проживаем свои жизни уже не впервой. То, что происходит с тобой и со всеми нами, повторяется не однократно. Твой приход ко мне, моя встреча с Олесей, наш диалог сейчас. Наши жизни из раза в раз ходят по замкнутому кругу, по цикличности.

Я сцепил руки на макушке, выдувая воздух изо рта:

– Действительно, в такое трудно поверить, но с учётом того, где мы стоим, – указал я по сторонам. – И как сюда добрался, будет глупо этого не сделать. По крайней мере это объясняет, почему ты предугадывала что я скажу.

Мама одобрительно кивнула, смотря в мои, мягко говоря, удивлённые глаза.

– И как ты обнаружила, что наши жизни повторяются?

– Очень легко, после того, как умерла. Я пришла к выводу, что помню все свои жизни, особенно последние четыре, потому что они были очень похожи. В них всегда происходили следующие сходства. Лёша погибал, ты приходил ко мне, просил о помощи и затем я умирала, оказываясь в этом мире. Здесь конечно не сразу, но я начинала вспоминать прошлые жизни, потом мы вели диалог с Олесей и с тобой, и потом спустя какое-то время всё повторялось.

– То есть получается, ты всё помнишь. Но тогда почему я ничего не помню? – Сыпал я маму вопросами, не успевая толком обдумать информацию.

– Потому что ты жив. Даже с учётом того, что ты смог покинуть своё тело, оно всё ещё живо и спокойно себе функционирует сейчас в доме Олеси. Твоя душа прикреплена к физической оболочке. Именно поэтому я ничего не могу изменить пока жива, ведь только умерев, во мне начинают всплывать воспоминания. И даже в таком случае, память крайне выборочна. Понимаешь, наше духовное тело, – мама показала на себя. – Запоминает только яркую, интересную или часто повторяющуюся информацию. Подобно человеческому мозгу, незначительные события или рутина, благополучно стираются.

– Но почему наши жизни замкнулись? Как ты там это называла?

– Цикличность!

– Да. Почему наши жизни попали в цикличность?

– Сперва нужно прояснить, называть этот феномен цикличностью, я придумала сама. Так легче объяснять тебе происходящее. Ещё я называю его воплощение. А вообще я не знаю. За множество своих воплощений, мне так и не удалось выяснить почему это происходит. Но зная точку отсчёта каждого нового цикла, у меня сложилось стойкое предположение с кем это связано.

– Мам подожди. То есть у каждого нового перерождения

есть конкретное место начала?

– Не место начала, а дата начала.

– Только не говори, что цикл берёт начало восьмого ноября. – Предположил я.

– Нет, не берёт. Дата начала нового цикла – девятнадцатое января тысяча девять сот девяносто пятой год.

У меня затряслись губы.

– Это же...

– Да, – подхватила мама. – Это дата твоего рождения. Как я и говорила ранее, всё происходящее связано с тобой. И вероятно ты знаешь почему наши жизни зациклились, но не можешь вспомнить.

Вокруг нашего диалога витало исключительное напряжение. Ещё немного и пространство заискрится в разрядах беспорядочных молний.

– Жаль я не могу ничего вспомнить или хотя бы, как-нибудь, ощутить на себе воздействие цикличности. – Раздосадовано пролепетал я.

– Это не совсем так.

– Объясни. – Сразу подхватил я слова мамы.

– Хорошо. Кирилл, позволь спросить, зачем ты здесь?

Я хранил неуверенное молчание, вопрос вроде простой, но ввёл меня в глубочайший ступор.

– Давай так. Кирилл, ты проделал огромный путь через пространство, ты видел невероятные человеку вещи, стал Безликим, преодолел время и неоднократно перерождался

на этой земле, повторяя свой путь снова и снова. Ради чего?

– Ради Олеси. – Вылетел из меня уверенный ответ.

Мама улыбнулась.

– Верно, не ради нас с отцом, не ради себя, а ради Олеси. Но тебе не кажется странным такое отчаянное поведение, рвение и поступки ради человека которого ты знаешь, сколько – пять, шесть дней.

– Мало ли может это любовь с первого взгляда?

– Кирилл, помнишь однажды я провожала тебя в школу, и ты задал интересный вопрос для ученика начальных классов.

– Помню. Я спросил, бывает ли любовь с первого взгляда.

– Верно. Что я тебе тогда ответила?

– Ты сказала, что даже такая сильная любовь, как у вас с папой не появилась из ниоткуда, для того что бы прийти к ней, вы проделали долгий путь.

– Слово в слово, у тебя как всегда феноменальная память. Но при этом скажи, на что ты готов ради Олеси?

Передо мной всплыл образ Ангела. Её нежный взгляд на моих одиноких глазах, тёплые объятия на вечно холодных руках. Запах её волос в нашу последнюю ночь, ровное дыхание в окрепшей тишине. А главное ангельские крылья, за которые я так сильно её полюбил.

– На всё и не пожалею собственной жизни.

– И вот сам подумай не гипотетически, не с точки зрения, что раз всё возможно то и возможна любовь с первого взгляда.

да. Подумай над этим с точки зрения самого себя, то есть с точки зрения Кирилла, человека, не имеющего друзей. Не кажется тебе это странным?

Я призадумался. И вспомнил, как впервые увидел Олесю, ощутил прикосновение её нежных рук к моим. Как Олеся плакала и как я хотел, чтобы в следующий раз это были не слёзы страха, а слёзы радости. Как из очаровательной незнакомки, она стала Ангелом, моим Ангелом. Как днём позже я вспомнил, да, именно вспомнил – Олеся мой смысл жизни. А потом рванул с ней в Романовку и там на полном серьёзе сказал, что если понадобится отправлюсь за своим Ангелом за грань смертельного круга. Всего за шесть дней от незнакомки с лестничной площадки, она преобразовалась в смысл всего моего существования. Мама определённно права.

– Согласен, это не совсем нормально, но так есть.

– Естественно. И судя по Олесе, с ней тоже так есть. Вот только это самое так есть, берёт своё начало не в этом воплощении, не в предыдущем цикле, а тянется через множество перерождений, из вашей самой первой жизни. Той жизни, где вы впервые встретились. И снова опережая твой вопрос, отвечу. Я кое-что помню из той жизни про тебя и Олесю. Я помню, как ты уехал к бабушке в Балашов и решил поступить в медицинское училище там, а не в нашем родном городе. Туда же поступила и Олеся.

– Она же повар-технолог. – Перебил я маму.

– Это она тут повар-технолог, а в своей скажем так, ориги-

нальной жизни, вместе с тобой поступила учиться на фельдшера. Там вы и познакомились. Нам с отцом нравились твои приезды домой и рассказы о девушке с которой ты там познакомился.

– Я о таком рассказывал?

– Да. Без какой-либо утайки. С определенного момента, вы стали парой не разлей вода. Ты посещал Олесеных родственников, она в свою очередь посетила нас.

– Она вам понравилась?

– Очень. В подтверждение своих слов скажу. По-моему, на третьем курсе вашего обучения, нас всех, на несколько дней пригласили в гости в Романовку. Как помню, летом, отметить окончание курса и заодно познакомиться.

– Мам, а вы с отцом знали о её необычной семье?

Мама положительно кивнула.

– Олеся лично всё нам рассказа и несмотря на это, нас встретили великолепно, можно сказать по-королевски. Илья таскал нас на прогулки, на речку, рыбалку, сам делал шашлыки, в общем молодец.

– Илья! – Возник я.

– Ну да. Илья Петрович, крёстный Олеси. Неплохой мужик. Он развеял все предрассудки о своей семье и с Лёшей они хорошо сдружились. Настя с Юрой скажу тебе, тоже очень душевные люди.

Мама рассказывала, и я не мог поверить, что мы говорим об одних и тех же людях. Гнетущая маска лица, склоки, ссо-

ры и ложь – такой Олесена семья предстала передо мной.

– В последний день нашего пребывания, мы с бабами крутились на кухне, мужики в гараже у машины зависали, уже хорошенько завечерело и вдруг включилась мелодичная музыка, по всему двору зажглись огни, а в свете этих огней медленно танцуешь ты с Олесей. Мы с девками прилепились к окнам, мужики вылезли из своей берлоги и все наблюдали за вашим танцем. Это было такое единение Кирилл, больше не в одном воплощении, подобного не повторялось. Но прежде чем перейти к финальной части, ты понял о чём я хочу сказать? В вашу первую жизнь, твои отношения с Олесей развились не за несколько дней, а за несколько лет. Конечно ты не помнишь конкретных событий, но твоя нематериальная оболочка, смогла запечатлеть и сохранить нечто более важное и пронести это знание с первого цикла до последнего. Твоё отношение к Олесе, и она в свою очередь, сделала тоже самое.

– Что было дальше?

– После вы закончили училище и дело приблизилось к свадьбе. Сначала планировали провести в августе, но потом перенесли на осень. Провели подготовку, но седьмого ноября внезапно умирает Клавдия и спустя несколько дней, не за долго до даты предполагаемой свадьбы, всё закончилось.

– В смысле закончилось?

– Оборвался первый цикл и всё началось по новой.

– Ты хочешь сказать, что знаешь, когда заканчивается

цикл.

Сказанное далее, меня будто оглушило.

– Пятнадцатое ноября, две тысячи девятнадцатый год, последний день цикла, и он равен...

– Девятому дню со смерти бабы Клавы, – перехватил я эстафету у мамы. – Слишком многое связано со старушкой.

– Определённо, во всём происходящем Клавдии отведена роль, как и всей Олесеной семье. Но есть главный зачинщик, тот, кто преследует вас за гранью человеческого мира. Я пересекалась с ним, но мне не удалось выяснить что им движет и зачем. Одно известно наверняка, ему нужна Олеся и ты. Зачем? Не знаю. Тот, кого ты называешь «Незнакомец» и «Неизвестный», первородный ужас и страх во плоти, носит имя – Каин.

Подобное мной воспринялось на удивление спокойно.

– Я бы сказал, что удивлён, но на самом деле это не так. Первый человекоубийца, вокруг которого выстроили целый семейный культ и чей портрет висит в обеденной, вполне ожидаемо, может стать бельмом на глазу.

– Кирилл, он не бельмо, он катаракта.

– Но Олеся рассказывала о нём в положительном ключе. Якобы после смерти он собирает души своих потомков в одном месте и так далее.

– Я знаю эту историю, ты рассказывал. Скорее всего, Олеся намеренно неправильно информировали.

– Но зачем? – Вскипело во мне возмущение.

– Зачем? Почему? Каковы мотивы, и ваша с Олесей роль во всём происходящем? Откуда взялся мёртво выглядящий, второй ты? Почему мы все зациклились? На все эти вопросы тебе даст ответы тот, кто знает. Тебе придётся спросить самого Каина. Мне жаль, я больше ничего не знаю, тем более наше время подошло к концу. Похоже тебе пора Кирилл, – указала мама рукой. – Присаживайся.

Я обернулся назад.

– Куда присаживаться?

– Назад ещё раз посмотри. – Сказала мама улыбаясь, но нарастающую в глазах грусть, скрыть не удалось.

Позади меня стоял резной, антикварный стул, точно такие же были в обеденной Олесеного дома.

– Это... – Указал я на стул.

– Это твой выход отсюда. – С дрожью в голосе произнесла мама.

Она с чувством, с толком, с расстановкой поведала о цикличности, о нашей первой жизни и зле, преследующем меня, но лишь появился намёк на скорое расставание её вид резко омрачился. Словно дёрнули невидимый рычажок, и мама переключилась в совсем иной режим. По ней видно, она ещё не готова отпустить сына и о многом хочет с ним поговорить на темы, не имеющие отношение к событиям последних дней. И самое досадное то, что за нашими плечами, множество прожитых жизней, но именно сейчас у нас почти не осталось времени.

– Но я ещё не успел с тобой нормально поговорить, спросить о...

У мамы заблестели глаза.

– О чём?

– Недавно Олеся задала мне вопрос. Если бы ты увидел маму сейчас, что бы ты ей сказал. И вот так вышло, спустя три года я стою перед тобой.

Мама изо всех сил пыталась не заплакать и потому слова ей довались с трудом.

– И что бы ты ей сказал?

И тогда я поведал маме забавную историю, которую не рассказал Олеся. Про мороженое, про двух строптивых дамочек, обвиняющих весь мужской род и конечно передал отцовские слова о том, что его жена самая лучшая. Мама не сдержалась, прикрывая рот ладонями, не издавая звуков молча заплакала. А я завершал историю тем, как среди многочисленной толпы отец выбрал одну единственную, как когда-то он выбрал её среди миллионов других женщин и не отрываясь смотрел на любимую супругу. Мама смахнула рукой слезинки.

– Я ни разу не слышала эту историю. Как это на него похоже.

Во мне расширялся огромный, здоровенный ком из воспоминаний, он широко раздувался и выходил наружу струйками, через слёзные протоки, охлаждая красные, горящие щёки.

– Мам, ты пыталась найти папу?

Она в попытках взять себя в руки сказала:

– Нет.

– Ты же так по нему скучаешь.

Мама уставилась в одну точку, выкапывая что-то из памяти.

– Когда я познакомилась с Лёшей мне было восемнадцать, а он был чуть постарше. Как-то мы пошли гулять, по-моему, где-то в декабре. Ничего особенного, просто ходили кругами по центру города, общались, держались за руки, обнимались. В конце той встречи, недалеко от дома где я жила, не знаю, как зашёл разговор и о чём вообще говорили, но он сказал: «Оль, я ждал тебя девятнадцать лет». Эти слова я часто потом вспоминала и запомнила на всю жизнь. Да, я по нему скучаю, но сначала должна помочь тебе. И раз Лёша ждал меня девятнадцать лет, то ничего страшного не случится если подождёт ещё немного.

Мы оба замолчали, я оторвался от лица мамы и снова бросил взор на стул.

– Тебе пора. – Прохрипело из сдавленной груди.

Я подошел к стулу, провёл рукой по узорчатой спинке, повернулся к маме и не выпуская её из виду дрожа сел.

– Мам.

– Я тут родной.

– Мне так страшно. – Меня жутко трясло.

– Я знаю.

– Что будет дальше? Увижу ли я снова Олесю? Увижу ли я снова тебя? Что будет со всеми нами? – Неизвестность пугала гораздо больше, чем все кошмары и пережитые ужасы вместе взятые.

Мама подошла ближе, вместо ответа присела на корточки около стула и взяла меня за руки.

– Помнишь, в детстве тебе часто снились плохие сны. Ты просыпался и испуганно кричал. Тогда папа садился на краешек твоей кровати и говорил: «закрывай глазки, а я пока спою тебе песню и ещё до того момента, как она закончится, наступит новый день».

Я понял, что хотела сделать мама, в последний раз посмотрел и под звук её мелодичного голоса, закрыл глаза, увидев. Свою детскую комнату, ночник тускло освещающий помещение. Свору мягких игрушек, горой лежащих в ногах. Хрипло мурчащего, старого, бело-серого кота Стёпку, наминающего лапками мягкое как пух, тёплое одеяло. Отца сидящего на краю кровати, его голос в ночной тишине и маму стоящую за его спиной. Я ощутил спокойствие, не обременённое тяготами частых разлук с любимыми людьми. Наивную, детскую беспечность, не требующую доказательств и не терпящую сомнений. Забыл о горечи и страхе одиночества, золой покрывающую душу и тьме, что селится вместе с ней.

Каждый раз, как отец пел песню все страхи оставались за бортом, в неосвещённых углах за пределами кровати. Я погружался в сон и никогда не запоминал текста колыбельной,

за исключением строчек, дававших благое напутствие перед путешествием в страну сновидений. Вот и сейчас, страхи скинули оковы, пока мама напевала мелодию детства. И прямо как в былые дни, я не запомнил не единого слова и только перед самым концом, за долю секунды, как отпустить мамину руку, моего уха коснулись её последние слова:

«Бояться не надо,
Душа моя будет рядом,
Твои сновиденья
До рассвета охранять».

Меня потащило вверх, слова эхом погнались в след, но остановились на половине пути, на годы заблудившись во тьме. А я улетал в высь туда, где нет больше места маленькой Олесе, туда, где нет места детским воспоминаниям и блестящим маминым глазам, пересекая черту, уходя далеко-далеко за точку невозврата.

ГЛАВА 13. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА. ОЛЕСЯ

Олеся повесила трубку и отправилась к себе в спальню. Зайдя в комнату, быстро подбежала к тумбе с зеркалом, достала из ящика средства личной гигиены и положила на прикроватный столик. Подошла к кровати, плюхнулась, обняла руками подушки и уткнувшись в них лицом, начала что-то бухтеть. Мама не появлялась, и Олеся изрядно заскучав, клевала носом. Её глаза потихоньку смыкались, разум начал дремать, как вдруг она отчётливо услышала своё имя:

– Олесь очнись. Это я! – Громко выкрикнул мужской, обеспокоенный голос.

Олеся молниеносно вскочила на кровати, раскидав подушки по сторонам и завертев головой. Ей показалось, голос принадлежал Кириллу. Она встала с кровати и тут же в кармане зазвонил телефон. Олеся взяла трубку и услышала ласковый мамин голос:

– Олесь, а ты любишь бабушку Клаву?

Девушку внезапно посетили тёплые чувства.

– Ну да, а что?

– Тогда ты откроешь бабушке дверь?

– Да, конечно мам.

В дверь резко постучались и мамин голос из трубки сказал:

– Это бабуля пришла, открой пожалуйста дверь!

– Хорошо мам!

Олеся, переполненная любовью, отправилась вприпрыжку, что бы открыть бабе Клаве дверь, как краем глаз уловила тень. Резко обернувшись и сфокусировав зрение, она увидела Кирилла, молча смотрящего в окно.

– Кирилл? – Спросила она, окликивая его.

Парень немо стоял и не шевелился, впрочем девчонку это ни капли не смутило:

– Слушай, когда ты смог прошмыгнуть в мою комнату, ведь сегодня такой важный день! – Начала делать Олеся, совершенно несвязанные умозаключения.

Вдруг из трубки раздался громкий, раздражённый мамин голос:

– Олесь, бабушка старая, ждёт за дверью, быстро открой бабуле дверь!

Олесю внезапно охватил дикий ужас. В дверь громко заколотили, и кто-то находящийся снаружи, начал ломиться. Ручка затряслась, заходила ходуном, завертелась в разные стороны, казалось дверь сейчас вылетит, но она оставалась неприступной. В комнате раздался хлопок, пронеслась электрическая вибрация, изменяя цветовую гамму. Предметы расплывались, узор на обоях стал неразличим, стоящие у зеркала флаконы казались просто пятнами. Яркость цветов выжигала сетчатку, становясь невыносимой глазу, будто слепнешь, пока наконец, всё не поглотил белый свет. Олесь больше не видела и не чувствовала собственных рук и ног, не чужая своего тела, но всё-таки кое-что ощущала. А ощущала она некое давление, не то чтобы физическое, скорее психическое, будто гравитация вокруг многократно возросла и пытается раздавить, то что от неё осталось. Нарастал гул, находиться в таком состоянии стало не выносимо.

Внезапно всё затихло, время остановилось. Сознание Олеси очнулось, она поняла, что спит и отчётливо услышала знакомый мужской голос:

– Олесь проснись, прошу тебя, ты должна очнуться.

Олесь молниеносно вскочила на диване, раскидав подушки по сторонам, нервно вертя головой. Ей показалось, голос

принадлежал Кириллу. Она встала с кровати и тут же в кармане зазвонил телефон. Олеся насторожилась, немного поколебалась, но всё же взяла трубку:

– Олесь ты у себя?

Девчонка напряженно посмотрела на телефон, не в силах ответить, во рту застрял огромный ком.

– Олесь, ты что забыла о просьбе? – Спокойно продолжила мама.

Тут Ангела осенило, маме нужны средства личной гигиены, и она облегчённо выдохнула:

– А, да мам, что-то и правда забыла.

– Вот девичья память! Кого воспитала! Пять минут и информация стёрлась, как у рыбок. – В саркастичной форме подметила мама.

– Мам, сама поражаюсь! – Весело поддержала Олеся.

– Ну тогда открывай, бабушка ждёт.

– Ой точно, бабушка Клава пришла, совсем вылетело из головы, ща пять сек!

Олеся и сама смутилась своей забывчивости, усиленно принялась размышлять об этом, не замечая, как уже на автомате направлялась к двери. Внезапно что-то резко переключило внимание девушки, она рефлексивно повернула голову в сторону объекта, являющегося раздражителем. У окна бесшумно стоял Кирилл и не моргая смотрел в одну точку. Олесе стало крайне любопытно, куда он глядит? Она уже собралась сменить свой маршрут в сторону окна, но тут из

трубки раздался мамин голос:

– Эх ты, рыбка моя! И пяти минут не прошло, как ты уже и мать родную забыла, и бабушку любимую на порог не пускаешь.

В дверь кротко постучались, но Олесю словно шарахнуло током, в её мозгу возник конфликт, связанный с бабой Клавой, что-то не сходилось, но она никак не могла вспомнить, что именно? И пока девушка размышляла, её рука сама потянулась к дверной ручке, но встретила на своем пути преграду. Олеся резко остановилась врезавшись в Кирилла, который спиной преграждал путь к двери.

– Внучка это я, баба Клава, – послышался противный скрипучий голос. – Вот пришла, поздравить тебя. Открой! Не бузи!

Олеся послушно потянула руку к дверной ручке, и прошла сквозь Кирилла, но девушка даже бровью не повела, её сознание воспринимало данную картину спокойно, должно быть так и надо. Она прошла через Кирилла повернула до упора ручку и дверь стала медленно отворяться. На пороге стояла бабушка Клава, вся такая милая, добрая, будто божий одуванчик. В руках старушка держала, довольно внушительный, белоснежный торт, ничего белее него Олеся в жизни не видела. В середине красовалась ярко-красная надпись: «Самый важный день», а по краям возвышались жёлтые церковные свечи.

– Вот держи внученька! – Мерзко проскрипела старушка,

протягивая торт.

Олесе очень понравился бабушкин подарок, он возбуждал необъяснимую манящую тягу. Она тихонько потянула руки в сторону желаемого и аккуратно взяла торт. Внезапно свечи затрещали, заискрились и начали коптить чёрной смолой. Доброе лицо старушки неестественно исказилось. Мимические мышцы не слушались, жуткая гримаса выступила на старушечьем лице. Остекленевший взгляд, сначала не выражающий ничего и обращённый в никуда, внезапно ожил. Больше не отображал наигранной доброты, теперь он излучал, только хищный азарт.

– Внученька подойди, дай же бабушке тебя обнять! – Голос старушки совсем огрубел и наполнился опасной одержимостью.

Старуха сделала шаг вперёд и из-под подола её длинного платья, выступила огромная мужская стопа. Олеся выронила торт, попятилась назад, споткнулась и упала. Глаза от страха зажмурились, а тело приняло оборонительную позу. Раздался разгневанный, яростный крик:

– Опять ты! Уйди, не мешай!

Олеся осторожно открыла глаза, перед ней, как колос, стоял Кирилл и преграждал путь враждебной сущности.

– Девочка моя, ну иди сюда, бабушка тебя не обидит, бабушка тебя любит, бабушка хочет тебя обнять. – В нервной истерике напирал голос, уже далеко не принадлежащий бабе Клаве.

Комната снова завибрировала, послышался хлопок, цвета поглотил белый свет, и девушка начала в нём тонуть, как в воде. Олеся вспомнила, что с ней такое уже случалось, она отчётливо осознала, что спит и происходящее не реально и сразу услышала голос Кирилла:

– Олеся ты должна очнуться.

Олеся молниеносно вскочила на кровати, раскидав подушки по сторонам и нервно вертя головой. Она точно слышала голос Кирилла. Встала с кровати и тут же в кармане зазвонил телефон.

– Да что же это за кошмар такой?! – То ли сказала, то ли подумала Олеся. Трясущимися руками достала телефон из кармана, на дисплее которого настойчиво маячило слово – Мама.

Паника охватила девчонку, она швырнула смартфон на пол, а сама запрыгнула на диван. Дьявольский звонок, на смерть приковал девичий взгляд к мобильному устройству, до тех пор, пока продолжался вызов. Телефон с минуту усердно по вибрировал и предательски замолк. Ещё некоторое время девушка таращилась на смартфон, но он спокойно продолжил лежать. Тогда она в спешке пошарилась руками по дивану, нащупала пульт и включила плазму. По ТВ транслировался детский канал и по непонятной причине, Олеся это под успокоило. Она принялась усердно смотреть телевизор и мир внутри него был более правдив и реален, чем снаружи. Телевидение вещало мультфильм советского про-

изводства, что внушало доверие:

– Бабушка, бабушка, это внучка пришла, пирожков принесла. – Донеслось из динамика плазмы.

– Деточка ты моя, а ты дерни за веревочку и дверь откроется! – Раздался хриплый ответ бабушки.

Стук оторвал девушку от экрана. Она повернула голову в сторону двери и крикнула:

– Кто там?!

– Олеся Юрьевна, – это служанка, Ольга. – Послышался из-за двери женский голос.

– Ольга? – Переспросила Олеся озадаченно, не припоминая такого имени у прислуги.

– Всё верно, Ольга! Меня Анастасия Петровна послала к вам, напомнить о просьбе.

– Как давно вы у нас работаете Ольга? – Не унималась девчонка.

– С сегодняшнего дня приступила к обязанностям, Олеся Юрьевна. Желаете ли чего? – Ловко парировала служанка.

Олеся посмотрела на прикроватный столик: приготовленные средства гигиены лежали на месте, повернула голову в сторону окна, в надежде увидеть Кирилла, но никого не обнаружила. Робко встала с кровати и подошла к двери. Несколько секунд настороженно прислушивалась и наконец решила открыть. За дверью стояла новая служанка: женщина среднего возраста, с прической каре и очень знакомыми чертами лица.

– Здравствуйте Олеся Юрьевна. – Уже официально поприветствовала Ольга, уважительно кивнула, развернулась и ушла.

Олеся некоторое время просто стояла, выглядывая из-за двери. Набравшись решимости переступила порог комнаты, остановилась, посмотрела по сторонам, ничего неординарного не происходило, решила двигаться дальше, спустилась по лестнице и вошла в гостиную. Там её ожидал привычный интерфейс: за столом, как обычно сидел Юрий Николаевич, пил кофе, рядом стояла бутылочка коньячка, которой он дополнял купаж напитка, а под самым носом тарелка с белоснежным кусочком торта или тем, что от него осталось. Юрий Николаевич жадно поглощал десерт, используя для этого руки, словно боров, который загребает себе в рот помои. Олесе стало противно, и она отправилась на поиски мамы. Анастасию Петровну девушка обнаружила в родительской спальне, та сидела на огромной двуспальной кровати, смотрела детский Олесин фотоальбом и тихо плакала.

– Мам ты чего? – Обеспокоилась девчонка.

Анастасия Петровна подняла свои заплаканные глаза на дочь и завопила:

– Деточка ты моя, как же я тебя люблю, прости, прости меня пожалуйста!

– Мам ты о чём таком говоришь? – Не на шутку озадачилась Олеся.

Женщина более не обращая внимания на рядом стоящую

дочь, продолжила листать альбом и горько плакать. Не получив ответов и внятных разъяснений от мамы, Олеся решила узнать, что произошло в другом месте и конечно же отправилась к крёстному. Подойдя к его кабинету, услышала множество радостных голосов, распознать речь не представлялось возможным, всё сливалось в единый гомон. Девушка постучала в дверь, но веселье за ней продолжилось в том же ритме, затем ещё раз, громче и настойчивее – реакции ноль. Вообще её крёстный, человек весёлый и уважаемый и такие посиделки случались зачастую, но он всегда был чуток и внимателен и никогда ничего не игнорировал. Мухи без его позволения не летали, а тут дверь никто не открывал. Может не слышит, подумала девушка и очень громко продекламировала:

– Я вхожу!

Увиденное внутри ввело Олеся в замешательство: в кабинете не протолкнуться, не продохнуть, все теснились и еле умещались. Толпа громко улюлюкала, смеялась и радовалась. Каждый в руках держал по тарелке с тортом, все дружно ели и скандировали лозунги, тосты и поздравления. Пели и прославляли Илью Петровича, сидящего в центре кабинета. Однако его вид не соответствовал настроению толпы, наоборот крёстный выглядел печально и изнеможённо, под глазами набухли тёмно-синие мешки, лицо казалось серым, а взгляд отрешённым.

– Крестный!!! – Крикнула Олеся со всей силы, что-бы

хоть как-то перекричать народный гул, и зря.

Перед самым выкриком, толпа резко замолкла, оставив девчонку наедине с тишиной, её голос раскатом прокатился по всему дому, оставляя за собой эхо.

– Крёстный, что тут происходит? – На эмоциях взвизгнула Олеся.

Илья Петрович, нехотя повернул голову в сторону девчонки, не отрываясь от спинки кресла, замученно и слегка потеряно посмотрел на племянницу и с тихой безысходностью вымолвил:

– Олесь. Я так устал!!!

Его слова прозвучали как откровение – Олеся никогда не видела своего крёстного в таком состоянии, ей и в голову не приходило, что этот непоколебимый, словно скала, человек, может так сильно пасть духом. Она стояла опешив, в полной обескураженности не зная, как реагировать на слова Ильи Петровича. Веселье возобновилось с новой силой, шум, гам, топот, песни, пляски – толпа забесновалась ещё пуще, выталкивая Олесю из помещения, пока она не оказалась за его пределами. Дверь перед носом захлопнулась, оставив девушке кучу вопросов и ни одного ответа.

Делать нечего, остался лишь один человек, который мог прояснить ситуацию и это была бабушка. Олеся бегом помчалась по коридорам особняка, без стука вломившись в спальню Нины Семёновны.

– Бабуль, бабуль! – Затараторила Олеся и сразу онемела

от увиденного.

Бабушка танцевала перед зеркалом в свадебном белоснежном платье, под мелодию которую сама себе и напевала. Она медленно вальсировала, делала реверансы и кокетливо сыпала комплименты своему отражению в зеркале. Её высохшее от болезней и старости лицо, светилось от счастья. Олеся уже и забыла, когда в последний раз видела бабушку в таком прекрасном настроении, наверное когда то детстве, ещё до смерти деда.

– Бабуль! – Осторожно окликнула старушку Олеся.

Нина Семеновна, продолжая танцевать, плавно обернулась:

– Привет Лесь, а мы тут с дедой решили молодость вспомнить.

– В смысле с дедой? – Вылетел невольный вопрос из уст внучки.

Бабуля посмотрела в глубь спальни, где находилась кровать, и Олеся проследовала глазами за её взглядом. На заправленной красным бархатом постели, на месте подушки стояла надгробная мраморная плита с изображением деда. Олеся как ошпаренная вылетела из спальни. Не зная куда бежать, ноги сами несли её вдоль стен и коридоров. Ей чудилось, как пролёты в двадцать метров превращались в кросс на пару километров, одежда и лицо сырели от пота. Преодолев какое-то расстояние девчонка остановилась, запыхавшись опираясь о стену. Отдышавшись, Олеся подняла голо-

ву не понимая куда попала, неизвестная доселе часть дома, длинными коридорами уходила по сторонам. На стенах тускло рдели подсвечники, и не современные электрические, как в гостиной, а самые настоящие, со свечами. В конце коридора Олеся разглядела обычную, некрашеную, деревянную дверь, достаточно странную, не только по её меркам, но и по меркам их дома. С потолка над ней свисала верёвка. Девушка сразу вспомнила множество пересмотренных ужастиков, в которых зачастую, персонажи так и умирали, войдя куда не следует, а потому проверять что внутри, она явно не собиралась. Долгая дорога обратно, тянулась бесконечным коридором без поворотов и изгибов. Олеся потеряв счет времени, сильно вымоталась и дико проголодалась, но продолжала двигаться вперёд, всматриваясь в даль, в надежде увидеть хоть что-то отличающееся от этой монотонности. Наконец обессилив, девчонка рухнула на колени, уткнулась головой в пол и заплакала. Она устала искать выход, с досады ударила кулаком по полу и произнесла несколько проклятий, как вдруг обнаружила перед собой дверь. Правда – ту же самую, с веревкой на потолке. Желание ещё раз прогуляться по бесконечному коридору отсутствовало, и она решила войти внутрь. Олеся слегка потянула за веревку и дверь открылась. Помещение покрывала крошечная тьма, всматриваться в которую было бесполезно и тогда девушка робко спросила:

– Ау, есть кто?

Олеся уловила слабое шевеление во тьме. Холодок про-

бежал по спине, вынуждая непроизвольно пятиться назад. Во мраке таинственного помещения внезапно загорелись два жёлтых огонька, а если точнее, то два глаза, не принадлежащие человеку. Они напоминали глаза дикого зверя, словно Олеся попала в уголья волка. Неизвестное не спеша приближалось всё ближе и ближе, источая кровожадность. Олеся гипнотизировал смертельный взгляд, пресекая попытки шевельнуться, издать звук – заставляя только наблюдать.

Внезапно нюх пронзил запах свежесваренного кофе, девушка рефлекторно повернула голову в сторону аромата, и почуяла обжигающую боль в области руки. Олеся выдернуло из гипноза, и она увидела на полу свою кофейную кружку, вскочила и побежала так быстро, как никогда раньше этого не делала. Позади послышался неестественный вопль, нечто вступило в погоню. Олеся пыталась пару раз оглянуться, разглядеть преследователя, но попытки были тщетны, ведь вместе с этой тварью за ней следовала и сама тьма. Она настигала свою жертву, и наконец девушка смогла увидеть то, что за ней гонится и это была – баба Клава. Олеся побежала, что есть мочи, нервно оглядываясь назад, но старуха спокойно шла за ней, однако расстояние между ними всё равно сокращалось. Девушка ощутила, прикосновение к волосам, обернувшись она увидела старуху, буквально в двух шагах от себя.

– Кто ни будь, помогите!!! – Истошно, из последних сил выкрикнула девушка, не в силах продолжать неравную эста-

фету смерти.

Неожиданно на полном ходу Олеся врезалась и отлетела назад. Её руку сильно зажгло, будто ошпарило. От этого она стиснула зубы и зажмурилась. Боль продолжала пульсировать, до тех пор, пока её не начали сменять спокойствие и аура нежной теплоты. Нечто подобное Олеся уже ощущала. Девушка приоткрыла глаза и увидела свою кофейную кружку, а рядом и источник светлой энергетики. Перед ней стояла женщина, сбросившая личину служанки, и принявшая более узнаваемый вид.

– Ольга?

– Наконец то ты меня узнала.

– Как вы сюда попали?

– Куда? – Вопросом на вопрос ответила женщина.

Олеся посмотрела по сторонам в поисках ответа. Она попыталась выстроить хронологию действий, приведших её к гостиниой. Но не места, в которых побывала, не временные интервалы, никак не укладывались в голове. Девушка впервые старалась дать рациональное объяснение иррациональным событиям. И это оказалась так же трудно, как воспринимать за чистую монету бред нелогичного сна. Олеся замерла от удивления. В её голове начал складываться пазл, а в глазах отразилось отсутствие. Она потерялась где-то глубоко в себе, ведь матрица дала сбой. Её мозг судорожно перерабатывал полученную информацию, пытаясь устранить ошибку, возникшую в реальности.

– Я что, во сне? – Ущипнула себя Олеся и почувствовала боль.

– Мне пришлось вылить на тебя две чашки кофе, чтобы ты это поняла, ты внутри своего сознания, а твоё тело сейчас в коме.

– Но когда я успела впасть в кому? – Девушка натужено принялась искать момент перехода в данное состояние.

– Сейчас это не главное, – прервала её Ольга – Сейчас важнее найти выход отсюда, и только ты можешь это сделать.

– Но я не знаю, как. – Возразила девушка.

– Олесь послушай. Как ты поняла, что я настоящая, а не плод твоей фантазии?

– От вас исходит совсем другая энергетика, не присущая этому месту.

– Верно. Значит всё что тебе нужно, почувствовать ещё один такой источник. Проблема в том, что помимо меня их тут ещё как минимум два. Один выход, а второй...

– А второй? – Переспросила Олеся и тут же сообразила, кто может быть вторым источником энергии.

– Помни главное. Многое из того что ты увидишь просто фикция, набор твоих бесконтрольных ощущений. Поэтому будь аккуратнее со своими желаниями, – угрожающе подметила Ольга. – Теперь сосредоточься. – Строго скомандовала женщина.

Девушка закрыла глаза и принялась натужено думать.

– Туда. – Указала пальцем на противоположный выход из

гостиной.

Внезапно двери обеденной распахнулись и в них вошли все члены семьи. Быстро и дружно уселись. За ними следом прибыла прислуга. Служанки держали ароматные блюда в лучшей дорогой посуде, словно сегодня великий праздник. Стол за мгновение наполнился лучшими кулинарными изысками и дорогими напитками.

– Ммм... да, лёгких путей ты не ищешь, – саркастично подметила Ольга – Ладно идём, только будь осторожна, всегда следи за выходом, ничего не трогай и не отвлекайся. Поняла?

Олеся кивнула и тут же сглотнула голодную слюну. В животе заурчало, девушку посетил лютый голод и не удержавшись она произнесла в слух.

– Сейчас, что угодно, съела бы.

Внезапно, все обернулись в её сторону и сосредоточили своё внимание, на девушке.

– Лесь ты что там встала? А ну налетай на обед! – Позвал Илья Петрович.

Он отщипнул кусочек пикантного мясного блюда и начал с наслаждением пережёвывать, запивая дорогим вином. Семья так же поддержала крёстного и все принялись жадно поедать изысканные яства. Олесен желудок завибрировал голодной судорогой, а слюна засочилась изо рта. И только стоило сделать первый шаг, как обоняние поразил аромат свежеприготовленной лазаньи – итальянского блюда, которое

девушке так нравилось. Олеся невольно повернула голову в сторону запаха, прислуга раскладывала по тарелкам сочные, ароматные ломтики лазаньи, из которой нитями сочился плавленый сыр. И одну тарелку поставили на Олесено место, которое сейчас пустовало.

– Олесь не отвлекайся, следуй к выходу. – Сразу среагировала Ольга.

Девчонка взяла себя в руки, сосредоточившись на своем пути. Однако что-то менялось, свет в помещении стал тусклее. Она прошла несколько шагов, запахи ещё сильнее обострили вкусовые рецепты, желудок издал жалобный протяжный пустой звук и голод овладел девушкой. Сопротивляться этому было мучительно трудно, но Олеся упорно продолжала идти вперёд.

– Лесь ты куда? Что есть не будешь? – Завлекал крёстный.

– Олеся иди, перекуси. – Прохрипела Нина Семёновна.

– Дочунь, ну кушать то надо. – Уговаривала мама.

– Олесь сделай, что мама говорит. – Поддакивал отец.

– Олеся Юрьевна ваше место накрыто, присаживайтесь пожалуйста.

Голоса звали, настаивали присоединиться к трапезе, но девушка оставалась непреклонна и продолжала двигаться к своей цели. Больше половины пути уже за спиной и до заветной двери оставалось буквально пять метров.

– Подайте крабов с японским супом удон. – Скомандовал Илья Петрович.

Посуда зазвенела и гостиную пронзили ароматы морепродуктов и тонкой восточной кухни. Такому сопротивляться бесполезно, одержимая навязчивость проникла в разум девушки. Голод победил! Она рывком с пробуксовкой кинулась к столу, и в три прыжка преодолела дистанцию, отделяющую её от желаемого. Начала хватать со стола всё, что попадется под руку и запихивать себе в рот.

– Олеся вернись, не ешь это! Нам надо идти. – Громко закричала Ольга, однако девушка её не слышала.

Тогда она подбежала и попыталась силой отдернуть Олеся, но это не возымело успех, и девчонка дальше продолжила жадно поглощать содержимое стола. Ольга предприняла ещё несколько тщетных попыток физического воздействия – бесполезно, не прорваться. Олеся словно оградила себя ментальным щитом и увязла в своей ненасытной похоти. По другую сторону стола раздался размеренный смех. Под картиной с библейским сюжетом сидел человек. Он словно сошёл с поверхности полотна, ведь на том месте где был нарисован Каин сейчас красовалась пустота. Мужчина спокойно ел торт, пару минут он смаковал искусно выпеченный десерт, запивая неизвестным содержимым. Затем отложил столовые приборы, отставил стакан и блюдо в сторону и обратился к Ольге.

– Вообще я не фанат сладкого, но этот торт получился на удивление вкусный. Попробуй кусочек, тебе понравится.

– Спасибо не хочу.

– Зря, но настаивать не стану. И всё же не будет никакого греха если ты попробуешь.

– При чём тут грех, я просто не хочу.

– Не при чём, я всего лишь пытаюсь поддержать разговор.

– Давай без прелюдий, что тебе нужно? – Хладнокровно спросила Ольга.

– У меня выдалась минутка другая свободного времени, вот я и решил позволить себе кусочек торта и беседу с приятным человеком. Олеся всё равно занята ей не до нас, остальным тоже.

– Что ты с ней сделал?

– В сущности ничего, дал то чего она желала в данный момент. Скажу больше, сейчас все причастные делают только то, что желают в данный момент. Даже ты.

– Я желаю обратиться отсюда подальше.

– Я в курсе. И ты можешь идти, тебя никто не держит.

– Без Олеси я не уйду.

– И это мне тоже известно. Но Олесе придётся задержать-ся. Будет некрасиво, если она сейчас очнётся. Таким образом, одна ты идти не хочешь, а сделать ничего не можешь. Вот я и предлагаю непринуждённую беседу. Присаживайся. – Указал мужчина на стул.

– Что ты с нами сделаешь? – Перевела Ольга пытаясь выудить информацию.

– Всё зависит от твоего сына. Знаешь, твоя семья обладает одной интересной чертой. Она называется стабильность.

Бесспорно, в этом есть свои недостатки, вы можете годами, стабильно терпеть одно и то же, не подавая вида, из-за своего постоянства из раза в раз становясь всё более предсказуемыми. Но с другой стороны, вы стабильно любите одних и тех же людей и стабильно совершаете ради этих самых людей одинаковые поступки, пусть даже и безрассудные на первый взгляд. Это говорит о вашей высокой преданности. И меня если честно, не побоюсь этого слова, восхищает эта черта. Сейчас, – Каин выставил ладонь перед собой. – На одной чаше весов стоит здравомыслие. На другой, – мужчина выставил вторую ладонь. – лежит то, что больше всего желает сердце Кирилла. И если мои наблюдения верны, с вероятностью девяносто девять и девять процентов, сработает врождённый фактор стабильности и желаемое вытеснит здравый смысл.

Ольга посмотрела в сторону Олеси. Каин засмеялся с новой силой.

– Ты мудрая женщина, сразу уловила о ком идёт речь. А вообще интересная штука – желание. Именно оно делает нас людьми. Даёт импульс развиваться, чего-то добиваться, становится мотиватором прогресса. Но знаешь ли ты, что идёт рука об руку с желанием?

Ольга думая о сыне, сама того не понимая, автоматом ответила на вопрос:

– Грех.

– Правильно, – одобрительно кивнул Каин. – К слову ты первая, кто ответил мне на этот вопрос. Каждый рождается с

первородным грехом. С самого начала, на нас вешают ярлык за проступок, который мы не совершали. Справедливо? Речь сейчас не об этом. Вместо того что бы идти по пути искупления и вершить благодетель, мы преумножаем собственные пороки. Взгляни на них. Все мои потомки увязли в похоти и грехе. Блуд, – указал он на Юрия Николаевича. – Уныние, – перевёл на Анастасию Петровну и Нину Семёновну. – Гордыня, – бросил в адрес Ильи Петровича. – И на данный момент чревоугодие. – Ткнул на Олесю, бесконтрольно набивающую брюхо и не замечающую ничего вокруг.

– Ты кое-что забыл. – Подметила Ольга.

– Неужели?

– Братоубийство.

Каин пугающе улыбнулся, по достоинству оценив замечание женщины.

– А ты умеешь поддержать диалог. Но что мы в итоге получаем. Непреодолимое желание даёт нам силу двигаться вперёд. Но на пути к цели своего вожеления, люди совершают немислимые вещи, порождая тем самым новые грехи.

– Кому как не тебе об этом знать. – Огрызнулась Ольга.

– Мы уличены в них, наши пороки лежат на поверхности, но что стоит за тобой? Блуд? Нет, это не про тебя. Алчность? Не думаю. Тщеславие? Мало вероятно. Может быть скорбь?

На слове скорбь женщину заметно дёрнуло. Она прекрасно понимала, куда метит собеседник и уже готовилась обороняться, но Каин не успел форсировать атаку. Раздался хло-

пок. Посередине обеденной из ниоткуда появился Кирилл. Ольга наблюдала за сыном, чья внешность оставляла желать лучшего. Его вид не отличался от живого мертвеца.

– Смотрю, появление сына тебя немного озадачило.

Ольга прокрутила в голове встречу с Каином и всё что он сказал.

– Что-то изменилось, в прошлые воплощения ты был менее болтлив.

– Ты только заметила?

– Неужели ты нашёл способ разорвать... – Не успела закончить Ольга.

Каин кивнул.

– Наслаждайся, а мне похоже пора, – воодушевлённо вскопчил мужчина и на фразе. – Позвольте откланяться. – Покинул помещение.

Ольга онемела.

– Кирилл что с тобой? – Вымолвила, пришедшая в себя Олеся.

Она несколько секунд мешкала, но затем невзирая на вид парня, бросилась к нему на шею.

– Ты ведь не покинешь, не оставишь меня одну? – Крикнула девчонка.

Мёртвая копия Кирилла, едва открывая рот, медленно и тихо заговорила. Даже в полной тишине, услышать слова было практически невозможно. Олеся, как могла концентрировала слух. В какой-то момент его голос усилился, делая ска-

занное более различимым, а текст внятным.

– Я снова стану твоим необыкновенным, а ты снова станешь моим Ангелом. Но то будет завтра, а сегодня. Отдаю последнее, что у меня осталось.

От услышанного Ольга ушла в прострацию рухнув на колени, а Олеся будто зная, что Кирилл скажет, вцепившись в парня, молила не заканчивать фразу. Последним предложением Кирилл обрушил тьму, теперь всё было кончено.

ГЛАВА 14. ЗАВЕЩАНИЕ

Анастасия Петровна маятником перемещалась по обеденной. В походке прослеживалась нервозность, в движениях острота и нетерпение. Женщина мелькала из стороны в сторону, нервируя своим поведением мужа. Юрий Николаевич почти вразвалочку сидел, отодвинувшись от стола, скоропешно уничтожая бутылку шотландского скотч виски.

– Хватит маячить, – недовольно высказался мужчина. – Насть прищемись. От того что ты наворачиваешь круги он быстрее не очнётся. Он тут сидит овощем уже двое суток, может он вообще не очнётся.

– Илья сказал, он может пробудиться в любую минуту.

– Илья сказал, – попугаем повторил Юрий Николаевич. – Илюха последнее время много чего говорит.

– И столько же делает, в отличие от родного папаши, – злобно добавила женщина. – Пока твоя дочь лежит там без сознания, – указала Анастасия Петровна в сторону Олесеной

комнаты. – Ты сидишь на жопе, бухаешь и заливаешь глазки с видом как будто, так и надо.

Ненависть, неприкрытая, яркая ненависть заиграла в мужчине: к дому, к посёлку, стране, миру и всему живому, а главное к собственной жене. Юрий вскочил, его рука приподнялась в сжатом кулаке.

– Не стоит этого делать Юрий Николаевич.

Правильно. Я очнулся несколько минут назад, не подавая вида наблюдая склоку, но обстановка неприлично накалилась, настал мой выход.

– Одно дело ухлёстывать за служанкой и уже совсем другое поднимать руку на жену. – Словесно осадил я мужчину.

Они оба изумлённо повернулись на мой голос, но после последней фразы Анастасия Петровна замахнулась и смачно, звонким шлепком, ладонью приложилась к щеке мужа. Юрий оторопел, отступив немного назад.

– Потом разберёмся, – процедила женщина. – А сейчас беги и найди Илью, скажи Кирилл пришёл в себя.

Юрий Николаевич неуклюже скрылся за дверь.

– Помогите встать, – обратился я к Анастасии Петровне. – Ноги окаменели.

Женщина ринулась отрывать меня от стула, ноги не слушались тела, руки ослабели, в желудке грохотал голод. Я опираясь на Олесену маму сделал пару шагов.

– Какое сегодня число?

– Пятнадцатое.

– Конец цикла. – Вырвалось из пересохшего рта.

– Конец чего? – Переспросила меня женщина, не расслышав.

– Не важно, – облокотился я на стол. – У меня совсем нету сил. Неимоверная слабость.

– Ты ничего не ел два дня, не удивительно. Аня, – позвала Анастасия Петровна. – Аня.

Служанка выглянула из-за двери, по ту сторону помещения доносился шум и гам, настоящая суматоха, топот, множество незнакомых голосов и даже пение.

– Ань быстрее принеси Кириллу перекусить. Там бутербродов или чего-то такого.

– И попить. – Спокойно сказал я.

– И попитьхвати. Давай шевелись. – Рывкнула женщина на служанку.

Анна вернулась быстро, с подносом бутербродов из ветчины и сыра на нарезном батоне и кувшином апельсинового сока. Я шустро справился с холодной закуской, ополовинив при этом тару с напитком. Только закончилась сухомытная трапеза, как в обеденной показался Илья Петрович в сопровождении двух товарищей по секте.

– Пошли. – Не церемонясь, приказным тоном сказал глава клана.

– Где Олеся?

Илья Петрович махнул головой и по негласному приказу товарищи по секте направились ко мне.

– Я сам в состоянии идти.

Но меня снова проигнорировали. Вместо этого взяли под руки и повели к выходу из обеденной. Перед самой дверью отпустили и вытолкнули наружу в гущу шумного дома. По обе стороны коридора, по всему второму этажу стояла здоровенная толпа людей, кишкой протянувшаяся от обеденной до Олесеной спальни. Люди не выглядели зомбировано, или фанатично. С виду самые обычные граждане, которых можно встретить в любом общественном месте. Они разговаривали и общались друг с другом. Между ними крутились дети разных возрастов, другие энергично бегали по коридору. Один из таких врезался в меня, едва не сбив с ног, но в итоге сам грузно шлёпнулся на паркет. И в это самое мгновение толпу словно подменили. Люди внезапно замолчали, синхронно, вместе, не сговариваясь сначала посмотрели на упавшего на пол ребёнка, а затем обратили всё внимание на мою персону. Точно так же, как несколько дней назад в квартире бабы Клавы меня впервые встретила Олесена семья. Только без пресловутой, гнетущей маски лица. Толпа начинала расплываться в блаженстве и приторных улыбках, на грани искреннего восторга и рвущейся эйфории. Меня встречали, как кумира детства и юности, звезду первой величины, а не как безымянного ноунейма – коим по факту я для них и являлся.

– Топай. – Раздалось позади.

Я промедлил, но после увесистого тычка в спину, по-

брёл по коридору вперёд. Толпа по бокам активизировалась ещё сильнее, стоило лишь пройти мимо очередного сектанта. Меня внимательно рассматривали, каждый кому не лень не упускал возможности дотронуться до руки или волос. Одна дама подняла маленького ребёнка повыше, что бы тот мог слюнявыми пальцами прикоснуться к моей щеке. Наш кортеж в лице меня, двух сектантов охранников, Ильи Петровича и мамы Олеси тормознул на развилке. Слева, облепленная любопытными глазами, находилась Олесена комната, справа коридор продолжался и вёл к лестнице на первый этаж. Именно оттуда, расталкивая толпу, нам на встречу вышел Юрий Николаевич. Он боролся с марафонской одышкой, хотя на деле прошёл не больше пятисот метров.

– Илюх, – запыхался мужчина. – Там на улице менты на нескольких машинах приехали, тебя требуют.

Илья Петрович насупил ноздри, озабоченно глянул на сестру.

– Насть, заходи в комнату, а мы позже подтянемся.

Затем он дал инструкции двум лобастым, коренастым сектантам.

– Его, – тыкнул пальцем мне в грудан. – К окнам не подпускать, мало ли какой фортель выкинет. Дверь можете не блокировать, тут ему рыпаться не куда. А лучше усадите на стул и пусть сидит. Как я вернусь мы начнём. – Последнее он адресовал своей сестре.

Дверь в спальню отварилась. У кровати на которой в бес-

сознательном состоянии лежала Олеся, согнувшись сидела Нина Семёновна с белым носовым платочком в дряблых руках. В мерцании прикроватного светильника мирно лежала Олеся, обложенная подушками. Она была точно кукла на витрине магазина с игрушками. Но хорошо заметная экскурсия грудной клетки и непроизвольное, быстрое дрожание век, словно она видит кошмарный сон, говорило – передо мной находится не муляж, но настоящий, спящий Ангел.

– Олесь очнись, это я. – Бросился я к Ангелу.

Меня остановили, а с учётом небольших габаритов и довольно хилого набора физических характеристик по сравнению с сектантами-охранниками сделать это получилось довольно просто. В ход дела вмешалась Анастасия Петровна:

– Не трогайте его, пусть подойдет, он ей не навредит.

Но её просьба осталась без должного внимания, меня отшвырнули в другую сторону.

– Сядь. – Грубым басом, в приказном тоне указал мордастый сектант.

Сразу видно чьё слово имеет реальный вес. Они с легкостью пропустили мимо ушей слова Анастасии Петровны, зато приказ Ильи Петровича выполнили в точности, по инструкции и безоговорочно. На лицах Нины Семёновны и её дочери отобразилось явное беспокойство и тревога, они растерянно отвернулись по разным сторонам, пытаясь потушить разгорающееся чувство совести. Я сел на стул в дальнем углу комнаты. Впервые с момента моего прибытия сюда,

ко мне начал подкрадываться панический страх, вызванный не мёртвым проклятием Олесеной семьи, а живыми обитателями теремка двадцать первого века.

Уставшая физиономия Ильи Петровича показалась в дверях.

– Илюш, всё нормально? – Поинтересовалась у него мама.

Глава семьи пересёк комнату, подвинул сектанта-охранника и встал у окна.

– Конечно, разве может быть иначе? – Риторически ответил старушке сын.

– Где Юра? – Осторожно поинтересовалась сестра.

– Сейчас подтянется.

Илья Петрович достал из кармана сигареты, ударил закрытой стороной пачки об подоконник, так что одна из сигарет наполовину вылезла из упаковки. Вынул сижку, похлопал ладонью по карманам, нащупал зажигалку, тройку раз неудачно чиркнул, на четвёртый подкурил. Глубоко затянулся, но тут же убрал сигарету, переломил пополам двумя пальцами и швырнул на подоконник. Подоспел последний персонаж. В комнату переводя дыхание, зашёл Юрий Николаевич.

– Не успел. – разочарованно посмотрел глава семьи на сломанную сигарету. – Ладно, начинаем.

– Что начинаем? – Задал я вопрос в пустоту, и заелозив на стуле снова спросил. – Что начинаем?

Олесена семья, не обращая на меня внимания, выстроилась вдоль кровати, они опустили головы с минуту недвижительно.

мо постояли и запели. Первым затянул глава семьи, за ним поочередно включились все остальные. И снова здорова. Та же мелодия из недавнего сна, она же звучала во дворе из уст сектантов два дня назад. Я вскочил со стула.

– Илья Петрович, какого чёрта здесь происходит?

– Заткнись, – обернулся глава семьи, указывая на меня пальцем. – Я не люблю повторять по несколько раз, лучше не доводи до греха. – Властно подчеркнул мужик.

От Ильи Петровича исходила бешеная, подавляющая энергетика. Мне хотелось отвести от него взгляд и молча сесть. Но ответ меня не устроил, а потому я решил задать другой вопрос, только теперь на его языке:

– Что Каину нужно от Олеси?

Пение резко прекратилось, в новоиспеченной тишине, позади Ильи Петровича прозвучало:

– Тело.

Все обернулись на дрожащий голос Нины Семеновны:

– Каину нужно тело, как когда-то от моей старшей сестры.

– Мам!

– Илюш, я думаю он имеет право знать.

– Тогда я сам. Мы проводим ритуал переселения души, – снова всё внимание переключилось на меня. – По окончании которого, наш предок, истинный глава семьи, Отец Каин, займёт своё место в новом сосуде. Тело Олеси станет его храмом.

Я потерянно смотрел на личностей, стоявших напротив

меня. На всю Олесену семью, на самых дорогих, на самых близких, на самых любимых ей людей. И не понимал, как такое возможно. Не находил не одного ничтожного аргумента, оправдывающего их действия. Эти люди поступались самым благочестивым, самым святым, что было в их жизни. Они поступались своим единственным дитём. В голове стрельнула последняя фраза, она встала поперёк горла и раздирая голосовые связки полущёпотом в вопросительной форме выбралась наружу:

– Станет его храмом?

Илья Петрович щёлкнул пальцами.

– Усадите его на место.

С самого детства мои родители, своим поведением, отношением друг к другу и окружающим, пусть и не напрямую, но личным примером, показали к чему нужно стремиться и каким человеком быть, заложили в меня идеи и морали. Уже до поступления в мед. я хорошо знал о чести белого халата, и о главном принципе медицинской этики – не навреди. И этой фразой мне довелось руководствоваться не только на посту фельдшера, но и на посту простого человека. Но стоя здесь и сейчас, предвкушая приближение двух сектантов-охранников, покинувших свои посты у окон и готовых по отмашке Ильи Петровича усадить меня на место, искренне не находил причин далее следовать неукоснительным принципам своей жизни.

Периферийное зрение уловило пустую стеклянную бу-

тылку из-под минералки, затесавшуюся рядом с флаконами парфюмерии на зеркале. Этим напитком, пару дней назад, я выравнивал водно-солевой баланс после пивного похмелья. Честно признаться, я не боец и бутылка подвернулась как нельзя кстати. Всё произошло быстро, взмах руки и точный удар в висок. Бутылка разлетелась, полностью сломив сопротивление первого сектанта. Мужика развернуло в сторону прикроватного столика, он приземлился окровавленным лицом на светильник, добавив себе увечий. Второй на мгновение замешкался промедлив с ударом и опомнился за секунду до того, как я сблизился с ним на опасную дистанцию и загнал ему в щёку осколок от разбитой бутылки. Страх перемешивался с адреналином, стоны дополняли визги, а тяжёлый запах крови разделял меня и последнюю цель. Мерцание и решающая битва взглядов, в глазах Ильи Петровича пылали яростные огоньки. Это последние что я запомнил, перед тем как мой разум потушили. Увесистая, убойная встреча прилетела чётко в челюсть. Перед глазами сыпались искры, мысли разлетались в разные стороны, туго собираясь обратно. Я снова увидел стул и понял, как нехило меня отбросило назад. По комнате носились люди, одного пострадавшего уводили под руки, другого в бессознательном состоянии уносили. В дверях бесновалась толпа, Юрий Николаевич схватившись за голову не отрываясь разглядывал лужу крови на полу, Анастасия Петровна, проливая воду мимо, пыталась наполнить стакан, который держала Нина Семёновна, а гла-

ва семьи, сохраняя хладнокровие, руководил сектантами. И только Олеся мирно лежала на кровати и не видела того что вижу я, не слышала, как своды её мира трещат, обречённо рушатся, утопая под обломками, досады, горечи и одиночества.

Мой голос истерической ноткой пронзил суету бесплотного воздуха, заглушая общий галдёж:

– Чё же вы творите суки!

Я встал с трясущихся колен, уже который раз за этот короткий день, обращая всё внимание на себя.

– Это же ваша внучка, – обратился к опустившей голову Нине Семеновне. – Ваша единственная дочь, – колол глаза пожелавшим не смотреть на меня родителям Олеси. – Ваша крестница, – тыкал я Илью Петровича, сосредоточенно следящего за моими движениями и стирая пальцами кровь капающею из разбитой губы, добавил. – Она же ваша кровиночка. Прошу. Не надо. Не делайте этого.

Никто из семьи, включая главу не осмелился ответить на мою просьбу. Но ответ всё же поступил, ясный и понятный. Сектанты бесновавшиеся в дверях спальни запели ритуальную песнь. За ними подхватили волну те, кто стоял дальше по коридору.

– Не надо, остановитесь, не делайте этого.

Но меня не кто не слышал, а точнее не слушал. Я сделал несколько шагов по направлению к Олесе, в попытках перекричать оживившуюся толпу:

– Олесь проснись, прошу тебя, ты должна очнуться. Олесь ты должна очнуться.

Всё четко, мой голос больше не доходил до неё. Я не смог ничего сделать и уткнувшись в вытянутую руку Ильи Петровича, остановился. Он спокойным движением оттолкнул меня легонько назад, и я будто выпал из комнаты, очутившись в недавних воспоминаниях. В тех самых воспоминаниях, где мы с Олесей стояли в ванной друг напротив друга. И словно на яву, снова ощутил её прикосновение к моему телу, почувствовал присутствие Ангела и услышал слова. «Ты ведь не покинешь, не оставишь меня одну». Представив, что Олесь на самом деле сейчас находится здесь, передо мной, я вслух произнёс то, что вероятно она никогда не услышит:

– Не так давно я сказал, что отправлюсь за тобой на край света, за грань смертельного круга, будут сменяться года, наши волосы покроет старческая седина, но всегда будешь «ТЫ» и всегда буду «Я» и эта константа не изменится. Прости. Похоже я не смогу сдержать слово. Но кто знает, может быть завтра всё закончится? Мгла рассеется, сезон дождей прекратится, а над нашими головами, искрясь будет светить новое солнце. И может быть завтра мы снова встретимся, ты узнаешь меня, и я снова стану твоим необыкновенным, а ты снова станешь моим Ангелом. Но то будет завтра, а сегодня...

Меня выдернуло из мыслей, возвратив обратно.

– Отдаю последнее, что у меня осталось, – вдохнув полной

грудью я выкрикнул, так чтобы меня услышала сама преисподняя. – Возьмите меня, только оставьте Олесю.

Слева раздалось три отчётливых, последовательных хлопка. Всё окружающее пространство остановилось, включая голоса, затем потеряло в цвете став чёрно-белым и наконец окончательно исчезло. Вновь вырванные из привычной реальности, где пустота шла рука об руку со смертью, а метры сменялись километрами мертвенной тьмы – стояли два человека. На том самом месте, которое я принял за сон, где несколько дней назад началась эта душная история, где сегодня для одного наступит самый важный день в его жизни, а для другого всё закончиться. Кем-то из этих двух предстояло стать мне.

– Ну и артисты. – Произнёс отголосок библейского прошлого, хлопая в отяжелевшей, приглушённой темноте.

– О чём ты? – Бросил я с пренебрежением.

– Сейчас объясню, но давай по порядку, сначала нужно представиться.

– Я знаю кто ты.

– Оп, оп, оп, подожди, – вытянул ладонь собеседник. – Сегодня исключительный день, не воспользоваться сложившейся драмой будет грешно, а уж поверь в грехах я кое-что смыслю. Итак, позволь представиться.

Пространство наполнилось леденящим холодом, покрывая тело мурашками.

– Я тот, кто скрывается во тьме, я тот, кого отверг наш

Отче, – далее он замедлился, акцентируясь на каждом слове. – Нечестивый, лукавый, окаянный, я...

– Каин. – Пришлось мне добавить, подыгрывая спектаклю одного актёра.

– И приз за пронизательность вечера отходит моему доброму другу Кириллу.

– Доброму другу, – ошетинился я на слове другу. – Мы с тобой не друзья.

– Согласен, мы не друзья, мы считай братья.

– Меня ты тоже убьёшь как своего родного брата? Или может ты не тот, за кого себя выдаёшь? К чему весь этот калейдоскоп ужасов?

Каин засмеялся.

– Ответы, всем нужны ответы. Хорошо, устраивайся по удобнее и внимай. Любая история имеет нулевую точку, скажем так начальный отсчёт. Наша история уходит далеко за день моей последней смерти, за год твоего первого рождения и находит истоки в давно пересохшем прошлом. В час, когда самодельным разделочным ножом для туш, я умертвил своего младшего брата, принеся в жертву. Что интересно именно наши жертвоприношения первыми упоминаются в книгах, в частности в библии, хотя в те дни подобным обычаям следовали повсеместно. Каждый подносил дар Всеотцу, в благодарность за хлеб наш насущный. И как итог, всё хорошее и плохое что случалось с человеком, расценивалось не как причина и следствие его действий, а как Божествен-

ное проведение. Изъявление воли Господа и его неисповедимого пути. Под влиянием подобных убеждений, мы с Авелем раз в неделю ходили к жертвенникам. Облюбленный с детства родителями, а теперь и услышанный самим Всеотцом, его жизнь в отличие от моей, складывалась крайне удачно. Во время обрядов он говорил мне «Терпение и непоколебимая вера брат». Да, он был наполнен искренней верой. И в конце каждого приношения впадал в неистовый экстаз, переполненный благодатью. Во мне играла зависть и кипела ненависть, я корил и одновременно уповал на Бога. И вот, на очередном жертвоприношении я решил преподнести в дар Всеотцу его любимца. Взял самодельный разделочный нож и воткнул в горло Авелю. Хотел разрезать глотку по шире, но когда вонзил лезвие, брат отпихнулся, его замотало, он громко закашлял и пал на собственный жертвенник, прямо к подготовленным для обряда ягнтям. Выкашливая кровь изо рта, схватившись за ручку ножа, Абель смотрел на меня переполненный всё той же чистой благодатью и верой. Ведь сейчас он испустит дух и встретиться с Господом в обители предков. Я понял, что натворил, но всё равно переполненный ненавистью бежал прочь, не останавливаясь до рассвета нового дня. Спустя время в невиданных доселе землях, прибил к общине. Там не знали о моих деяниях. Мне предстояло обзавестись женой, ребёнком, внуком, и даже поянчить правнука. Затем мой дух покинул бренный мир и тело придали земле. Перед самой кончиной я бредил, что после

смерти встречусь с Авелем и вымолю у него прощение. Зная своего брата, уверен, он бы меня простил. Но оказавшись по другую сторону жизни, между небом и землёй, на девятый день, на том месте, где сейчас стоим мы, я встретил не Авеля, но самого Всевышнего. Он не дал мне прощения, взамен завещав вечное бремя земного существования. И ничто: ни потоп, не землетрясение, не кара небесная, не гиена огненная не смоет моего присутствия на лице планеты. И даже после судного дня, весь мой род останется за пределами царствия его. А дабы сам Всеотец не забыл слов своих, оставил на руке моей метку.

Каин засучил рукав, показывая тёмные, кофейного цвета иероглифы. Такую же татуировку я видел на руке служанки Анны. Каин скрыл метку продолжив:

– Я очнулся, но не в своём прежнем теле, а в теле своего правнука Мехиаэля. И так я начал проживать множество жизней, переселяясь в своих детей. Даже осознавая, что меня ждёт после биологической смерти очередной оболочки, страх от прикосновения костлявой руки старухи с косой заставляет содрогаться и по сей день. Ведь человеческое тело от природы запрограммированно бояться смерти. Нужно ли говорить, как жестоко поступил Отец. Так проходили тысячелетия, миновали века, до одного непредвиденного случая. Во время переселения в тело Олеси, вторглось третье лицо и сделало, как мне казалось на тот момент, невозможное. Появился ты и совершил одну из самых великих благодетелей

Господа. То, за что дают отпущение всех грехов и даруется прощение. Ты совершил самопожертвование ради Олеси, тем самым не только замолвив за неё словечко на небесах, но и очистив весь её род в лице Господа. Другими словами, ты даровал нам всепрощение. Дело оставалось за малым, прожить жизнь в новой оболочке, а после вознестись со всеми своими потомками к небесному граду. Но...

– Всегда есть, но, – вставил я. – Что-то пошло не так?

– Да. И это мягко сказано. Стоило мне только переселиться в твоё тело, как время и пространство откатило назад. Не только я, всё вокруг вернулось в недалёкое прошлое. Во мне бурлила ярость. Пять минут назад я был в шаге от триумфа, тысячелетия земной жизни вот-вот подойдут к концу. Но снова удача выпорхнула из ладоней. Стало абсолютно не понятно, почему это произошло. Благо я выяснил, переместило нас не далеко, к середине девяностых годов прошлого века. Дальше стало ещё интереснее, мало того никто ничего не помнит, так ещё и события развиваются почти по тому же сценарию, что до этого. Выдумывать я ничего стал, тем более, когда признал в маленьком внуке своей соседки по лестничной площадке, того самого парнишку, который годами позже и совершит самопожертвование. Совпадения поражали. Но ещё больше меня поразило, когда ты, снова не колеблясь совершил по отношению к Олесе великую добродетель. Несмотря на то, что после этого, время ещё два раза откатывалось назад, я уже не был на столько зол. Раздражён – воз-

можно, но не зол. Ведь, как выяснилось твоё самопожертвование не случайность, а закономерность. Признаюсь честно, впервые за многие столетия меня смогли приятно удивить и даже лишить дара речи. Оставалось увязать две вещи: перемещение времени в прошлое и связанную с этим дату – девятнадцатое января, девяносто пятый год, ну и конечно же затем решить проблему. Тогда я искренне не мог понять, что не так. Но это оказалось меньшее из зол. На этот раз история стала развиваться в другом направлении. В события включились новые переменные. Внезапно умирает твоя бабушка и вместо того чтобы отправиться учиться в Балашов и там встретиться с Олесей, ты остаешься в родном городе. Рыбка сорвалась, я в панике подыскиваю тебе замену понимая, скорее всего с другим человеком такой трюк не провернуть. Но вот удача. Погибает твой отец, а за ним отходит Ольга. Осеннее утро две тысячи шестнадцатого, в дверь моей однушки постучали. Я открываю дверь, а на пороге дома стоит никто иной, как сам Кирилл. За бокальчиком чая с сушками он рассказывает доброй старушке о скоропостижной кончине родителей и своём переезде в Балашов. Ты помнишь это Кирилл?

Я не стал реагировать на вопрос, напряженно слушая расклад Каина.

– Я ясно отдал себе отчёт, замена не понадобится, но тебя как-то нужно подвести к моменту самопожертвования. И тогда пришла в голову мысль, зайти через Олесю. Ей нуж-

но было внушить страх перед необъяснимым злом в роли старушки, а тебе наоборот нарисовать образ добродушной и мудрой, но одинокой бабушки, брошенной собственной семьёй. И если второе получилось идеально, то с девчонкой дела обстояли скверно. Когда я явился к Олесе, то наткнулся на подводные камни. Её день и ночь охраняла твоя проекция. Она следовала за ней по пятам, а по ночам молча стояла в углу комнаты. И всё ничего, но эта проекция источала сильную ауру, представляя угрозу даже для меня. Из-за этого было не подступиться к Олесе. Я прекрасно понимал всё что нужно, довести тебя до самопожертвования, а там время вновь обратится назад. Соль была в том, что до этого ваши отношения развивались годами, и за несколько дней до собственной свадьбы ты беспрекословно был готов отдать жизнь за любимого человека. А тут у вас оставалось лишь девять дней на отношения. Кто же станет жертвовать собой ради незнакомки, правильно? Как итог, в день переселения, ты выскочил в окно и сбежал. Но в последний момент вернулся и всё же совершил благодетель. Тут не было моей заслуги, сыграл фактор чуда. Каким-то образом, твои воспоминания об Олесе просочились из предыдущих жизней. Я сделал выводы. Во-первых, мне повезло. Во-вторых, мне нужно торопиться, если сейчас в тебе уже всплывали воспоминания из предыдущих жизней, значит не ровен час, когда ты вспомнишь и меня. И тогда всё усложнится. Более нельзя было рисковать, и я решил действовать наверняка. Наступи-

ла шестая реконструкция событий. Я разослал людей собирать информацию, касательно происходящего и занялся подготовкой Олеси. Несмотря на стойкую охрану, мне удалось внушить страх девчонке перед ночным ужасом. Затем снова подружился с тобой в теле Клавы – это уже было дело техники. Незадолго до смерти тела, я связался с семьей и в последний раз проинструктировал Нину и Илью. И вот седьмое ноября. Таинственная смерть бабушки Клавы, невнятное обстоятельство смерти, появление мутных родственников, начинают закладывать в тебе зёрна сомнений, порождают вопросы, но не дают ответы. Пришло время Ангела, на шахматной доске свой ход сделала Олеся. Вас объединяет забытое прошлое, подавленные чувства и мёртвая старуха. Клавдия сыграла неплохую роль, она стала своего рода узнаваемым брендом. Все эти сны с её участием, дверные звонки и даже твои приятные воспоминания о старухе. Далее, как сейчас модно говорить, я начал вас кошмарить, вы должны были в меня поверить, как в реальную угрозу и ещё больше объединиться перед лицом общего врага. В дополнение, Олеся подливает масло в огонь, рассказав о детских кошмах. Я потихоньку, напитываю вас страхом, словно губку водой. Ты же прекрасно знаешь, страх делает людей покорными, именно он является наилучшим манипулятором. Потом поступает приглашение в Романовку. И конечно, правильный Кирилл встаёт перед выбором. Забиться в угол дома оставив девчонку один на один с появившейся тьмой или рвануть с Анге-

лом чья любовь далёкими отголосками прошлого уже успела залезть глубоко под кожу и в Романовке почить память доброй старушки. Зная тебя, выбор стал очевиден. И вот, покинув родные стены, ты пребываешь в обитель новых сомнений, сталкиваясь с личностями, выдающих себя за прислугу, с поминальным обедом, ритуальной песнью, и всё это приправлено недомолвками и недосказанностью. И последняя капля, сдувшая всё доверие с Олесеной семьи, откровенная, наглая ложь, сказанная тебе прямо в глаза. Согласись, неприятно, когда тебя держат за дурачка и особенно, когда оскорбляют твой интеллект. Возник диссонанс: на одной чаше весов чистый Ангел, на другой, лживые сектанты и нависшее зло. Пятнадцатое ноября. Дом заполнен фанатиками, а Илья приводит тебя на ритуал, в ходе которого, Олесено тело предадут древнему проклятию семьи. Тому самому, которое преследовало девочку всё её детство и последние несколько дней. И немало важно, родители проведут обряд собственноручно. Тогда ты окончательно сломался, испугался и сделал то, что я хотел. Беспрекословно капитулировал, пожертвовав собой ради Ангела. Страх лучший манипулятор. Что касается Ильи, Нины, Насти и даже Юры с другими сектантами, они прекрасно отыграли антагонистов, очень убедительно. На кону стояло их дитя, конечно они выполнили всё, что я сказал и естественно их выбор пал не в твою пользу.

Я слушал длинный рассказ Каина, описанный в детальных подробностях. Мужчина ухмыльнулся:

– Позволь вопрос?

– Только если потом ответишь на мой. – Поставил я условия.

– Договорились.

– Тогда спрашивай.

– Где ты был с тринадцатого по вечер пятнадцатого ноября?

– Официально сидел в обеденной, а неофициально попал в прошлое, где встретился с мамой и попросил её о помощи.

Каин раскатился смехом.

– Да, это объясняет её появление, а я то всё гадал, откуда она такая взялась. Интересно. Если Ольга была моей мамой, уверен она достала бы самого Господа.

– Моя очередь. – Перевёл я разговор от мамы.

– Спрашивай.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь, если время снова откатится назад, и мы вернемся в прошлое?

– Не хочется тебя расстраивать, но возвращений в прошлое и перерождений больше не будет. Я разгадал загадку. После того как меня снова переселило в твоё тело произошёл очередной временной откат. В седьмой раз всё пространство вернулось в прошлое. Одна проблема была решена, а именно с заманиванием тебя в Романовку и дальнейшим самопожертвованием. Я просто действовал по тому же плану, что и в предыдущий раз. И учитывая, что сценарий прошлого больше не менялся, делать это стало легко. Но в тебя и Оле-

сю всё сильнее просачивались воспоминания из предыдущих жизней, время поджимало. Наступила девятая реконструкция. Однажды меня случайно дёрнуло узнать о тебе побольше и когда я увидел дату твоего рождения, понял, как был глуп и слеп. Ответ находился перед глазами долгие годы. Каждый раз, пространство возвращалось в прошлое, ровно к дате твоего рождения, прибавь к этому появившуюся из вакуума копию, приставленную к Олесе и станет очевидно, перемещения во времени связаны с тобой. Я покопался в литературе и обнаружил интересный догмат. Знаешь, Всеотец любит правила и одно из них гласит: «Не одна безгрешная душа не может быть потеряна, но обретёт блаженство вечной жизни в благодатном соучастии с Богом в Царствие небесном». После самопожертвования, тебе отпустились все грехи, ты стал как чистый лист бумаги и по правилам должен был вознестись в небесный град. Но вместо того, чтобы отпустить тебя на встречу с создателем, я уничтожил твою душу, тем самым нарушив догмат. Но воля Господа непоколебима, а потому сработала защита от нарушения. По задумке, ты возвращался к началу земного пути, а вместе с тобой и наученная горьким опытом собственной смерти, твоя уничтоженная душа. Она должна была охранять тебя и вести по жизненному пути. И в конечном счёте, предотвратить собственную смерть и нарушение догмата. Сделай она так, вероятнее всего мы с тобой здесь не стояли. Но после перерождения, твоя погибшая душа прибивалась к Олесе и в итоге я

уничтожал её восемь раз подряд, но девятого раза не будет.

Долгий монолог окончен, многое вставало на свои места. Я прекрасно понимал, для меня всё закончилось, но на всякий случай спросил Каина.

– Что теперь?

– Отпустить я тебя не могу, остаток дней ты проведешь здесь, среди подобных себе. А мне всего лишь остаётся прожить достойную жизнь в твоём теле и вознестись к отцу, – Каин вскинул руки, громко проговорив. – Встречайте, новопреставленный Кирилл!

Из голодной мглы, на встречу мне, вышел тысячный марш. Обречённые и проклятые души, обласканные долгими столетиями мертвенной тьмы. Застывшими, замученными взглядами пустых глаз, они встречали меня – новопреставленного Кирилла.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА. ТО, ЧТО НАМ УГОТОВАНО

Ольга присела на корточки возле неизвестного мужчины. Приподняла тяжёлую, холодную руку и повернула часами к себе. Секундная стрелка стремилась завершить десятую минуту нового дня. Ольга не без доли горечи вздохнула, но дабы утвердиться в опасности своих тревожных мыслей, решила отыскать источник информации понадёжнее. Пошарила по карманам мужчины и во внутреннем отделении куртки нашла старую, кнопочную Nokia. На цветном дисплее, в

нескольких цифрах, подтвердились все опасения. Наступило шестнадцатое ноября, а это значит, длинный круг цикличности разомкнулся и последствия оказались куда разрушительнее, чем можно было предположить. Во дворе роскошного особняка женщина стояла в буквальном смысле на трупах. Каждый метр земли до двухэтажного строения покрывало новое тело. Дворовые фонарики выдёргивали из густоты мёртвого тумана свежие лица погибших людей. Мужчины и женщины, взрослые и дети. Лик внезапной смерти, на каждом усопшем запечатлела последнюю эмоцию за секунду до гибели. Ольга наступила на мягкую поверхность и отскочила назад. Под её ногу попала ладонь молодой, беременной девушки, по возрасту, едва ли старше Олеси. Перекошенный в блаженной улыбке рот будущей мамы, искажил не родившийся крик, так и не увидевшего белый свет, ребёнка. Ольга ещё раз оглянулась по сторонам. За свою жизнь она видела множество масок смерти: умиротворенных, измученных, изуродованных, на многих даже отображалось облегчение, но никогда, за всю свою карьеру, не видела счастливого блаженства на лицах мертвецов. Память картинками вырывала давно минувшие воспоминания об этом месте. Яркий летний день, особняк, наполненный жизнью и кипучим бытом, запах шашлыков и сёмги на углях, пожаренных хозяином дома, нежный танец детей в свете фонарей и закатного солнца. Беззаботный мир, канувший во мрак и превратившийся в могильник. Окруженные скверной, владения дома

окутал мгlistый туман. Будто кошмар самого невероятного сна смог выбраться наружу и обрести плоть. Ольга знала, она не в Олесеном разуме, не в чьих-то дурных сновидениях, не в больной иллюзии Каина, а в местечке гораздо похуже – она снова на Земле.

– Боже, как ты такое допустил? – Прошептала женщина, закрывая лицо ладонями.

Ольга присела около беременной девочки, пальцами прикрыла её глаза и побрела ко входу в дом, вымеряя каждый клочок земли. Внутри особняка дела обстояли ещё хуже. В узких коридорах, наслаиваясь друг на друга, целыми штабелями лежали тела в удушающей вони собственных испражнений. Ольге нужно попасть наверх и единственный способ сделать это, в прямом смысле идти по трупам, другого пути нет. На подступах ко второму этажу по коридорам разлетелся визг. С этого момента, он не прекращался поменяв свою форму на протяжный вой. Когда Ольга добралась до источника, она не могла поверить своим глазам, ведь после увиденного, каков был шанс, что хоть кто-то остался в живых. Лёжа в холодных ногах мёртвой матери, дрожа от страха, рыдала Олеся. Женщина осмотрительно зашла в комнату. Все потомки Каина за исключением Олеси – погибли. Но среди знакомых лиц, она не нашла главное. В числе погибших не было Кирилла.

Ольга приблизилась к девушке и опустилась рядом на колени.

– Олесь? Олесь ты меня слышишь?

Девчонка, всхлипывая приподняла голову вверх.

– Ольга! Что ты тут делаешь? Я всё ещё сплю? – Пропшептала последнюю фразу девушка и после маленькой паузы истерично заорала на всю комнату. – Скажи, что я всё ещё сплю.

Молчаливый ответ Ольги, расставил все точки, оказавшись красноречивее слов. Олеся бросилась к женщине, крепко обняла и залилась слезами новой силой. Её голос перемешивался с рёвом.

– Не уходи, прошу. Не оставляй меня здесь одну.

Знакомые слова, однажды нечто подобное пришлось проносить и самой Ольге. Олеся частично повторяла её горькую судьбу, только в отличие от женщины, в одно мгновение девчонка лишилась всего. За один короткий миг её мир превратился в ничто. Единственное что оставалось, повреждённый рассудок и если срочно не найти отсюда выход, она утратит и его.

Олесин разум угасал. Как и под каким предлогом, она согласилась покинуть дом девушка не помнит. На пути к выходу Олесю четыре раза рвало, она то и дело падала и спотыкалась. Затем миновали опустевшее полицейское оцепление рядом с домом, и потратив кучу времени добрались до ближайших соседей. На улицах Романовки стелилась мгла. На подступах к новым домам из толщи тьмы проступал оконный свет, но стоило им удалиться подальше, всё снова исче-

зало. Ни звука, ни шороха – абсолютная тишина покрывала окрестности. Выбравшись с улицы Ольга попросила указать в какой стороне находится выезд из рабочего посёлка. Олеся интуитивно показала направление и движение возобновилось. Неимоверная дурнота волнами накатывала на девушку, сердце участило ход то и дело намереваясь выскочить. Остатки энергии покидали тело, и оно всё чаще преставало слушаться. Состояние ухудшалось с каждым новым шагом. Голова налилась свинцовой тяжестью, мысли превратились в тягучую субстанцию, не имеющую чёткой формы и выражения, перед глазами всё плыло и качалось. Иногда Олесе казалось, что за руку её держит мама, иногда, что её ведёт Кирилл. Она начинала с ними заговаривать, вести диалог, успевала даже смеяться, а затем снова приходила в себя осознавая, что рядом идёт Ольга. Периодами, окружающий мир скрывался в лабиринтах Олесеного сознания, а когда появлялся вновь, девчонка не понимала где находится. Тройку раз, она с удивлением открывала глаза от того, что сидит или лежит на ледяном асфальте, а женщина хлещет её по щекам.

Олеся почувствовала лёгкое касание освежающего ветра. Повернулась навстречу мимолётному дуновению и обнаружила, себя на мосту. Похоже она в очередной раз отключилась, потому что совершенно не помнит, как оказалась на этом месте.

– Мы пришли. – Спокойно констатировала факт Ольга.

Девчонка облокотилась на мостовые перила. В ней ещё

теплились остатки самооознания и потому Олеся понимала насколько туго соображает. Но всё ещё могла формулировать нужные слова:

– Куда пришли?

– Иди навстречу ветру и найдёшь выход. – Указала женщина рукой.

Олеся посмотрела в сторону, но затем снова обратила внимание на Ольгу.

– Я не могу просто так уйти и бросить родителей.

– Ты им уже не чем не поможешь, а оставаясь здесь, только навредишь себе.

– А как же Кирилл, ведь его тело мы так и не нашли.

– Олесь, – эмоционально вскипела Ольга. – Оглянись по сторонам, ты видела то же что и я. Если бы Кирилл спасся, думаешь он допустил бы нечто подобное.

Девушка снова заплакала, только теперь очень тихо и почти беззвучно.

– Но меня учили, что всегда есть выбор и иной выход.

– Не в этот раз. – Жестоко обрубил Ольга.

Олеся немного постояла, затем снова спросила:

– Ты же ведь пойдёшь со мной?

– Я не могу.

– Тогда я останусь с тобой. – Попыталась оспорить Олеся.

– Тебе нельзя. Теперь эта земля принадлежит мёртвым, живым здесь не место.

– Но я...

– Олесь послушай. Ты должна выжить.

– Выжить! Зачем? Ты же прекрасно знаешь, что меня ждёт.

– Знаю. Ты будешь жить воспоминаниями, где обрывистый миг прошлого окажется светлее, тёмного настоящего. Где новый день, лишь долгая прелюдия беспокойной ночи. Ты снова будешь счастлива, в тот самый короткий момент, когда сможешь заснуть, но проснувшись станешь отчаянно кричать. Не один человек не сможет подобрать к тебе нужных слов, и только твоя собственная тень, блуждающая рядом, поймёт горькую ношу безысходного одиночества.

Первое глубокое сожаление сорвалось с Олесиных уст:

– Лучше бы я умерла рядом с Кириллом.

– Кирилл думал иначе и потому предоставил тебе шанс на вторую жизнь. Ты же прекрасно слышала его последние слова. И если не ради себя, не ради родных, сделай это ради него. Воспользуйся шансом, который он даровал. Я знаю, будет тяжело, но именно тебе выпала эта роль.

Олеся, как могла, обдумывала доводы Ольги. В итоге мысленно приняла решение, отошла от поручней и дрожащими руками обняла женщину.

– Мы ещё увидимся?

– Я не знаю, но искренне на это надеюсь.

Мобилизовав последние силы, собрав остатки воли и стараясь не оборачиваться, девушка отправилась навстречу ветру. Туман рассеивался, сквозь густоту мглы пробивался све-

жий воздух и лучи жёлтых фонарей. Они беспорядочно мелькали в ожидании чуда. И вот навстречу обозримому миру, к вспышкам и камерам. В чужой куртке и порванной тунике, мокрая и перемазанная грязью, с разбитыми в кровь коленями, обутая не по сезону в мамины домашние балетки – вышла Олеся. Девушку встречал огромный кордон из машин полиции, пожарных, скорой и служб МЧС. Целый муравейник людей, разбив палаточный городок, толкся на въезде в Романовку, создав массивное оцепление. Разделяло их только несколько сотен метров асфальтированной дороги.

Олесю внезапно ослепило, она отступила на пол шага назад, закрываясь от режущего света прожекторов. На уши давил шум, сквозь который слышалось:

– Смотрите, там выживший.

Более не в силах держаться девушка опустила руки. Разум окончательно поплыл, одна за одной, мыли затухали. Под тяжестью собственного веса тело наклонилось вперёд. К ней на помощь, будто в замедленной съёмке, неслись люди. Олеся теряла сознание и видела. Праздник шестого дня рождения, когда дед и отец изрядно поднабравшись, притворялись лошадьми и верхом на спине катали её по дому. Как спасаясь от сильной метели, Олеся с крёстным бежали домой с ёлкой в руках. А когда пришли, долго закатывались от смеха, обнаружив, что четыре ветки сломалось, а половина хвои осыпалась. Как делилась секретами с бабушкой и мамой, а в рождественскую ночь они втроём гадали на суженого. И

конечно сам суженый. Перед ударом об асфальт и полным погружением в пустоту, Олесю посетили последние мысли. Она полюбила Кирилла за несколько скоротечных дней, но теперь чтобы разлюбить его, ей не хватит и целой жизни.

Из архива федерального канала. Экстренная сводка новостей.

В ночь на шестнадцатое ноября, в Саратовской области, произошла страшная трагедия. По официальной версии рабочий посёлок Романовка накрыло облако токсичного смога. Точное число жертв пока не известно. По предварительным данным около четырёх тысяч человек оказались в эпицентре происшествия. Службами МЧС, на месте трагедии проводятся первоочередные спасательные мероприятия.

Выпуск от 16 ноября 2019. 06:00.

Из архива федерального канала. Сводка новостей.

Двадцатого ноября был опубликован окончательный список погибших. Напоминаем, жертвами трагических событий, стали 4952 человека из них 27, сотрудники МЧС, работающие на месте ликвидации катастрофы. Сегодня, не только в России, но и по всему миру пройдут церковные службы. Но именно здесь, за 13 километров от места гибели, в посёлке Таволжанский у памятной стелы с именами погибших, пройдёт главная панихида. Со вчерашнего дня, сюда стекаются люди со всех уголков страны. Возложить

цветы, почтить минутой молчания родных и близких и помолиться за усопшие души.

Выпуск от 24 ноября 2019. 09:13.

ЭПИЛОГ. ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ

Девушка открыла глаза. Нащупала телефон и проверила время. Семь двадцать восемь утра, во второй половине января в этой полосе России, считай ночь. Движение на тёмных улочках минимальное, до рассвета ещё далеко и лишь свет в узорчатых от мороза окнах многоквартирных домов говорит о том, что город проснулся. Олеся тоже проснулась, в неосвещённом помещении монитор её телефона размытыми бликами отражался в глянцевом потолке.

– Кирилл, – в пол тона позвала девушка. – Кирилл ты где?

В постели парня не было. Олеся окинула, начиная от двери, заканчивая окном, всю комнату. Кроме неё самой и тишины вокруг в зале никого не было. За окном мелкий лёгкий снег медленно кружил в свете жёлтого фонаря, опускался на землю и пропадал на заметённой дороге. Подгоняемый ветром он ещё несколько раз вздымался вверх, сталкиваясь на обочине в небольшие сугробы. Зима выдалась знатная, хотя конец ноября не предвещал таких резких погодных изменений. В меру прохладный, смазливый, дождливый, капризный. Всё говорило – в новый год снега опять не жди. Но кто мог подумать, с наступлением первого дня нового сезона, морозы ударят полной силой. Снег покроет крыши домов,

пешеходные тропы заметёт до узеньких дорожек, машины и проезжую часть занесёт, а на стёклах образуются кристаллизованные узоры. Люди побросают кожанки, лёгкие куртки и плащи в застенки шкафов и достанут оттуда на замену, зимнюю одежду. Водители не успев протереть глаза, будут откапывать совковыми лопатами собственные автомобили, а дети с надеждой в сердцах ждать сообщений, что из-за сильного холода в школах города занятия с первый по одиннадцатый класс отменяются.

Олеся сбросила одеяло, встала и прислушиваясь вышла за пределы зала. На кухне горел свет, частично выпадая и рассеиваясь по коридору. Девушке стало невдомёк, любопытство переросло в интерес. Ведь она чувствовала запах жаренного мяса, а точнее недавно купленного бекона, слышала, как утренний деликатес шкварчит на сковороде, затем выглянула из-под угла и увидела масляные брызги, летящие во всю сторону и по пояс раздетого Кирилла у плиты. Олеся хихикнула, едва не выдав своё присутствие. Подобная картина в глазах девушки, вызвала такую милоту – как любят часто говорить пользователи интернет сети. Она на цыпочках прошла обратно в зал, с фонариком покопалась в сумке и вернулась назад. Лёгкой поступью, словно кошечка, как иногда называл её Кирилл, она зашла ему за спину.

– Только мой мужчина может в собственный день рождения готовить себе завтрак.

Кирилл шустро отреагировал:

– Твой мужчина в собственный день рождения готовит завтрак не только себе, а ещё и своей даме, – обернулся парень на голос Ангела. – И вообще я считаю значение дня рождения сильно преувеличенным.

– Знаю, – вплотную подошла Олеся, чмокнув парня в губы. – Однако сегодня особенный день, даже более особенный, чем все остальные дни рядом с тобой. Сегодня тебе двадцать пять, – девушка задумалась, наконец выдав с комичным прищуром. – Слушай так тебе уже ровно четверть века, это уже немало Кирилл.

– Ты так говоришь, как будто я древний, как динозавр.

– Напомни, когда тебя откопали?

Кирилл засмеялся над чёткой подколкой в свой адрес. Олеся всегда грамотно, своевременно и главное беззлобно подтрунивала парня. Он опустил руки по стройной талии своего Ангела, подтянул ближе страстно, поцеловав. Олеся отрываясь от губ любимого мужчины произнесла:

– А теперь мистер я не люблю собственные дни рождения, я на правах девушки твоей мечты, вручу тебе подарок. Готов? – Отступила Олеся немного назад.

Кирилл одобрительно кивнул в нетерпении. Девушка достала из-за спины прямоугольную пластиковую коробку. У парня округлились глаза.

– Это, это же. Где ты его достала? – парень с трясущимися руками взял упаковку с диском. – Её же запретили у нас в стране. Как ты достала эту игру? – Говорил Кирилл, не от-

рываясь от диска, поворачивая его туда-сюда.

Наиприятнейшее удивление. В кой то веки на свой день рождения он получил не то что хотели другие, чтобы у него было, а то что он сам хотел, чтобы у него было. Не подарок по нужде, а подарок по душе.

– Понравился?

Кирилл подхватил Олесю, поднял вверх, крутанулся на триста шестьдесят градусов вокруг своей оси и поставил назад.

– Я думаю это да, – заметила девушка. – Честно признаться, я не ожидала настолько бурной реакции, но есть одно условие:

– Слушаю.

– Ты научишь меня в это играть, сегодня.

Кирилл приставил ладонь к пустой голове как бы в знак «Есть мэм».

– Кстати, ты мне ещё Kinect торчишь. – Указала Олеся пальцем.

– После завтрака все интерактивные развлечения в нашем распоряжение, – подвёл черту парень. – А сейчас, руки мыть, умываться и за стол.

Завтрак пролетел в диалогах, на тему о замечательном подарке. После, посуду оставили грязной до лучших времён, перебазировавшись в зал с одним из крепких напитков. Морозилка полностью была набита бутылками с алкоголем, выбирай что хочешь. Кирилл сам её набивал и называл это за-

рядить обойму. Они достали одну и пошли в кровать полежать в объятиях друг друга, пообжиматься и так далее всё из этого вытекающее. И вот только потом начались прочие, как говорит Кирилл, интерактивные развлечения.

Олеся отчаянно пыталась научиться играть в стрелялки на джойстике. Как человек не державший ни разу геймпад в руке, со времён скажем денди, получалось у неё сносно. Нажимать неизвестные кнопки, одновременно смотреть в монитор и управлять двумя аналогами для девушки оказалось всё же сложнее, чем запечь курочку в рукаве. Для Олеси это было настоящее ломание пальцев и по канону закончилось сломанным ногтем. Девушка и это свела в шутку, сказав, что прошла боевое крещение, и так как игра про войну, она получила ранение и теперь должна быть комиссована в объятия Кирилла.

После парень подключил обещанный датчик движения. И тут начались танцы, а уже если совсем честно, полупьяные кривляния перед камерой, после выпитой бутылки вина и наполовину опустошённой полторашки чешского разливного. Повторять движения за компьютерным персонажем было гораздо веселее пострелушек. Они пробовали и виртуальный волейбол в паре и бейсбол. Особенно Олесю впечатлил виртуальный боулинг. Девушка знатно приноровилась, надрвав Кириллу причинное место несколько раз подряд.

Между тем, вечер наступал на пятки, самое время для просмотра фильмов. Кирилл предлагал посмотреть ужастик,

Олеся комедию или драму, а сошлись на третьем варианте. Девчонка вернулась из туалета обнаружив, Кирилла, стоящего у окна.

– Ты чего там увидел? – Подошла девушка к подоконнику.

Она посмотрела на любимого человека, прочитав небольшую тревогу на его лице.

– Взгляни.

По улочкам стелился густой туман. Ближе к дому вполне сносно, но далее по дороге, вглубь города всё плотно затянуло, обрывая видимость.

– Ну вот теперь всё растает, – раздосадовано сказала девушка. – И зима превратится в сопли. Так что у нас на счёт фильма? – Перевела Олеся тему.

– Всё готово, – отрапортовал Кирилл, протянув Ангелу очки для просмотра 3D. – Осталось занять посадочное место.

Тревога с лица парня исчезла, должно быть ей показалось.

– Делаем так. Ты садишься первый, я подсаживаюсь к тебе. Одной рукой ты меня обнимаешь, а второй возишься в волосах. Поему всё справедливо. Давай.

Олеся усадила парня и через секунду села к нему сама.

– Врубай. – Махнула она рукой.

Кинолента началась. Кирилл копошился в волосах Олеси, пару раз она клевала носом, снова очухивалась, поймав себя на том. На самом деле ей наплевать что смотреть, ужастик, комедию, драму или как сейчас, супергероику по мотивам

популярных комиксов. Ей совершенно без разницы что делать, ломать пальцы об джойстик, кривляться перед телевизором, наблюдать за туманом на улице или молчать не о чём, упулившись в стену. Не имеет это для Олеси никакого значения. Ведь главное не что, а с кем она это делает. С тем, чьё имя вызывает благовейный трепет, с тем, чьи слова и действия никогда не поставит под сомнения, с человеком которого она любит всей душой и как говаривал один человек, таким какой он есть. Олеся знала – она любит, и немало важно – она любима. И словно прочитав её собственные мысли, девушка одновременно близко и далеко услышала голос Кирилла, слегка щекочущий ухо.

– Спасибо тебе, мой Ангел.

Внезапно Олеся открыла глаза. Свет более не горел, телевизор выключен, на улице в окнах домов моргали огоньки. Она уже прекрасно поняла, что произошло, но не хотела с этим мириться, отпустить, а потому на всякий случай прохрипела в тишине:

– Кирилл? – Захватывая воздух ртом, через забитый нос он едва проходил, снова произнесла сорванным голосом. – Кирилл?!

Сбоку на подушке загорелся и завибрировал телефон, освещая бледное, осунувшиеся лицо Олеси. Она дрогнула, схватила трубку, сняла блокировку и прочла уведомление, пришедшее на смартфон. Слезы градом посыпались на монитор, размывая сообщение, как и тот сон приснившийся

минуту назад. Олеся закричала, швырнув телефон в сторону, он отпружинил от дивана и с треском упал на пол.

В панораме тёмной комнаты безнадёжно надрывалась девушка. По середине пола, снова бликами отражаясь в глянцево-м потолке, лежал телефон. Поверх фотографии с улыбающимся парнем, на треснувшем дисплее, бегая, повторялось одно и тоже уведомление. *07:28, 19 января 2020. Сегодня день рождения Кирилла Телегина.*

КОНЕЦ.